

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга первая.

Книга вторая.

Книга третья.

Книга четвертая.

Книга пятая.

Книга шестая.

Книга седьмая.

Книга восьмая.

Ахилл Татий

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга первая

Текст приводится по изданию:

Античный роман. М., «Художественная литература», 2001.

Перевод и примечания: В. Чемберджи, 1969 г.

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#) [IX](#) [X](#) [XI](#) [XII](#) [XIII](#) [XIV](#) [XV](#) [XVI](#) [XVII](#) [XVIII](#) [XIX](#)

Первым изданием "Левкиппы и Клитофонта" следует считать издание 1601 года, которое было повторено в 1606 году (оно включало также и роман Лонга "Дафнис и Хлоя"). Греческий текст романа с тех пор издавался восемь раз. Что касается его переводов, то первый перевод романа вышел раньше, чем первое издание его полного текста на греческом языке. Это был перевод на латинский язык, сделанный в 1544 году Лючио Аннибале делла Кроче (в латинской транскрипции Круцей); в распоряжении первого переводчика находились лишь четыре последние части романа. В 1546 году появился перевод Татия на итальянский язык, сделанный с латинского текста Круцея. Этот же перевод Круцея положен в основу первого перевода романа на французский язык, вышедшего в Лионе в 1572 и переизданного в 1573 году. Пожалуй, больше всего роман переводился именно на французский язык (в Париже в 1575 году, в Лионе в 1586 году, в Париже в 1635 году, в Амстердаме в 1733 году, в Париже в 1785, 1797 годах и т.д.). Семь раз переводился роман Татия на английский язык; есть переводы на немецкий, испанский языки. На русский язык роман Ахилла Татия был впервые переведен в 1925 году. Перевод этот анонимный, указаны лишь инициалы авторов перевода; роман вышел под редакцией Богаевского с вступительной статьей Болдырева (Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Клитофонт. Перевод А.Б.Д.Е.М., Государственное издательство, 1925).

Перевод, публикуемый в настоящем томе, был сделан по одному из последних изданий оригинала (Стокгольм, 1955).

На Ассирийском море стоит город Сидон¹. Он приходится матерью финикийскому народу — отцу фиванцев. Просторная двойная гавань залива постепенно смыкает морскую ширь. С правой стороны воды залива глубже вдаются в сушу, заполняя второе прорытое ими устье, и у гавани образуется другая гавань, тихая, укрытая от ветров. Торговые суда уходят зимовать в эту гавань, в то время как летом они стоят в самом заливе.

Я оказался в Сидоне, спасшись от сильного ненастья, и поспешил принести благодарственную жертву богине, которую жители города называют Астартой². Затем я отправился бродить по городу, рассматривал жертвенные приношения и остановился перед картиной, изображавшей море и землю. Я узнал Финикийское море, Сидонскую землю и Европу³. На лугу кружился хоровод девушек. В морских волнах несли бык, на спине у него сидела прекрасная девушка, они плыли по направлению к Криту.

jhkjkhjkl.k kl hkhjkl Цветы в несметном множестве покрывали луг, деревья и кусты росли в столь близком соседстве, что касались друг друга листьями, сплетались ветвями кроны, образуя над цветами непроницаемую крышу. Художник нарисовал и тень, которую отбрасывали деревья, — солнечные лучи едва-едва пробивались сквозь густую сень листвы. Луг был обнесен оградой и покоился внутри ее в лиственном венце. Нарциссы, розы, мирты росли на грядках, разбитых в тенистых кущах. В самой середине луга бил из глубины земли родник, влагой своей освежавший цветы и кусты. Мастер изобразил и землекопа, с киркой в руках склонившегося над ручьем и расчищающего воде русло. На краю луга, у самого моря, стояли девушки. Одновременно восторг и ужас являли собой они. Венки обрамляли чело каждой, волосы разметались по плечам. Хитон, подтянутый поясом до колен, открывал ноги, не обутые в сандалии. Бледные, искаженные лица, устремленные к морю глаза, чуть приоткрытые уста, казалось, готовые испустить вопль ужаса, рупобежать, но страх не позволяет глубже в море зайти. Морская вода переливается двумя оттенками, у берега она отликает пурпуром, вдали — переходящим в синь. Мастер изобразил и пену морскую, и скалы, и волны. Скалы возвышались над землей, убеленные пеной волн, вздымающихся и разбивающихся об их подножия. Несся среди морской пучины бык, — согнув ноги, он оседлал вздыбленный вал. На спине его сидела девушка, ноги ее свешивались с правой стороны. Бык послушно следовал за рукой, которая направляла его. Хитон закрывал грудь девушки, а нижняя часть ее тела была скрыта складками плаща. Тело ее просвечивало сквозь белый хитон и пурпурный плащ. Глубоко посажен пупок в напряженных мышцах ее живота, тонкий стан округлялся ниже талии, едва угадывались сквозь ткань соски груди. Пояс, стягивающий хитон, касался и сосков ее, так что хитон обратился как бы в зеркальное отражение ее тела. Одну руку она протягивала к рогам быка, другую к его хвосту. Обеими руками она держала

развевающееся над головой покрывало, ниспадающее вдоль спины. Ткань, наполненная воздухом, выгибалась и растягивалась — так художник изобразил ветер. Девушка плыла на быке подобно тому, как плывут на корабле, и покрывало служило ей парусом. Плясали вокруг быка дельфины, играли в волнах эроты, они были нарисованы, словно живые, в движении. Эрот увлекал за собой быка. Малое дитя, осененный крылом Эрот, с колчаном за спиной и факелом в руке, улыбаясь, обратил свое личико к Зевсу, как бы насмехаясь над тем, что из-за него Зевсу пришлось стать быком.

jhkjhkljkl.k kl hkhjkljkhkjhkljkl.k kl hkhjkl

II

jhkjhkljkl.k kl hkhjkl

Все нравилось мне в этой картине, но, тонкий знаток любви, я не мог оторвать взора от Эрота, увлекающего за собой быка.

— Чтобы такому младенцу, — воскликнул я, — равно повиновались и небо, и земля, и море!

В ответ на мои слова юноша, который стоял рядом со мной перед картиной, возразил:

jhkjhkljkl.k kl hkhjkl

— Я претерпел столько горестей от любви, что очень хорошо это знаю.

— Что же ты претерпел, мой дорогой? — спросил я его. — Ведь, судя по твоей наружности, ты не далек от постижения таинств этого бога.

— Ты вызываешь своим вопросом целый сонм рассказов, похожих на сказки.

— Не медли же, мой дорогой, — ради Зевса и самого Эрота поведай мне обо всем, особенно если приключения твои похожи на сказки.

С этими словами я беру его за правую руку и веду в ближнюю рощу под густую сень могучих платанов; прозрачный ручей струит здесь студеную воду, какая бывает только от растаявшего зимой снега. Мы садимся с ним рядом на низенькую скамеечку, и я говорю:

-Вот теперь я готов слушать твой рассказ; восхитительно это место и достойно сказок о любви.

III

И он начал свой рассказ так:

— Я родился в Тире⁴, в Финикии, зовут меня Клитофонт, отца Гиппий, его брата Сострат, но они не родные братья, — у них один отец, матери же разные: у отца тириянка, а у Сострата византиянка. Сострат живет в Византии⁵: в наследство от матери ему досталось большое состояние; мой же отец в Тире. Своей матери я не знал, потому что она умерла, когда я был еще младенцем. Отец женился во второй раз, и от этого брака родилась моя сестра Каллигона. Отец хотел поженить нас, но мойры⁶, более могущественные, чем люди, предназначили мне в супруги другую.

Божество любит являться нам ночью и приоткрывать завесу над нашим будущим, — не для того, однако, чтобы мы сумели уберечь себя от него (ведь людям не под силу справиться с роком), но для того, чтобы с большим смирением мы к нему отнеслись. Ведь все, что обрушивается на человека неожиданно, ошеломляет его душу своей внезапностью и погружает ее в безысходность, если же люди исподволь готовят себя к страданию, пусть еще даже не испытанному, то острота его понемногу притупляется.

Мне шел девятнадцатый год, отец готовился на следующий год поженить нас с Каллигоной, когда в игру вступила судьба. Мне приснилось, будто я сросся с какой-то девушкой нижней частью тела до самого пупка, а выше тела наши раздваиваются, — и вдруг предстает передо мной огромная женщина, страшная, свирепая, с глазами, налитыми кровью, с искаженными лютой злобой чертами лица, со змеями вместо волос. В правой руке у нее серп, в левой — факел, она бросается на меня, ударяет прямо в пах, где соединялись наши тела, и отсекает от меня девушку. В ужасе от этого видения я вскочил, но никому не рассказал про свой страшный сон, предвещавший мне многие беды. И вскоре происходит следующее. У отца, как я уже говорил, был брат Сострат, — так вот от него приехал какой-то человек и привез письмо из Византия, в котором было написано: "Брату Гиппию привет от Сострата. К тебе прибывают моя дочь Левкиппа⁷ и моя жена Панфия, потому что фракийцы напали на Византий. Сбереги самое дорогое, что у меня есть, пока не кончится война".

IV

Прочитав письмо, отец вскочил, бросился к морю и немного погодя вернулся. За ним следовала целая толпа рабов и служанок, которые, по велению Сострата,

сопровождали жену и дочь его. В середине шла высокая женщина, одетая очень богато. И вдруг словно молния ослепила мои глаза: слева от нее я увидел девушку, которая была похожа на Селену⁸, — когда-то я видел ее изображенной на быке; искрометный взор, золотые кудри, непроглядно черные брови, белые щеки, розовеющие подобным пурпуру румянцем, — в такой примерно цвет женщины в Лидии окрашивают слоновую кость, — уста как бутон розы, только начинающий распускаться. В тот миг, как я увидел ее, я погиб. Ведь красота, ослепившая глаза и проникшая в душу, ранит сильнее стрелы. Дорогу любовным ранам открывают наши глаза. Я почувствовал, как душу мою одновременно обуревают восторг, смятение, трепет, стыд, бесстыдство; я преклонялся перед ее величием, был ошеломлен ее красотой, сердце колотилось, я смотрел на нее дерзко, в то же время стыдясь, что оказался плененным ею. Я пытался оторвать от девушки взор, но глаза мои не слушались, — они тянулись к ней, прикованные цепью ее красоты, и победили.

V

Наконец гости вошли, и отец, отведя им покои в нашем доме, заказал обед. В урочный час мы принялись за трапезу, причем расположились за столом по двое (так нас рассадил отец): мы с ним в середине, две матери слева, а две девушки справа. Услышав от отца, что мы разместимся именно так, я чуть было не набросился на него с поцелуями за то, что Левкиппа оказывалась у меня прямо перед глазами.

Клянусь всеми богами, я и понятия не имел о том, что я тогда ел. Словно я ел во сне, а не наяву. Опершись локтями на подушку, я не отрывал глаз от девушки, в то же время стараясь скрыть от всех, что гляжу на нее, — вот и весь мой обед. Когда трапеза кончилась, пришел мальчик, слуга отца, с настроенной кифарой. Перебирая пальцами струны кифары, он извлекал из нее звучные аккорды, а потом взял плектр, ударил им по струнам, поиграл немного и запел под музыку. В песне говорилось о том, как Аполлон упрекает Дафну за то, что она убегает от него, как он преследует ее, пытаясь настичь девушку, как Дафна превращается в лавр и Аполлон увенчивает себя им. Пение мальчика еще больше воспламенило мою душу. Ведь рассказы о любви всегда разжигают влечение. Даже если человек стремится обуздать себя благоразумием, то чужой пример обязательно побуждает его к подражанию, особенно в том случае, когда пример этот подает некто более могущественный. Тогда робость обращается смелостью, ведь так случалось и с теми, кто более достоин уважения. И я сказал себе: "Сам Аполлон был влюблен в девушку, но, любя, не испытывал никакого стыда, напротив, он преследовал ее. А ты медлишь, робеешь и вовсе нехотая стараешься образумиться, а разве ты сильнее, чем бог? "

VI

Наступил вечер, женщины первыми отправились спать, а немного спустя и мы последовали их примеру. Все, кроме меня, мерили удовольствие радостями желудка, я же насытил лишь свои глаза созерцанием девушки и уходил, переполненный одной только ею, опьяненный своей любовью. Я пришел в свою спальню, но не мог заснуть. Мы так созданы природой, что по ночам телесные и душевные наши раны болят еще сильнее и в то время, как тело предается покою, страдания возрастают. В ночные часы сильнее болит язва, муки же от сердечных ран становятся нестерпимыми. Днем глаза и уши бывают поглощены множеством забот, которые отвлекают душу от горестей, не дают ей времени предаться им и смягчают остроту переживаний. Но иссякают дневные дела, тело получает отдых, и тут-то боль начинает бушевать с новой силой. Пробуждается все то, что доселе дремало в душе: у страдальцев — их горе, у поглощенных заботами — их думы, у людей, находящихся в опасности, — страхи, у влюбленных — пламя любви. Лишь под самое утро я ненадолго забылся сном.

Но и тогда девушка не покидала моего сердца, — все сновидения были полны Левкиппой. Я говорил с ней, играл, разделял с ней трапезу, я прикасался к ней, и радость моя превзошла ту, что я испытал днем. Я даже поцеловал ее, поцеловал по-настоящему. Поэтому, когда раб разбудил меня, я выбрал его, — ведь он прервал мой сладостный сон так не вовремя!

Поднявшись с постели, я нарочно стал прогуливаться по дому, стараясь попасться Левкиппе на глаза. Уткнувшись в книгу, я делал вид, что читаю, но, подходя к дверям ее комнаты, украдкой бросал на нее взгляды. Несколько раз я прошелся, и при каждом взгляде любовь моя разгоралась все сильнее. Наконец я удалился, и на душе у меня было тяжело. Так я сгорал в огне любви три дня.

VII

У меня был двоюродный брат, сирота, звали его Клиний. Двумя годами старше меня, — уже причастный к таинству любви, он был влюблен в одного отрока. Клиний проявлял к мальчику необычайную щедрость. Как-то он купил себе коня, и, когда мальчик похвалил покупку, Клиний немедленно отдал ему этого коня.

Я всегда подшучивал над ним, ведь он растрачивал время на то, чтобы любить, он был рабом радостей любви. Улыбаясь, Клиний покачивал головой и говорил мне:

— Подожди немножко, и сам попадешь в рабство к Эроту.

Вскоре после того, как все это со мной случилось, я побежал к Клинию, сел рядом с ним, обнял его и сказал:

— Клиний, я, кажется, наказан за свои шутки. Я тоже стал рабом.

Клиний захолопал в ладоши, засмеялся и поцеловал мое измученное любовной бессонницей лицо.

— Ты любишь, ты любишь по-настоящему! — восклицал он. — Я вижу это по твоим глазам.

Не успел он сказать это, как вбегает Харикл (так звали его возлюбленного).

— Я погиб, Клиний, — говорит он, объятый тревогой. Клиний застонал и, словно от ответа мальчика зависела его жизнь, стал просить:

— Я умру, если ты будешь молчать! Что за беда случилась с тобой? С кем надо сразиться?

— Отец, — отвечает Харикл, — задумал женить меня. Причем он прочит мне в жены уродку, таким образом суля мне двойное зло. Ведь жена — сама по себе уже зло, даже если она красива, а уродливая жена — это зло вдвойне. Но отец спешит породниться с ней, чтобы таким образом получить богатство. И я, несчастный, должен жениться на ее деньгах, продают меня в рабство.

VIII

Когда Клиний услышал это, вся краска сошла с его лица. Он принялся отговаривать мальчика от вступления в брак и при этом осыпал бранью весь женский род.

— Отец понуждает тебя уже вступить в брак. В чем же ты провинился, чтобы надевать на тебя эти оковы? Разве ты не знаешь, что сказал по этому поводу Зевс?

Зло подарю я им вместо огня, и они забавляться
Будут им сколько хотят, своим собственным горем
довольны⁹.

Такую радость приносят женщины, они по природе своей сродни сиренам¹⁰, которые убивают своей сладостной песнью. О размерах этого несчастья можно судить даже по приготовлениям к браку. Флейты вопят, ворота лязгают, пылают факелы. Наблюдая всю эту суматоху, любой скажет: "Как видно, вступление в брак — это большое несчастье, похоже, что человека отправляют на войну".

Если бы ты не был достаточно образован, ты бы мог еще не знать всех злодейств,

которые совершили женщины; но ты ведь и другим можешь рассказать о тех ролях, которые они играют на сцене жизни: вспомни только ожерелье Эрифилы¹¹, пир Филомелы¹², клевету Сфенебеи¹³, воровство Аэропы¹⁴, убийство Прокны¹⁵. Когда Агамемнон томился по красоте Хрисеиды, он нагнал на Элладу чуму; Ахиллес, томясь по красе Брисеиды, причинил себе горе; у Кандавла¹⁶ была красавица жена, но она его убила. Огонь брака Елены спалил Троию. А скольких женихов отправила на тот свет благо нравная Пенелопа? Федра убила Ипполита, потому что любила его, а Клитемнестра убила Агамемнона, потому что не любила его. О женщины, способные на все! Они любят и убивают, они не любят — и тоже убивают! Подумать только, что суждено было погибнуть Агамемнону, чья красота была подобна красоте небожителей!

Зевсу, метателю грома, головой и очами
подобный¹⁷...

И такую голову, о Зевс, отсекала женщина! Все это зло творили женщины, чья красота умеряла причиняемое ими горе. Ведь красота такова, что несет в себе самой утешение и даже в несчастье делает нас счастливыми. Если же женщина, как ты говоришь, к тому же не обладает красотой, то она сулит двойную беду. Нет человека, который способен вынести ее, а такой прекрасный юноша, как ты, нипочем с ней не справится. Харикл, я умоляю тебя, ради всех богов, не превращайся в раба, не губи раньше времени цветок твоей юности. Ведь, кроме всего прочего, в браке заложено еще одно зло: он иссушает силы и красоту. Молю, Харикл, не дай погубить себя. Ты не должен разрешить безобразному садовнику срезать прекрасную розу.

— На то воля богов и моя, — ответил Харикл, — ведь у меня еще есть время, до свадьбы осталось несколько дней, а бывает и так, что одна-единственная ночь поворачивает ход событий. А сейчас я пойду, потому что мне очень хочется покататься верхом. Я ведь еще не ездил на том прекрасном коне, которого ты мне подарил. Может быть, верховая езда отвлечет меня от мыслей о надвигающемся несчастье.

С этими словами Харикл ушел. Мы не знали, что больше не увидим его, потому что ему суждено было оседлать коня в первый и последний раз.

IX

Мы остались вдвоем с Клинием, и я принялся рассказывать ему обо всем, что со мной случилось: как я увидел Левкиппу, как я страдал, как мы обедали, какова ее красота. Уже заканчивая свой рассказ, я почувствовал, что легко могу стать предметом насмешек.

— Клиний, — воскликнул я, — нет у меня сил переносить эту муку. Эрот нисколько не щадит меня, он не дает мне и ночью сомкнуть глаз: везде мне мерещится Левкиппа. Ни с кем еще не случалось подобного несчастья, горе неразлучно живет со мной!

— Какую чушь ты несешь, — ответил мне Клиний, — и это ты-то, которого Эрот осчастливил. Ведь он не требует от тебя, чтобы ты околачивался у чужих дверей, чтобы ты выискивал себе помощников. Судьба не только подарила тебе возлюбленную, она еще и поселила ее в одном доме с тобой. Иной влюбленный почитает за счастье для себя даже один-единственный взгляд любимой девушки, он благодарен судьбе за то, что хотя бы глаза его блаженствовали; другие счастливы, если любимая проронила хоть одно слово. Ты же все время видишь ее, все время слышишь ее, ты с ней ешь, ты с ней пьешь. И еще жалуешься! Неблагодарностью ты отвечаешь на дары Эрота. Неужели ты не знаешь, что значит смотреть на возлюбленную? Видеть ее — это большее наслаждение, чем обладать ею. Взоры влюбленных отражаются друг в друге и, словно в зеркале, запечатлевают их образы. Свет красоты, из глаз пролившийся в душу, это своего рода обладание любимой, хотя бы и на расстоянии. Оно сладостнее, чем настоящее слияние тел, потому что оно необычно. Но тебе я предсказываю скорое соединение с возлюбленной. Потому что нет лучшего средства для достижения твоей цели, чем постоянно видеть ту, кого ты любишь. Глаза — это верный помощник в любви, и чем чаще влюбленный видит свою возлюбленную, чем больше он общается с ней, тем легче он добьется ее благосклонности. И если даже диких зверей удастся приручить, когда они привыкают к нам, то тем более возможно смягчить сердце женщины.

Если девушку любит юноша одного с ней возраста, то в его любви есть для нее что-то особенно притягательное. Увлекаемая самой природой своего расцвета, сознавая, что она любима, девушка чаще всего отвечает на эту любовь. Ведь каждой девушке хочется быть красивой, ей радостно быть любимой, и она благодарна возлюбленному за то, что его любовь свидетельствует о ее красоте. Если же никто не любит девушку, она не может поверить в свою привлекательность.

Тебе же я даю один-единственный совет: пусть она убедится в том, что ты любишь ее, и, увидишь, она ответит тебе.

— Но что же мне сделать для того, чтобы твое предсказание сбылось? Научи меня. Ты ведь уже посвящен в таинства Эрота, ты, конечно, лучше во всем этом разбираешься. Что мне говорить? Что мне делать? Как добиться того, чтобы она меня полюбила? Я не знаю, какие пути ведут к этому.

— Даже и не пытайся, — ответил мне Клиний, — научиться этому у других. Эрот сам научит тебя всем премудростям. Так же, как новорожденных не надо учить находить себе пищу, ибо природа сама указывает им путь к материнской груди, так и юноша, впервые беременный любовью, не нуждается в поучениях. Когда начинаются схватки и наступает срок для родов, пусть даже первых, всякий умеет разрешиться от бремени, не испытывая при этом никаких сомнений, но с помощью самого бога. Однако существуют общеизвестные истины, которые не связаны с выбором благоприятного мгновения, их ты выслушай и прими к сведению. Не вздумай заводить с девушкой разговоров на любовные темы, но молча старайся добиться того, чтобы она стала твоей.

Юноша и девушка в одинаковой мере стыдливы; даже если они ни о чем не могут думать, кроме наслаждений Афродиты, они не хотят, чтобы об их терзаниях говорили вслух; им кажется, что в подобных речах заключено нечто постыдное. Женщинам доставляют удовольствие и слова, девушки же охотно идут на любовную перестрелку намеками, как будто бы не касающимися самого дела, и потом неожиданно соглашаются на то, что кроется в этих намеках. Если же ты пойдешь к ней открыто и станешь настаивать на том, чтобы она отдалась тебе, ты оскорбишь такими словами ее слух, она зальется краской, возненавидит твои речи, сочтет себя опозоренной. Даже если раньше она хотела подарить тебе радость, то теперь устыдится. Когда девушке в словах слышится любовное искушение, она считает, что уже пережила и само обладание. Попробуй не говорить ничего, подготовь девушку исподволь, обращай с ней как можно ласковее, и, когда почувствуешь, что она послушна тебе, подойди к ней и молча, словно во время мистерий¹⁸, поцелуй ее. Поцелуй влюбленного для девушки, которая готова отдаться ему, имеет непреборимую силу, если же девушка колеблется, то поцелуй убеждает ее больше, чем мольбы. Бывает и так, что девушка, желая уступить, все-таки предпочитает сделать вид, будто ее взяли силой, чтобы избежать упреков в добровольном согласии. Поэтому не медли, даже если ты видишь, что она сопротивляется тебе, однако внимательно следи за тем, как она сопротивляется, — здесь уже необходимо чутье. Не применяй силы, если ее сопротивление упорно, — это значит, что она еще не покорилась. Но коли ты чувствуешь, что девушка слабеет, непусти случая доиграть свою роль до конца.

XI

— Ты даешь мне великолепные советы, Клиний, — сказал я, — и мне бы очень хотелось воспользоваться ими. Но я боюсь, как бы достигнутый успех не послужил началом больших несчастий, ввергнув меня в еще большую любовь. Ведь если это наваждение вырастет, то что же мне делать? Жениться я не могу. В жены мне предназначена другая девушка. Отец тверд в своем намерении женить меня на ней,

и намерение это справедливо, потому что моя будущая жена не чужестранка, она не безобразна, отец не продает меня за богатство, как это делают с Хариклом, он отдает мне в жены свою дочь, и притом красавицу. О боги! Она и вправду казалась мне красавицей до тех пор, пока я не увидел Левкиппу. Теперь же я слеп к ее красоте, только Левкиппу я вижу. Я между двух огней, с одной стороны Эрот, с другой — отец. Сыновний долг вступил в борьбу с огнем любви. Как разрешить этот спор по справедливости? Кто победит: необходимость или природа? Я бы и хотел, отец, быть тебе послушным сыном, но твой противник сильнее. Он терзает меня, угрожает стрелами, огнем. Если я пытаюсь послушаться его, он жжет меня.

XII

Так мы сидели и рассуждали. Вдруг вбегает мальчик, один из рабов Харикла, и по лицу его видно, что он принес плохую весть. Клиний тотчас это понял.

— С Хариклом стряслась беда! — вскричал он.

— Харикл мертв! — почти одновременно с Клинием воскликнул раб.

При этом известии Клиний лишился дара речи и остался недвижим, словно пораженный ударом грома. Раб же начал рассказывать:

— Он сел на твоего коня, Клиний, и поначалу конь шел медленно. Сделав два или три круга, Харикл остановил коня, чтобы обтереть с него пот, но не спешил, а поводья отпустил. Он обтирал пот с боков коня, как вдруг сзади послышался какой-то шум. Перепуганный конь встал на дыбы и, обезумев, пустился вскачь. Ужаленный страхом, он летел стрелой, выгнув шею, закусив удила, грива его развевалась по ветру. Ноги его словно устроили состязание между собой, — задние ускоряли бег передних, как будто стремясь обогнать их. Из-за этого конь несся неровным шагом, хребет его изгибался то вверх, то вниз, подобно кораблю во время бури, когда он то вздымается на волне, то проваливается вниз. Злополучный Харикл, попавший во власть этой бури, был выбит из седла и то оказывался у самого хвоста, то вниз головой летел к шее коня. Не будучи в состоянии овладеть поводьями и предав себя вихрю этой скачки, он потерял всякую власть над конем и уповал лишь на волю судьбы. Конь в своем неукротимом беге вдруг свернул с дороги в лес и разбил несчастного всадника о дерево. Харикл вылетел из седла, словно его выбросила метательная машина. На лице его оставили безобразные раны все острые суки дерева. Поводья, обвившись вокруг тела, не отпускали его, но продолжали волочить Харикла по стезе смерти. Конь, вконец перепуганный падением всадника, почувствовал, что тело несчастного мешает ему продолжать бег, поэтому он стал бить Харикла копытами, пытаясь избавиться от препятствия. Так что никто не узнал бы Харикла в этом трупце.

XIII

Убитый горем, молча выслушал Клиний этот рассказ. Придя в себя, он страшно зарыдал и бросился к телу Харикла. Я поспешил за ним, на ходу утешая его по мере своих сил.

В этот момент Харикла внесли на носилках, и нам представилось зрелище душераздирающее: весь он был сплошной раной. Никто из присутствующих не смог сдержать слез. Отец Харикла начал надгробный плач и горестно возопил:

— Каким ты ушел от меня, дитя мое, и каким ты вернулся! Проклятая верховая езда! Ты не умер так, как другие смертные. Твой труп выглядит непристойно. Другие мертвецы хотя бы сохраняют в своем облике что-то знакомое, краски уходят с их лиц, но черты остаются неизменными, и, глядя на них, убитые горем близкие могут утешаться, успокаивая себя тем, что смотрят на спящего. Смерть отнимает у человека душу, но оставляет ему тело. У тебя же судьба отняла все, ты погиб как бы дважды, и телом и душой. Можно сказать даже, что умерла и тень твоя. Унеслась твоя душа, но и тела я не могу найти. Когда же ты, дитя мое, вступишь в брак? Когда же я совершу жертвоприношения в честь твоей свадьбы? О наездник и жених! Жених несостоявшийся и всадник неудачливый! Могила — твой брачный покой, смерть — твой брак, погребальный плач — твоя свадебная песнь, рыдания — свадебный гимн. Другое пламя хотел возжечь я в твою честь, о мое дитя! Но завистливая судьба не дала зажечь его, она погасила твою жизнь, а тебе приготовила другие факелы, факелы зла. О горестные факелы! Вместо свадьбы вы будете освещать погребение.

XIV

Так оплакивал сына отец, Клиний же изливал свое горе другими словами (так что происходило нечто вроде состязания в плаче отца и возлюбленного):

— Потерял я своего повелителя! Зачем я только подарил ему этого коня! Ведь я мог подарить ему золотой фиал, чтобы он пил из него, совершал возлияния и наслаждался моим даром, не таящим в себе никакой опасности. А я, вместо этого, подарил сияющему красотой мальчику свирепое чудовище, и еще украсил его нагрудниками, нацепил ему на лоб серебряные бляхи, снабдил его золотыми поводьями! Горе мне, о Харикл, я озолотил твоего убийцу! Конь, ты самое жестокое из всех чудовищ, ты самый неблагодарный, ты слеп к красоте! Твой наездник заботливо обтирал с тебя пот, сулил тебе прекрасный корм, хвалил твой бег, ты же убил его за это. Ты остался бесчувственным к прикосновению такого тела, ты не гордился таким всадником, бессердечный, такую красоту ты низринул на землю! Горе мне, несчастному! Я сам купил убийцу, мужеубийцу!

XV

После погребения я поспешил к Левкиппе. Она гуляла по саду, который окружал наш дом. Сад этот походил на рощу, он услаждал взор всякого, кто на него глядел. С четырех сторон он был обнесен невысокой оградой, а внутри ограды выстроился хоровод колонн, в котором густо теснились деревья, уступая колоннам в высоте. Пышные ветви соседних деревьев сплетались между собой, листья крон перемешивались, цветы и плоды сливались в тесном объятии. Плющ и вьюнок обвивались вокруг мощных стволов, побеги вьюнка виднелись среди густой листвы платана и сбегали вниз по его стволу, плющ взбирался на сосну, заключив ее в свои объятия, став ее опорой и в то же время увенчав ее вершину. Вокруг деревьев, опираясь на тростник, поднимались виноградные лозы, и тяжелые гроздья сочных ягод свешивались вниз, являя собой как бы кудри растения. Пробиваясь сквозь листву, трепетавшую от порывов ветра, солнечные лучи дрожали на земле.

Рядом сверкали яркими красками розы, нарциссы, фиалки, багрянцем горела земля. Чашечки розы и нарцисса по форме одинаковы, это фиал цветка; но лепестки розы и нарцисса как бы дополняют друг друга своими цветами, лепесток розы, у основания своего молочно-белый, переходит в кровавый пурпур, а лепесток нарцисса того же цвета, что нижняя часть розового лепестка. У фиалки нет чашечки, и цвет ее напоминает сверкающую в безветрии морскую гладь. Среди великолепия цветов бил ключ. Влага его, заключенная в четыре стены искусно сделанного бассейна, была зеркалом для цветов, так что создавалось впечатление, будто у нас не одна роща, а две: одна настоящая, а другая — существующая в отражении.

Порхали по саду птицы, одни, ручные, довольствовались кормом, которым услаждали их люди, другие вольно порхали в вершинах деревьев. Одни разливались трелями, другие радовали взор красотой оперения. Цикады и ласточки напевали о любви Зари, о пиршестве Теря. Павлины, лебеди и попугаи были ручные — лебедь плавал по водной глади, попугай жил в клетке, которая висела на дереве, павлин ходил по земле, волоча по цветам свой хвост. Сверкали цветы, подобные в своем блеске крыльям птиц.

XVI

Прежде чем заговорить с Левкиппой о делах любви, мне хотелось ее к этому подготовить. Я начал беседовать с Сатиром, причем повод для этой беседы подал мне павлин. Левкиппа в это время прогуливалась с Клио и остановилась, привлеченная зрелищем, которое являл собой распустившийся хвост павлина.

— Павлин делает это, конечно, не без умысла, — сказал я, — он знает толк в любовных делах. Именно поэтому он и прихорашивается, пытаюсь таким способом привлечь к себе возлюбленную. Видишь на соседнем дереве паву? (Я показал ее Сатиру.) Ей-то он и демонстрирует свою красоту, распуская пестрый луг перьев. Но его луг блещет более красивыми цветами, чем настоящий, — золотом изукрашены его перья, золото заключено в пурпурные кольца, и на каждом пере глаз.

XVII

Сатир с полуслова понял мой замысел и, чтобы дать мне возможность продолжить разговор на эту тему, воскликнул:

— Неужели же Эрот обладает такой силой, что его огонь сжигает даже птиц?

— Не только птиц, — в этом я не нахожу ничего удивительного, потому что он ведь и сам крылат, — ответил я. — Но ему подвластны и змеи, и растения, и, мне кажется, даже камни. Например, магнесийская руда влюблена в железо, — как только она его увидит, она его касается, влечет его к себе, словно у нее есть огонь любви. Разве нельзя сравнить это с поцелуем?

А что рассказывают ученики мудрецов о растениях? Я бы не поверил им, если бы того же не говорили и дети земледельцев. Оказывается, что растения тоже влюбляются друг в друга, причем особенно страдают от любви финиковые пальмы. Среди них есть деревья мужского и женского пола. Бывает так, что они влюбляются друг в друга, и если пальму-женщину сажают далеко от того места, где растет ее возлюбленный, тот начинает увядать. Но земледелец понимает причину печали растения, он выходит на такое место, откуда можно обозреть пальму со всех сторон, и смотрит, в какую сторону она склонилась. А пальма склоняется в сторону возлюбленной. Выяснив направление, земледелец вылечивает болезнь дерева. Он срезает побег пальмы-женщины и прививает его к сердцу любимого. Так земледелец исцеляет душу дерева, и тогда умирающее тело начинает воскресать, наливаясь жизненными соками и опять оживает, — такова радость соединения с возлюбленной. Это брак растений.

XVIII

Бывает, что воды сливаются в браке при посредстве моря. Элидский поток, например, влюблен в Сицилийский источник. Среди морской пучины мчится этот поток, словно по равнине. И море не заливают его своей соленой волной, но разверзает пучину, чтобы освободить ему путь, так что расселина его становится руслом для одержимого любовью потока. Море сочетает браком и Алфея, провожая его к Аретузе¹⁹. Во время Олимпийских празднеств к потоку собираются люди и

бросают в него разные подарки, он же стремительно несется с ними прямо к своей возлюбленной и спешит передать ей свадебные дары.

Другого рода таинства любви происходят у пресмыкающихся, причем вступают в брак не только однородные из них, но и принадлежащие к разным видам. Гадюку влечет к себе мурена, хотя гадюка живет на земле, а мурена — морская змея, причем она змея по виду, а используется в пищу как рыба. Когда приходит пора им вступить в брак, гадюка выходит на берег моря и свистит в сторону моря, подавая таким образом знак мурене, а мурена понимает этот условный знак и выплывает из волн морских. Но мурена не идет сразу к своему жениху, потому что знает: в зубах его смертельный яд; она вылезает на какую-нибудь скалу среди морских волн и там сидит в ожидании того, когда ее жених освободит от яда свою пасть. Так они стоят друг против друга, она на скале, а он на берегу, и смотрят один на другого. Когда же возлюбленный избавится от того, чего страшится его невеста, и она убедится, что смерть уже покинула уста ее возлюбленного и исторгнута на землю, мурена спускается со скалы в море, плывет к берегу, выбирается из воды и обвивается вокруг возлюбленного, не страшась более его поцелуев.

XIX

Рассуждая обо всем этом, я все время посматривал на девушку, стараясь понять, как она относится к моим рассказам на любовные темы. И мне показалось, что она внимала мне не без удовольствия.

И блеск павлиньих перьев, казалось мне, не мог сравниться со сверкающей красотой Левкиппы. Прелесть ее тела превосходила великолепие луговых цветов. Лицо ее было цвета нарциссов, розы цвели на ее ланитах, фиалковым цветом мерцали ее глаза, а кудри вились пышнее, чем плющ. Все цветы цвели на луге ее лица.

Немного погодя Левкиппа ушла, — наступил час, когда она играла на кифаре. Мне же казалось, что она все еще здесь, потому что, уходя, она оставила свой образ в моих глазах.

Мы же с Сатиром принялись хвалить самих себя, я — за свои рассказы, а он за то, что дал мне повод их рассказывать.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга первая.

1. *Сидон* — древний финикийский город, расположенный в приморской долине. Город имел двойную гавань и упоминался Гомером как торговый и промышленный центр ("Илиада", VI, 290; XXIII, 740-744).
2. *Астарта* — богиня плодородия, почитавшаяся в Финикии. В греко-римский период нередко отождествлялась с Афродитой.
3. *Европа*. — Широко известный миф о похищении Европы рассказывается Ахиллом Татием при описании увиденной рассказчиком картины. Описания картин, частые в литературе второй софистики, находим у Лонга, а также в "Эфиопике" Гелиодора.
4. *Тир* — важнейший порт Финикии, расположенный южнее Сидона. Тир оставался крупным торговым центром и под властью римлян; славился производством пурпура.
5. *Византий* — город на фракийском берегу Боспора (ныне Стамбул); основан милетцами в 58 г. до н.э.
6. *Мойры* — богини человеческой судьбы, дочери Зевса и Фемиды. С мойрами связана вся жизнь человека. Они представлялись в виде старух, прядущих нить человеческой жизни. Клото прядет нить; Лахесис проводит ее через все превратности судьбы; Атропа, перерезая нить, обрывает жизнь. Греческим мойрам сродни римские парки.
7. *Левкиппа* — имя одной из нимф-океанид. В ряде греческих романов имя героини совпадает с именем одной из нимф, — например, Каллироя в романе Харитона "Хэрей и Каллироя". Подобные совпадения, должно быть, вызывали у читателя нужные автору ассоциации.
8. *Селена* — богиня Луны.
9. *Зло подарю я им вместо огня...* — Гесиод, "Труды и дни", 57-58.
10. *Сирены* — в греческой мифологии полуженщины-полуптицы. Своим сладкозвучным пением они увлекали мореходов, которые затем становились их добычей.

11. *Эрифила*. — Получив в дар от Полиника ожерелье и пеплос Гармонии (Гармония — дочь Афродиты и Арея), она уговорила мужа принять участие в походе Семерых против Фив, заранее зная, что посылает его на верную гибель.

12. *Филомела*. — Ахилл Татий описывает миф о ней в пятой книге, гл. III и дальше.

13. *Сфенебея* — оклеветала греческого героя Беллерофонта перед своим мужем Пройтом, и тот послал юношу к своему тестю с поручением передать ему письмо, написанное знаками, требующими смерти Беллерофонта.

14. *Аэропа* — мать Агамемнона и Менелая. Изменила своему мужу Атрею с его братом Тиестом, за что была брошена Атреем в море.

15. *Прокна* — сестра Филомелы.

16. *Кандавл* — полупоупендарный царь Лидии. Показал своему любимцу Гигу жену-царицу обнаженной. Оскорбленная царица предложила Гигу либо заплатить жизнью за дерзость, либо убить Кандавла и жениться на ней. Гиг выбрал последнее. Об этом рассказывает Геродот.

17. *Зевсу, метателю грома, головой и очами подобный...* — Гомер, "Илиада", II, 478.

18. *Мистерии* — тайные религиозные обряды, широко распространенные в Древней Греции и в Риме; к участию в них допускались только посвященные, которые были обязаны в строжайшей тайне держать все, что происходило во время мистерий.

19. *Аретуза* — источник вблизи Сиракуз. Аретуза — нимфа источников в Элиде и Сицилии. В поздней мифологии рассказывается, что речной бог Алфей влюбился в Аретузу и преследовал ее. Спасаясь, Аретуза превратилась в источник, но Алфей обратился в реку, и воды его соединились с водами Аретузы.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга вторая

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#) [IX](#) [X](#) [XI](#) [XII](#) [XIII](#) [XIV](#) [XV](#) [XVI](#) [XVII](#) [XVIII](#) [XIX](#) [XX](#) [XXI](#) [XXII](#) [XXIII](#) [XXIV](#)
[XXV](#) [XXVI](#) [XXVII](#) [XXVIII](#) [XXIX](#) [XXX](#) [XXXI](#) [XXXII](#) [XXXIII](#) [XXXIV](#) [XXXV](#) [XXXVI](#) [XXXVII](#)

I

Продолжая хвалить самих себя, мы пошли в комнату Левкиппы для того, дескать, чтобы послушать ее игру на кифаре, — на самом же деле я просто не мог совладать со своим желанием постоянно видеть девушку. Сначала она спела из Гомера¹ про битву льва с вепрем, потом сладкозвучную песню музыки. Если, отбросив всякие рулады и гармонические ухищрения, передать содержание этой песни прозой, то вот о чем в ней говорилось: "Если бы Зевс пожелал избрать царицу цветов, то царила бы над цветами роза. Роза — украшение земли, краса растений, сокровище среди цветов, румянец лугов, молния красоты. Веющая Эротом, благоухающая лепестками, улыбающаяся Зефиру трепетными листьями, она радушно встречает Афродиту". Так пела Левкиппа, мне же казалось, что ее уста подобны розе, словно кто-то придавал чашечке цветка очертания губ.

II

Едва Левкиппа перестала играть на кифаре, наступил час обеда. В это время в Тире происходили празднества в честь покровителя виноградных лоз Диониса. Тирийцы считают Диониса своим богом, ведь именно в Тире сложили миф о Кадме². В нем рассказывается о том, как возник этот праздник. Когда-то люди не знали, что такое вино, ни темное душистое, ни собранное с лоз Библоса³, ни маронское⁴ из Фракии, ни хиосское⁵, ни икарское островное; все эти вина переселились в разные края из Тира, где выросла та виноградная лоза, что явилась им всем матерью. Говорят, что

некогда жил один гостеприимный пастух, которого афиняне называют Икарием⁶, о нем и сложили миф, подобный существующему в Аттике. К этому пастуху пришел как-то Дионис, и пастух радушно предложил ему нехитрое угощение, что дает земля и упряжка волов, а напиток у людей и у волов был тогда один и тот же, — вина-то еще не знали. Дионис похвалил пастуха за гостеприимство и в знак своего расположения поднес ему чашу, полную вина. Пастух осушил чашу, обезумел от восторга и говорит богу:

— Откуда у тебя, чужестранец, эта пурпурная влага? Эта сладкая вода цвета крови? По земле она не течет, — обыкновенная вода, разливаясь в груди, не дает такого наслаждения. Твоя же влага не только услаждает вкус, но и обоняние радует. Если коснуться ее, она холодна, но, попадая в желудок, она разжигает там огонь радости.

И Дионис ответил:

— Это влага винограда, его кровь.

Потом он подвел пастуха к виноградной лозе, взял гроздь, выжал из нее сок и, указав на лозу, сказал пастуху:

— Вот влага и источник ее.

Так, согласно тирийскому сказанию, пришло к людям вино.

III

В честь Диониса каждый год в определенный день справляют праздник. Находясь в добром расположении духа, отец не пожалел ничего для того, чтобы устроить роскошный обед, и поставил в честь Диониса дорогую священную чашу из узорного хрусталя, соперничать с которой могла только чаша Главка Хиосского⁷. Из нее как бы росли виноградные лозы, и свешивающиеся по бокам гроздь винограда увенчивали ее края. Виноград еще не созрел и оставался неспелым, пока чаша была пуста; когда же ее наполняли вином, виноград понемногу темнел и созревал на глазах. На лозе был вырезан Дионис, чтобы он покровительствовал возвращению лозы.

Уже было выпито немало вина, и я смотрел на Левкиппу не отрываясь. Эрот и Дионис — жестокие божества, они приводят душу в состояние безумия и любовного исступления. Эрот жжет душу своим огнем, а Дионис подливает в этот огонь горючие вещества в виде вина, ведь вино — это пища любви. Левкиппа тоже осмелела и не таясь смотрела на меня. Так прошло десять дней. Мы лишь смотрели друг на друга и ни на что другое не решались.

IV

Я рассказал обо всем Сатиру и попросил его помочь мне. Но Сатир, по его словам, догадался о моих чувствах раньше, чем я рассказал ему о них, — он только не решался признаться мне в этом, видя, что я стараюсь скрыть случившееся. Ведь если человек любит тайком, он сочтет всякого, кто обнаружит его страсть, хулителем и возненавидит этого человека.

— Стечение обстоятельств, — сказал Сатир, — благоприятствует нам. Служанка Левкиппы Клио, на попечении которой спальня девушки, стала моей любовницей. Я исподволь подготавливаю ее к тому, чтобы она стала нашей помощницей. Но пора и тебе от томных взглядов перейти к словам, которые пронзили бы ее. После этого приступай к делу. Дотронься до ее руки, сожми ей пальчик и, продолжая сжимать его, вздохни. Если она стерпит все это, и не без удовольствия, тогда уже твое дело назвать ее владычицей твоей души и поцеловать в шею.

— Клянусь Афиной, — воскликнул я, — твои наставления звучат убедительно. Но вдруг случится так, что я смалодушничаяю и робость сделает меня слабым борцом Эрота.

— Эрот, друг мой прекрасный, не выносит робости, — ответил мне Сатир. — Ты вспомни, какой у него воинственный вид: лук, колчан, стрелы, факел, — все в его облике исполнено мужества и отваги. В тебе живет такой бог, а ты робеешь и боишься чего-то! Смотри, не вздумай обмануть его ожидания! Вначале я тебе помогу! Как только будет удобно, я постараюсь увести Клио, чтобы ты смог остаться наедине с Левкиппой.

V

С этими словами Сатир ушел. Я остался один и под влиянием Сатира стал сам себя уговаривать стать посмелее. "До каких же пор, малодушный, ты будешь молчать? Можно ли быть таким робким воином столь отважного бога? Уж не ждешь ли ты, чтобы девушка подошла к тебе первой? Где твой разум, злополучный? — продолжал увещевать я себя. — Почему ты не любишь ту, которую тебе положено любить? Ведь рядом с тобой есть другая красивая девушка, — ее люби, на нее смотри, на ней женись". Мне уже казалось, что я убедил себя, когда вдруг словно из самой глубины моего сердца отозвался Эрот:

— Неужто, дерзкий, ты собираешься бороться со мной и осмеливаешься вступить со мной в бой? Осененный крыльями, я посылаю из лука разящие стрелы, я сжигаю огнем. Как же ты скроешься от меня? Если уберешься от стрел, тебя настигнет

огонь. Если благоразумием своим ты потушишь его, я настигну тебя в полете.

VI

Погруженный в раздумья, я и сам не заметил, как оказался лицом к лицу с Левкиппой, — при виде ее я сначала побледнел, а затем покраснел. Левкиппа была одна, даже Клио не сопровождала ее. И несмотря на это, я так оробел, что не нашел ничего лучшего, как сказать:

— Здравствуй, владычица.

В ответ на мои слова она улыбнулась, причем улыбка ее сказала мне, что девушка прекрасно поняла, в каком смысле я употребил слово "владычица".

— Я твоя владычица? — удивилась она. — Не говори так.

— Да, кто-то из богов продал меня тебе, как Геракла Омфале⁸.

— Ты говоришь о Гермесе? — смеясь, сказала она. — Ведь именно он исполнял это поручение Зевса.

— При чем тут Гермес? Зачем ты шутишь? Ты ведь прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Слово за слово, мы продолжали разговор, как вдруг на помощь мне пришло провидение.

VII

Накануне около полудня приключилось такое происшествие: Левкиппа играла на кифаре, рядом с ней сидела Клио, а я, по обыкновению, прогуливался рядом; вдруг, откуда ни возьмись, прилетела пчела и ужалила Клио в руку. Клио закричала, а Левкиппа вскочила, отложила кифару и, склонившись над ранкой, стала рассматривать ее, при этом она успокаивала Клио. Левкиппа обещала произнести два слова, которые сразу успокоят боль, — какая-то египтянка научила ее заговаривать раны от укусов пчел и ос. Одновременно Левкиппа напевала что-то, и вскоре Клио сказала, что чувствует облегчение.

Так и сегодня. Пчела или оса долго с жужжанием кружилась вокруг меня и наконец задела мою щеку. Я сделал вид, что она ужалила меня, схватился за щеку и принялся стелать и жаловаться. Левкиппа тотчас подбежала ко мне, отняла от лица

мою руку и стала допытываться, куда меня ужалила оса.

— В губы, — ответил я. — Почему же ты не заговариваешь боль, милая?

Левкиппа подошла ко мне еще ближе и приложила свой рот к моему, чтобы начать ворожбу, — нашептывая что-то, она коснулась губами моих губ. И тогда я тихонько стал целовать ее, стараясь, чтобы звуки поцелуев не были слышны. Губы ее то приоткрывались, то смыкались, она что-то шептала, но, замиряя на наших устах, разговор превращался в поцелуи. Я обнял ее и уже не старался скрывать, что целую ее.

— Что ты делаешь? — спросила меня Левкиппа. — Ты тоже заговариваешь ранку?

— Я целую исцелительницу, — ответил я, — за то, что она облегчила мои страдания.

Она поняла меня и улыбнулась, а я, ободренный этой улыбкой, продолжал:

— Увы, милая, я опять ранен, на этот раз еще опаснее. Рана поразила мое сердце, и оно молит тебя успокоить боль заговором. Но на твоих губах тоже пчела, мед струится с них, и ранят твои поцелуи. Я умоляю тебя, начни снова колдовство и не торопись кончить, а то снова разболится моя рана.

С этими словами я крепче обнял ее, стал целовать со всей страстью, и она была послушна мне, хотя, конечно, сопротивлялась немного.

VIII

В это время издали показалась служанка, и нам пришлось отойти друг от друга, — я с трудом оторвался от Левкиппы, а как она, не знаю. Все же мне стало легче, я преисполнился надежд, я чувствовал лежащий на моих губах поцелуй как некое тело, несущее в себе наслаждение, особенно острое, когда его испытываешь впервые. Ведь поцелуй рождает самая прекрасная часть человеческого тела: уста — это источник слов, а слова — это тень души. Слияние уст переполняет восторгом и влечет душу к поцелуям. Мое сердце не знало доселе подобного наслаждения; тогда-то я и понял, что никакую радость нельзя сравнить с поцелуем любви.

IX

Вскоре наступил час обеда, и снова вино полилось рекой. Наш виночерпий Сатир прибежал к следующей любовной уловке: он подменил кубки — мой подал Левкиппе, а ее — мне, налил нам обоим вина, разбавил его и поставил кубки перед нами. Я следил за Левкиппой, когда она пила, чтобы прикоснуться к тому же краю

кубка, которого касались ее губы, при этом я как бы целовал край кубка. Когда Левкиппа увидела это, она поняла, что я целую даже след ее губ. Сатир, наш сообщник, снова обменял кубки. И вдруг я увидел, что Левкиппа подражает мне и делает то же самое, — радости моей не было предела. Мы обменялись кубками в третий раз, потом в четвертый, и весь остальной обед провели, обмениваясь поцелуями таким образом⁹.

X

После обеда Сатир подошел ко мне и сказал:

— Теперь наступил самый подходящий момент для того, чтобы ты действовал как подобает мужчине. Ты знаешь, что мать Левкиппы нездорова и лежит у себя в комнате; Левкиппа, прежде чем лечь спать, будет гулять без нее в сопровождении одной только Клио; ее я беру на себя, отвлеку разговором и уведу.

Мы с Сатиром разошлись в разные стороны и стали выслеживать, он — Клио, а я — Левкиппу. Все случилось именно так, как он предсказал. Клио исчезла, а Левкиппа осталась в саду одна.

Я подождал, пока сумерки сгустились, набрался храбрости и, не мешкая, направился к девушке, как воин, предвкушающий победу и не испытывающий страха перед боем. Я был вооружен до зубов: вином, любовью, надеждой, нашим уединением. Не говоря ни слова, так, словно мы обо всем заранее договорились, я обнял девушку и стал ее целовать. Я уже готов был достойно завершить дело, как вдруг позади нас послышался какой-то шум. В испуге мы отскочили друг от друга, она бросилась бежать в свою спальню, а я — в противоположную сторону. В отчаянии оттого, что такое прекрасное дело пришлось прервать, я проклинал шум. Тут я налетел на Сатира, который шел навстречу мне, и на лице его было написано удовольствие. Скорее всего, он наблюдал за нами и, спрятавшись за дерево, внимательно следил за тем, чтобы нам не помешали. Увидев, как кто-то приближается, он нарочно произвел шум, чтобы предупредить нас.

XI

Прошло несколько дней, и отец неожиданно стал готовиться к моей свадьбе, хотя до назначенного срока оставалось еще время. Причина этой поспешности крылась в сновидениях, которые не на шутку встревожили его. Ему снилось, что он уже справляет нашу свадьбу, зажег факелы, но огонь почему-то погас; подобные предзнаменования заставили его поторопиться. Он назначил свадьбу на завтра. Каллигоне купили необходимые для вступления в брак одежды: ожерелье из цветных камней, пурпурное платье, украшенное золотом в тех местах, где

обыкновенные платья украшались пурпуром. Камни соревновались друг с другом в блеске своих цветов: гиацинт был словно роза среди камней, в золоте отливал багрянцем аметист. В середине же соединялись между собой три камня, заимствующие оттенки друг у друга, — у основания черный камень, затем как бы выливающийся из него блеск белизны и увенчивающий эти два цвета пурпур. Оправленный в золото, камень походил на глаз.

Платье было окрашено не простым пурпуром, но тем, который, согласно тирийскому преданию, нашла собака одного пастуха. В такой пурпур до сих пор окунают пеплос Афродиты. Ведь было время, когда людям была неизвестна красота пурпура, — маленькая витая раковина скрывала ее в своем завитке. Однажды рыбак выловил такую раковину. Сначала он подумал, что это рыбка, но, когда понял, что выловил лишь какую-то шершавую ракушку, выбранил свою добычу и выбросил ее, как отбросы моря. По счастью, собака нашла ракушку и разгрызла ее, — мгновенно и зубы, и губы окрасились кровью цветка, вся пасть собаки обагрилась. Пастух увидел окровавленные губы собаки, решил, что она ранена, и стал смывать кровь морской водой, а она не только не смывалась, но багровела еще ярче. Когда же он дотронулся до нее рукой, тотчас и его рука заалела. И тогда пастух проник в природу раковины, — она выращивала в себе зелье красоты. Он взял клочок шерсти и опустил его в недра раковины, и снова произошло чудо, — шерсть окрасилась в алый цвет, как незадолго до того пасть собаки. Пастух понял, где поселился пурпур. Он поднял несколько камней, разбил ими стены жилища пурпура и обнаружил приют найденного им сокровища.

XII

Отец уже совершал обычные перед свадьбой жертвоприношения. Узнав об этом, я счел себя погибшим и стал всеми силами изыскивать средство, с помощью которого можно было бы отсрочить свадьбу. Пока я усиленно размышлял об этом, в мужской половине дома послышался какой-то шум. Случилось же вот что: когда отец совершал заклятие и уже возложил на жертвенник животное, с неба камнем упал орел и похитил священное мясо; все пытались отогнать орла, но безуспешно, — он сумел улететь вместе с добычей. Это показалось дурным предзнаменованием, и свадьбу отложили. Отец созвал прорицателей и ясновидцев и рассказал им о знамении. Они посоветовали умилоствить Зевса Гостеприимца¹⁰ жертвоприношением, причем совершить его надо было в полночь на берегу моря, так как птица полетела именно туда. Я же был несказанно рад случившемуся и расхвалил орла, — видно, по справедливости его считают царем среди птиц, — говорил я. Немного времени прошло, и сбылось то, что предвещало знамение.

XIII

В Византии жил юноша по имени Каллисфен, сирота и богач, необузданный и расточительный. Он прослышал о том, что у Сострата дочь — красавица, и, хотя ни разу в жизни ее не видел, пожелал обязательно на ней жениться. Влюбился понаслышке. Своенравие разнузданных людей таково, что они могут полюбить, довольствуясь одними лишь слухами, в то время как обычно нас ввергают в любовь пораженные красотой глаза. Еще до того, как на Византий обрушилась война, он попросил Сострата отдать ему в жены Левкиппу. Сострат же чувствовал отвращение к распутной жизни Каллисфена и отказал ему. Каллисфен разгневался и счел себя оскорбленным, потому что вообразил, что по-настоящему влюблен в девушку. Каллисфену не давал покоя сочиненный им образ девушки, он все добавлял к нему новые красоты. Затаив в сердце злобу на Сострата, он решил отомстить ему за нанесенное оскорбление и удовлетворить свою страсть. В Византии есть закон, согласно которому всякий, кто похитил девушку и успел сделать ее своей женой, карается браком с ней. Именно на него и уповал Каллисфен. Он стал выжидать удобный момент для того, чтобы воспользоваться действием этого закона.

XIV

Шла война, и девушку увезли к нам, но Каллисфен, прекрасно зная все это, не оставил своего замысла. Вскоре судьба помогла ему, и вот как. Византияне получили оракул:

Город на острове есть, в честь дерева названы
люди,
Остров и берег вдали связал меж собой перешеек.
Радости полный Гефест светлоокой владеет
Афиной,
В городе этом почти жертвой священной Геракла.

Византияне никак не могли разгадать смысла прорицания. Сострат же (я говорил, что он был стратегом¹¹) сказал:

— Мы должны послать жертву Гераклу в Тир. Описание, данное в прорицании, полностью подходит к Тиру. Божество сказала, что люди там называются в честь дерева, — значит, этот остров принадлежит финикийцам, которые заимствовали свое название у финиковой пальмы. Спорят об этом острове земля и море. Море зовет его к себе, он же не обидел ни моря, ни земли. Посреди морской пучины он расположился, но и от земли не ушел окончательно — узкий перешеек, словно шея, связывает его с берегом. Основание его не лежит на дне морском, но течет под ним вода, и под перешейком образуется пролив. Так что зрелище получается необыкновенное: город в море и остров на земле. Гефест владеет там Афиной, — в

этих словах заключен намек на оливу и огонь, которые у нас мирно сожительствуют. За оградой есть священное место: там простирает свои блестящие ветви оливковое дерево, а рядом с ним поднимаются языки пламени, которые лизжут побеги растения, и сажа питает растение. Такова дружба огня и растения, о которой говорит оракул как о любви Гефеста к Афине.

Херефон, старший стратег, тириец по отцу, пришел в восторг.

— Ты замечательно истолковал прорицание, — сказал он. — Однако не одному лишь огню следует удивляться, чудеса заложены и в природе воды. Мне самому довелось наблюдать такое диво: с огнем смешаны волны Сицилийского источника, с самой поверхности воды устремляется ввысь пламя. Причем если ты коснешься воды рукой, то она оказывается холодной как снег, так что огонь не согревает воду, а вода не тушит огня — они дружны.

Иберийская река на первый взгляд ничем не отличается от любой другой реки, но на самом деле эта река обладает даром речи. Если ты хочешь услышать журчание ее слов, то подожди немного, до первого порыва ветра, и напряги слух. Если даже легкий ветерок коснется поверхности воды, то речные потоки зазвучат подобно струнам кифары под ударами плектра.

В ливийском порту есть чудо наподобие тех, что бывают на Индийской земле. Ливийские девушки посвящены в тайны воды, хранящей в себе богатство, — спрятанный в ил, укрывается там источник золота. Девушки опускают в воду багор, покрытый смолой, и отпирают речные замки. Золото попадает на багор, как рыба на крючок. Смола становится приманкой для добычи, стоит частицам золота коснуться смолы, как она тотчас увлекает их за собой на берег, — так из Ливийской реки вылавливают золото.

XV

Рассказав обо всем этом, Херефон, с одобрения всех жителей города, отправил в Тир жертву. Не теряя времени, Каллисфен добился того, что был назначен одним из теоров¹². Вскоре они прибыли в Тир, и Каллисфен, разузнав, где находится дом моего отца, с нетерпением стал поджидать женщин. Они вышли из дома посмотреть на жертвоприношение — в действительности роскошное. Византияне не пожалели благоволий для воскурения, послали и множество цветов. Шафран, кассия, ладан благоухали, сверкали нарциссы, розы, мирты. Дыхание цветов, смешиваясь с благоухающими курениями, возносило в воздух тонкий и сильный аромат, веял ветер радости. Византияне прислали для жертвоприношения много разных животных, среди которых выделялись нильские быки. Египетский бык прославился не только своей величиной, но и окраской. Он обыкновенно очень велик, с

массивной шеей, плоской спиной и мощным животом; рога у египетского быка не простые, как у сицилийского, и не безобразные, как у кипрского. Круто поднимаясь надо лбом, они постепенно загибаются с обеих сторон, причем концы их находятся на том же расстоянии друг от друга, что и основания. По форме они походят на полную луну. Окраска его как раз та, за которую Гомер хвалил коней фракийского царя¹³. Бык этот шествует с гордо поднятой головой, всем своим видом показывая, что не зря его называют царем среди быков. Если миф о Европе — правда, то нет сомнений в том, что Зевс обратился именно в египетского быка.

XVI

Случилось так, что моя мать была в это время нездорова, Левкиппа тоже притворилась больной и не вышла из дома, так как мы условились встретиться с ней, как только все уйдут. Из-за этого стечения обстоятельств мать Левкиппы вышла из дома с моей сестрой, а не с Левкиппой. Каллисфен, как я уже говорил, ни разу не видел Левкиппу и, конечно, принял мою сестру за нее, тем более что мать Левкиппы он знал в лицо. Он не стал ничего расспрашивать, но, плененный видом Каллигоны, подозвал к себе самого преданного из своих рабов, показал ему девушку, посвятил его в свои планы и велел набрать шайку разбойников, с помощью которых предстояло похитить ее. Через несколько дней как раз должен был состояться большой праздник, во время которого все девушки выходят к морю. Объяснив все это рабу, Каллисфен быстро справился с данным ему поручением и ушел.

XVII

Еще в Византии Каллисфен снарядил собственный корабль и привел его в Тир на случай, если его предприятие увенчается успехом. Другие теоры уже отплыли, а Каллисфен тоже немного отошел на своем корабле от берега; он сделал это для того, чтобы все думали, будто он последовал за своими согражданами, и не застали его на месте преступления во время похищения девушки, если судно его будет находиться рядом с Тиром. Он приплыл в тирийскую деревню Сарапту, которая располагалась на берегу моря, там он достал лодку и передал ее Зенону — так звали раба, которому он доверил свои планы, — чтобы тот организовал похищение. Зенон, силач и пират по натуре, быстро разыскал разбойников в самой деревне и тотчас отплыл с ними в Тир. Неподалеку от Тира есть маленькая гавань и островок (тирийцы называют его могилой Родопиды), — в этой гавани и укрылась лодка.

XVIII

Еще до того, как наступил праздник, которого поджидал Каллисфен, случилось происшествие с орлом и прорицанием, о котором я уже рассказывал. На следующий

день ночью мы должны были отправиться к морю, чтобы принести жертву богу. Наши приготовления не укрылись от Зенона. Когда в поздний час мы вышли из дома, он последовал за нами. Только мы ступили на берег, как Зенон подал условный знак, лодка немедленно подплыла к нам, и мы увидели в ней десять юношей. Оказалось, что еще до того, как мы пришли к морю, Зенон устроил там засаду из восьми юношей, одетых в женскую одежду, сбравших бороду, с мечами за пазухой. Они тоже якобы приносили жертву, таким образом скрывая от нас свои истинные намерения. Мы приняли их за женщин. Едва мы начали разжигать костер, как с громкими криками они выскочили из засады и потушили наши факелы. Мы все бросились наутек, а они, обнажив мечи, схватили мою сестру, посадили ее в лодку, тотчас уселись туда сами и исчезли быстрее птиц. Некоторые из нас убежали так быстро, что ничего не видели и не слышали, — те же, кто видел, что произошло, стали кричать:

— Разбойники схватили Каллигону!

Но лодка уже вышла в море. Когда похитители подплывали к Сарапте, Каллисфен издали заметил их, они дали ему условный знак, он поплыл к ним навстречу, принял девушку и тотчас же уплыл с ней в открытое море. Я вздохнул с облегчением, радуясь тому, что мой брак расстроился так неожиданно, но в то же время горюя о моей сестре, с которой приключилось такое несчастье.

XIX

Прошло несколько дней, и я сказал Левкиппе:

— До каких же пор, дорогая, мы с тобой будем ограничиваться одними поцелуями? Поцелуи — это прекрасно, но ведь это же только начало! Давай прибавим к ним что-нибудь более существенное. Мы должны дать друг другу залог верности. Ведь если Афродита введет нас в свои таинства, нам ничто не будет страшно.

Я то и дело нашептывал Левкиппе подобные речи и добился наконец того, что она согласилась принять меня ночью в своей спальне. Мы надеялись на помощь Клио, которая охраняла спальню Левкиппы. Опочивальня состояла из четырех комнат: две из них были справа и две слева; их разделял узкий коридор, в начале которого и располагалась единственная дверь. Все это помещение занимали женщины, две внутренние комнаты, находившиеся друг против друга, поделили между собой Левкиппа и ее мать; из двух других, помещавшихся у самой двери, одну, соседнюю с комнатой Левкиппы, занимала Клио, а другую отвели под кладовую. Укладывая Левкиппу спать, мать всегда запирала изнутри входную дверь, а снаружи ее запирали кто-нибудь другой и бросал ключи внутрь. Мать девушки хранила их у себя до восхода солнца, затем звала того, кто должен был следить за ключами, и

передавала их ему с тем, чтобы он отпер дверь. Сатир сумел сделать точно такие же ключи и попробовал отпереть ими дверь, — когда он увидел, что его ключи точно подходят к замку, он уговорил Клио (с согласия Левкиппы) не противодействовать осуществлению нашего замысла. Так и договорились.

XX

Был у них раб по имени Комар, он вечно совал во все свой нос, болтал без умолку, обжирался, и вообще не было недостатка, которым он не обладал. Мне казалось, что он исподтишка наблюдает за нами. Естественно, что больше всего его тревожило, как бы не случилось чего ночью, поэтому он не спал до рассвета, широко растворив двери своей комнаты, — в таких условиях было очень трудно сохранить все в тайне от него. Сатир, желая подольститься к нему, часто заигрывал с ним, называл его комаром и подшучивал над этим именем. Комар, догадываясь, что Сатир что-то затеял, отшучивался, однако держался стойко. Как-то он сказал Сатиру:

— Раз ты все время насмехаешься над моим именем, давай я расскажу тебе басню про комара.

XXI

— Лев часто упрекал Прометея. "Ты, — говорил Лев титану, — создал меня большим и красивым, вооружил мои челюсти зубами, укрепил ноги когтями, ты дал мне силу, большую, чем у всех остальных зверей, — и вот, такой, как я есть, я боюсь петуха!"

Предстал перед ним Прометей и сказал: "Зачем ты понапрасну укоряешь меня? Я сделал для тебя все, что мог, и нет моей вины в том, что у тебя робкая душа".

Лев зарыдал, стал бранить себя за трусость — и наконец решил умереть. В таком состоянии он встретился со Слоном, поздоровался и остановился, чтобы побеседовать с ним. Лев обратил внимание на то, что уши Слона непрерывно шевелились, и спросил его: "Что с тобой? Почему твои уши ни минуты не находятся в покое?"

Слон, показав Льву на пролетавшего в это время мимо его ушей комара, ответил: "Видишь ты эту жужжащую малявку? Если, не дай бог, она залетит мне в ухо, я погиб".

Лев обрадовался и воскликнул: "Зачем же мне умирать, когда я настолько же счастливее слона, насколько петух больше комара?"

— Видишь, — продолжал Комар, — какова сила комаров, если они даже слона могут испугать?

Сатир отлично понял намек, содержащийся в басне Комара, и ответил ему, улыбнувшись:

— Послушай и мой рассказ о комаре и льве, который я узнал от одного философа, и мы сквитаемся.

XXII

— Как-то хвастунишка Комар говорит Льву: "Небось ты думаешь, что и для меня ты царь, как для всех зверей? Но ты ведь и не красивее, чем я, и не храбрее, и ростом не больше. Прежде всего, в чем состоит твое мужество? Ты царапаешься когтями, пускаешь в ход зубы. Но разве не то же самое делает женщина, когда она дерется? Во-вторых, где твоя красота и рост? Действительно, у тебя широкая грудь, могучие плечи и масса волос на шее. Но ты не видишь, насколько ты безобразен сзади. Мой же рост так же безграничен, как воздух, который преодолевают мои крылья. Моя красота — это убор лугов. Луговые травы служат мне одеждой, когда я погружаюсь в них, желая отдохнуть от полета. Смешно было бы усомниться в моей воинственности: я весь представляю собой орудие войны. Когда я готовлюсь к бою, то даю сигнал на трубе, причем и труба и стрелы — это мое жало. Так что я одновременно и трубач и лучник. Я и стрела и лук. Запускают меня в воздух мои крылья, и в то же время я сам становлюсь стрелой и наношу рану. Раненый тотчас вскрикивает и начинает искать обидчика. Я же, присутствуя, отсутствую, я и остаюсь, и исчезаю. Я задеваю человека крылом и смеюсь, наблюдая за тем, как он пляшет от моих укусов. Но что говорить без толку! Давай сразимся!"

С этими словами Комар бросается на Льва и начинает кусать в глаза и во все безволосые части его морды, он кружится вокруг Льва и при этом не перестает жужжать. Лев расвирепел, завертелся волчком и, лязгая зубами, стал глотать воздух. Комар, в восторге оттого, что вызвал такой гнев Льва, кусал его даже в самые губы. Лев сгибался во все стороны, ища источник своих страданий, а Комар, словно борец, закаляющий свое тело в упражнениях, проскальзывал между зубами Льва, между челюстями, которыми тот напрасно щелкал. Лев уже выдохся в тщетной борьбе с Комаром, устал без толку лязгать зубами и прекратил сопротивление, обессиленный своим гневом. Комар же продолжал кружиться вокруг его головы и наконец затрубил победную песнь. Сознание успеха настолько опьянило его, что в своей самоуверенности он потерял всякое чувство меры и, увеличив круг своего полета, попал в паутину, запутался в ней, и Паук заметил его. Комар не мог вырваться из паутины и, объятый горем, воскликнул: "О неразумный! Я вызывал на бой самого Льва, а попался в сети ничтожного Паука!"

— Не следует ли и тебе, — со смехом обратился Сатир к Комару, — опасаться паука?

XXIII

Прошло несколько дней, и Сатир, зная, что Комар находится в постоянной зависимости от прихотей своего желудка, купил сонные порошки и пригласил Комара поужинать. Комар сразу заподозрил что-то неладное и сначала отказался от приглашения. Но затем ненасытный его желудок одержал верх, и он согласился. Он пришел к Сатиру, отужинал вместе с ним и собрался было уже уходить, когда Сатир в последний кубок подсыпал ему приготовленное зелье. Комар осушил этот кубок, и едва добрался до своей комнаты, как сон сморил его. Сатир немедленно прибежал ко мне и сказал:

— Уснул твой киклоп¹⁴. Ты же сравняйся в доблести с Одиссеем. — Он еще не договорил, как мы оказались у дверей моей возлюбленной. Сатир остался снаружи, а я вошел с помощью Клио, бесшумно и дрожа от радости и страха одновременно. Страх перед опасностью приводил в замешательство мою полную надежд душу, но в то же время упования на успех побеждали страх. Так смущались мои надежды и радовались мои опасения.

Едва я подошел к ложу девушки, как с ее матерью приключилось следующее: ей приснился страшный сон. Будто какой-то разбойник с обнаженным мечом похищает ее дочь, при этом он опрокидывает девушку навзничь и рассекает ей живот снизу, от паха; перепуганная до полусмерти этим сном, она вскочила с постели и, в чем была, ворвалась в спальню дочери, расположенную рядом, в то время как я только что лег. Услышав скрип открываемых дверей, я немедля встал, но было уже поздно, — мать оказалась у самого ложа. Я мгновенно сообразил, что дело плохо, и бросился к дверям. Перепуганный и дрожащий, я кинулся к Сатиру, и мы в темноте пустились бежать к нашему жилищу.

XXIV

Мать Левкиппы упала от внезапного головокружения, а придя в себя, схватила Клио и принялась бить ее, потом стала рвать на себе волосы и запричитала, обращаясь к дочери:

— Ты лишила меня всех надежд, Левкиппа, — всхлипывала она, — увы, Сострат, ты воюешь в Византии за неприкосновенность других браков, а в это время в Тире ты побежден и кто-то разрушил брак твоей дочери. О, я жалкая! Не думала я, не гадала увидеть такой брак! Лучше бы тебе остаться в Византии! Лучше бы ты претерпела насилие по праву войны! Лучше бы какой-нибудь фракиец изнасиловал

тебя! Подобное несчастье не сулило бы тебе позора. Теперь же, злополучная, ты опозорена в твоём несчастье! Обманывали меня все мои сны, не приснилась мне лишь истина! С большим позором разрезали тебе чрево, чем мне привиделось во сне. Рана, нанесенная тебе, страшнее, чем рана от меча. Я не знаю даже твоего обидчика, не знаю, как все это случилось. Горе мне, горе! Уж не раб ли это был?

Видя, что я успел скрыться, Левкиппа набралась храбрости и говорит:

— Не оскорбляй моей девственности, мать. Я не заслужила твоих упреков. Я не знаю, кто это был, бог, герой или разбойник. Я лежала и так перепугалась, что от страха не могла даже кричать. Ведь страх сковывает язык. Но одно я знаю, — никто не тронул моей девственности.

Панфия снова упала и принялась стенать.

Оставшись вдвоем, мы с Сатиром стали обсуждать, что же делать дальше, и решили, что единственный выход — это бежать, причем еще до зари, прежде чем подвергнутая пыткам Клио во всем сознается.

XXV

За словами тотчас последовало дело. Мы не стали откладывать побега и, сказав привратнику, будто идем к любовнице, поспешили к дому Клиния. Была уже полночь, и привратник открыл нам без всякой охоты. Спальня Клиния находилась наверху, — услышав наш разговор, он встревожился и тотчас спустился вниз. В этот момент мы заметили, что нас догоняет Клио.

Оказывается, она тоже решила бежать. Мы все заговорили в один голос, и вот Клиний услышал сразу о том, что случилось с нами, мы — о том, как убежала Клио, а она о наших планах. Войдя в дом, мы стали обсуждать случившееся и сказали Клинию, что не находим другого выхода, кроме побега. Клио сказала:

— Я тоже с вами. Если я останусь здесь до зари, то меня ждет смерть. Хотя и смерть слаще, чем пытки.

XXVI

Клиний взял меня за руку, увел подальше от Клио и сказал:

— Мне кажется, что я нашел наилучший выход, — ее мы незаметно отправим, а сами несколько дней подождем, но если придется все же бежать, то хорошенько подготовимся и тронемся в путь. Ведь вы сами говорите, что мать Левкиппы не

знает, кто нанес ее дочери оскорбление, а поскольку не будет Клио, она и не узнает. Может статься, что вы и Левкиппу убедите последовать за вами.

Вот что сказал мне Клиний, при этом он добавил, что, возможно, и сам разделит с нами путешествие. На этом и порешили. Клиний вызвал своего раба и поручил ему посадить Клио на какой-нибудь корабль. Когда Клио ушла, мы стали думать о том, как быть дальше. В конце концов мы остановились на том, что попытаемся уговорить Левкиппу бежать вместе с нами; если она согласится, то так и сделаем, если же нет, то мы и сами останемся, вручив себя судьбе. Ночь была уже на исходе, когда мы легли спать, а утром вернулись домой.

XXVII

Панфия, как только встала, приказала позвать Клио, чтобы подвергнуть ее пыткам. Но так как Клио не оказалось на месте, Панфия снова бросилась к Левкиппе и принялась за свое:

— Ты скажешь мне наконец, как все это произошло, или нет? И Клио я не вижу.

Левкиппа еще больше осмелела и говорит:

— Чего еще ты хочешь от меня? Какие доказательства моей правдивости тебе еще нужны? Если ты хочешь проверить, девственна ли я, то проверяй!

— Только этого еще не доставало, — воскликнула Панфия, — чтобы мы опозорились при свидетелях! — С этими словами она ринулась вон из комнаты.

XXVIII

Левкиппу, ошеломленную криком матери, обуревали самые разные чувства: она печалилась, стыдилась, возмущалась. Она испытывала печаль, потому что была поймана, стыдилась, потому что ее поносили, возмущалась оттого, что ей не верили. Стыд, печаль и гнев — это три волны души. Вливаясь через глаза, стыд уничтожает их свободу; печаль заливают грудь и тушит искры души; гнев же, взрывающийся в сердце, топчет рассудок в пене безумия. И все эти три волны рождаются от слова. Слово, словно стрела, пущенная из лука, попадая в цель, вонзается в душу и наносит ей рану. Стрелы брани влекут за собой гнев, если же слово вскрывает твоё несчастье, то возникает и объемлет душу печаль. Стрела упрека наносит рану, называемую стыдом. И хотя раны, нанесенные словами, бескровны, но след их очень глубок. И лучшее средство отразить стрелы слов — это пустить в ответ такие же. Ядовитое оружие языка страшится только одного противоядия, содержащегося в языке другого. Только так можно смирить

раздражение опечаленной души. Если же, в силу необходимости, пришлось смолчать перед более могущественным противником, то подобное молчание растравляет раны. Ведь волны страдания, поднявшиеся от слов, разгуливаются еще сильнее, если они не могут освободиться от пены. Именно поэтому Левкиппа чувствовала себя такой несчастной, не будучи в состоянии отразить натиск матери.

XXIX

Случилось так, что именно в тот момент, когда Левкиппа остро переживала обиду, я послал к ней Сатира, чтобы он спросил ее, хочет ли она бежать вместе с нами. Она, еще не дослушав до конца предложение Сатира, взмолилась:

— Ради всех богов, молю вас, избавьте меня от матери как хотите. Если вы оставите меня здесь, а сами исчезнете, я надену на шею петлю и хоть таким способом, но освобожу свою душу.

Тяжелый груз свалился с моих плеч, когда я узнал, что Левкиппа так ответила Сатиру. Через два дня, дождавшись того, что отец куда-то уехал, мы начали готовиться к побегу.

XXX

У Сатира еще оставались те сонные порошки, которыми он усыпил Комара. Прислуживая нам за столом, он незаметно подсыпал зелья в последнюю чашу Панфии и подал ей. Встав из-за стола, Панфия отправилась в свою спальню и тотчас заснула. У Левкиппы в это время появилась уже другая служанка, причем Сатир делал вид, что и в нее он влюблен; эту служанку Сатир тоже усыпил своими порошками, а затем отправился на охоту в третий раз и опоил порошками привратника. У ворот стояла наготове повозка, которую приготовил для нас Клиний, он сам уже сидел в ней, поджидая нас. Все спали глубоким сном, и в первую ночную стражу¹⁵ мы потихоньку вышли из дома, — Левкиппу вел за руку Сатир. Нам повезло и в том отношении, что Комар, который все это время не спускал с нас глаз, именно в этот день ушел из дома, выполняя какое-то поручение своей госпожи. Сатир неслышно распахнул двери, мы вышли, быстро достигли ворот и сели в повозку.

Нас было шестеро: Левкиппа, Сатир, я, Клиний и двое его рабов. Мы поехали по Сидонской дороге и прибыли в Сидон на рассвете; не останавливаясь, мы двинулись в Бейрут, рассчитывая найти там стоящий на якоре корабль. И действительно, в Бейруте мы застали корабль, который вот-вот должен был сняться с якоря. Мы даже не стали спрашивать, куда он плывет, но немедленно на него перебрались. Начинало светать, когда мы были готовы к отплытию в Александрию, великий город

на Ниле.

XXXI

Увидев море, я очень обрадовался, хотя судно еще не покинуло гавани и покачивалось на волнах. Подул попутный ветер, благоприятный для отплытия, и на корабле началась страшная суматоха. Кормчий отдавал приказы, по палубе взад и вперед сновали матросы, натягивали канаты, вращали рею, спускали парус. Подняли якорь, и отчаливший корабль покинул гавань. Мы смотрели, как земля медленно исчезает вдали, словно уплывает сама. Все пели пеан¹⁶ и, призывая богов-спасителей, истово молили их о благополучном исходе плавания. Порыв ветра наполнил парус и повлек корабль в открытое море.

XXXII

Случайно по соседству с нами расположился один юноша. Когда наступил час завтрака, он радушно предложил нам разделить с ним трапезу. Сатир стал прислуживать. Мы выложили на середину все, что было у нас, и начали есть и беседовать. Я первый спросил:

— Откуда ты, юноша, и как твое имя?

— Меня зовут Менелай, родом я из Египта. А вы кто такие?

— Я Клитофонт, а он Клиний, мы оба из Финикии.

— По какой же причине отправились вы путешествовать?

— Расскажи нам о себе, тогда услышишь о нас.

XXXIII

— Завистливый Эрот и неудачная охота принудили меня пуститься в путешествие, — ответил Менелай. — Я любил прекрасного отрока, а он был страстным охотником. Я часто отговаривал его, но не мог справиться с его приверженностью к этому занятию. Не будучи в состоянии убедить его оставить охоту, я сам сопровождал его. Как-то мы с ним выехали на охоту верхом, и поначалу, пока мы преследовали мелких зверей, удача сопутствовала нам. Вдруг из леса выбежал вепрь, и мальчик, не раздумывая, бросился вдогонку за ним. Вепрь неожиданно повернул и помчался навстречу охотнику. Но тот не испугался и не повернул вспять, хотя я отчаянно кричал и звал его:

— Осади коня, зверь опасен!

Вепрь сделал рывок и столкнулся с охотником. Когда я увидел это, меня бросило в дрожь. Боясь того, как бы в своем натиске вепрь не поразил коня, я поспешно, не прицелившись достаточно тщательно, пускаю в него стрелу. И она попадает в мальчика!

Может кто-нибудь представить себе, что творилось в моей душе, если она только не покинула меня в тот момент? Но самое трогательное заключалось в том, что, умирая, он обнял меня, вместо того чтобы возненавидеть своего убийцу, и до последнего вздоха не выпускал из своей руки ту самую руку, которая поразила его.

Родители мальчика повели меня в суд, причем я нисколько не сопротивлялся. Когда мне предоставили слово, я и не подумал оправдываться, но сам сказал, что достоин смерти. Судьи были тронуты моим поведением и присудили меня всего лишь к трем годам изгнания. Теперь этот срок истекает, и я возвращаюсь на родину.

Во время рассказа Менелая Клиний несколько раз принимался плакать, будто бы о Патрокле¹⁷, а на самом деле, конечно, вспоминал Харикла.

— Ты плачешь из-за того, что случилось со мной, или мое несчастье напоминает тебе твои собственные переживания? — спросил Менелай у Клиния.

Клиний тяжело вздохнул и поведал Менелая о смерти Харикла, а потом и я рассказал о своих злоключениях.

XXXIV

Видя, что Менелай совсем пал духом, растравив душу воспоминаниями о возлюбленном, а Клиний утопает в слезах, думая о Харикле, я решил рассеять их грусть и завел речь о любовных утехах. Левкиппы в тот момент с нами не было, она уже спала в каюте. Я, улыбаясь, начал так:

— Ничего не поделаешь, Клиний теперь одержит верх надо мной. Ведь он, по обыкновению, хочет выступить против женщин. Но теперь, когда он нашел себе единомышленника, ему легче будет отстоять свою позицию. Никак не могу взять в толк, почему теперь так распространилась любовь к мальчикам.

— Но разве, — возразил мне Менелай, — эта любовь не превосходит во всех отношениях любовь к женщинам? Мальчики ведь в сравнении с женщинами безыскусственны, а красота их доставляет более острое наслаждение.

— Как более острое?! — воскликнул я. — Ведь красота эта, едва мелькнув, исчезает и не дает любящему возможности насытиться ею. Ее можно сравнить с питьем Тантала¹⁸. Любовник только начинает наслаждаться красотой возлюбленного, как она уже исчезает, и приходится покинуть волшебный источник, не испив из него. Словно питье жаждущего Тантала. Покидая мальчика, любовник никогда не испытывает полного удовлетворения, он жаждет по-прежнему.

XXXV

— От тебя, Клитофонт, — сказал Менелай, — укрылось самое главное в наслаждении. Влечет к себе то, что не насыщает. То, что постоянно в твоих руках, постепенно пресыщает и теряет свою сладость. Похищенное же всегда ново, и сознание того, что вот-вот оно ускользнет от тебя, вызывает еще больший расцвет страсти. В страхе потери таится нестареющее наслаждение, и чем оно быстротечное, тем сильнее.

Потому, мне кажется, и роза — самое прекрасное из растений, что красота ее исчезает на глазах. Я полагаю, что двум видам красоты суждено жить среди людей, красоте небесной и красоте земной. Небесная по самой своей природе стремится как можно скорее улетучиться, освободившись от тяготящей ее смертной оболочки. Что касается земной красоты, то она более прочна и своей оболочки долго не покидает. В доказательство того, что красота небесная возносится на небо, я приведу тебе строки Гомера, послушай их:

Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных¹⁹.

Между тем ни одна женщина не удостоилась того, чтобы благодаря своей красоте стать небожительницей, а ведь Зевс дарил свою благосклонность и женщинам. Но уделом Алкмены²⁰ стало горе и изгнание, Даная²¹ получила в дар ларец и море, Семела²² стала пищей огня. И только полюбив фригийского мальчика²³, Зевс даровал ему небо, чтобы отрок мог жить вместе с ним, разливая нектар; та же, что прежде исполняла обязанности виночерпия, своего места лишилась, — и думаю, потому, что она была женщиной.

XXXVI

— Именно неумирающая красота женщин представляется мне небесной, — перебил я Менелая, — она непреходяща и тем приближается к божественности, в то время как быстро-гибнущее подражает природе смертных и является обычным. Да, Зевс полюбил фригийского мальчика и вознес его на небо, но из-за красоты женщин, случалось, Зевс сам покидал небо и спускался на землю. Он мычал из-за женщин,

он плясал из-за них, превратясь в сатира, обращался ради них в золото. Пусть Ганимед разливает вино, ведь среди богов пьет и Гера, и мальчик ей прислуживает. Чувство жалости вызывает во мне его похищение, хищная птица набросилась на него и унесла его на небо, уподобив повешенному, тем самым подвергнув его оскорбительному насилию. Позорное зрелище являл собой висящий в когтях хищника мальчик. Семелу же увлек на небо огонь, а не какая-нибудь злая птица. И не следует тебе удивляться тому, что с помощью огня попадают на небо, — так ведь и Геракл стал небожителем. Если же ты насмехаешься над ларцом Данаи, то почему молчишь о Персее? Алкмене же достаточно и того подарка, что Зевс ради нее украл у солнца целых три дня²⁴.

Но оставим мифы и поговорим о самой радости обладания. Должен признаться, что мой опыт в этом деле невелик, так как до сих пор я имел дело лишь с теми женщинами, которые продают утеху Афродиты за деньги. Возможно, человек более сведущий мог сказать бы больше, чем я. Все же я не промолчу о том, что узнал сам.

Заключенное в объятие тело женщины податливо, губы ее нежны при поцелуе. Поэтому, когда обнимаешь женщину, тело твое как будто полностью окутывается ее плотью, и любовник словно погружается в наслаждение. Целуя, она накладывает свои уста на уста возлюбленного как печать, искусны ее поцелуи, она умеет сделать их сладкими. Женщина хочет целовать не только губами, зубы ее тоже участвуют в поцелуе, и она упивается устами любовника, покусывая их. Особая радость таится в прикосновении ее груди. На вершине наслаждения Афродиты она в исступлении обнимает возлюбленного и целует его, близкая к безумию. Языки стремятся коснуться друг друга и, встретившись, нежно ласкаются своими кончиками. Ведь если при поцелуе уста открыты, это еще больше усиливает радость обладания. Когда же предел наслаждения достигнут, женщина тяжело дышит, погруженная в зной страсти. Дыхание ее, слившись с любовным дуновением, на устах встречается с блуждающим на них поцелуем, который ищет дорогу. Поцелуй следует за дыханием и пронзает сердце, — пораженное поцелуем, оно трепещет. Если бы оно не было связано с другими внутренностями, то, без сомнения, выскочило бы из груди вслед за поцелуями.

Мальчики же целуют без всякого искусства, объятия их неловки, притязания Афродиты тщетны, наслаждения никакого.

XXXVII

— Однако ты вовсе не кажешься мне новичком в делах любви, — заметил Менелай, — тебе, оказывается, доподлинно известны все женские ухищрения. Что же, теперь пришла твоя очередь послушать о мальчиках.

Все у женщин поддельно, и речи их, и красота. Если женщина поначалу и кажется красивой, то это лишь следствие многочисленных притираний. Вся ее красота — это мирра, крашенные волосы и прочие выдумки. Если же лишить ее всех этих хитростей, то она уподобится галке из басни, с которой сняли чужие перья.

Красота мальчика не нуждается в помощи благовонной мирры и прочих чужих ароматов, — приятнее всех женских притираний запах пота отроческого тела. Еще до того, как заключить мальчика в любовные объятия, можно бороться с ним на палестре²⁵, когда тела сплетаются открыто, и нет в этом переплетении ничего постыдного. В объятиях тело мальчика не расслабляется из-за рыхлости его плоти, крепкие тела борются друг с другом за наслаждение. Поцелуи отрока, в отличие от женщины, бесхитростны, не сыщешь в его губах тех праздных обманчивых ухищрений, которым научены женщины, нет ничего искусственного в поцелуях мальчика, — он целует как дитя. Если бы сгустился нектар, то ты пил бы его с уст возлюбленного. И такие поцелуи не насыщали бы тебя, но вызывали еще большую жажду, и, наконец, ты бы оторвался от источника наслаждения, чтобы не ощутить избыток его.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга вторая.

1. *Сначала она спела из Гомера...* — Гомер, "Илиада", XVI, 823 и дальше.
2. *Кадм* — уроженец Финикии; по распространенному мифу, основатель Фив. В честь Кадма кремль в Фивах назван был Кадмеей. Геродот представляет Кадма тирийцем (II, 49; I, 2).
3. *Библос* — древний город в Финикии. Возможно, что название библосского вина говорило не о его географическом происхождении, но означало выработку его из особого сорта винограда — "библиа".
4. *Маронея* — город на южном берегу Фракии. Славился своим превосходным вином.
5. *Хиос* — чрезвычайно плодородный остров, доставляющий лучшее греческое вино. Главный город острова, Хиос, претендовал в числе семи городов на то, что он является родиной Гомера.
6. *Икарий*. — В награду за гостеприимство, которое Икарий оказал Дионису, он получил от бога виноградную лозу. Пастухи, сочтя своих напившихся вина товарищей отравленными Икарием, убили его.
7. *Главк Хиосский* — изобретатель с острова Хиоса, живший примерно в VII в. до н.э. Научился паять, изменять твердость металлов и был замечательным ваятелем.
8. *Омфала*. — После того как Геракл совершил знаменитые двенадцать подвигов, он в припадке бешенства убил Ифита. За это по приказанию дельфийского оракула он был на год (в других вариантах на три года) продан в рабство к лидийской царице Омфале. Будучи ее рабом, Геракл изнежился, — облаченный в женские одежды, он пряд шерсть, а Омфала носила в это время львиную шкуру Геракла и его палицу.
9. *... он подменил кубки...* — Мотив этот характерен для большинства греческих романов. Влюбленные пьют из одного кубка, наслаждаясь прикосновениями к кубку как поцелуями.
10. *Зевс Гостеприимец*. — Эпитет отражает функцию Зевса, заключающуюся в защите прав гостя, беглеца, просящего покровительства.

11. *Стратег* — главнокомандующий.

12. *Теор* — государственный представитель, исполнявший поручения культового характера.

13. *Окраска... та, за которую Гомер хвалил коней фракийского царя.* — Гомер, "Илиада", X, 437 ("Снега белее они...").

14. *Уснул твой киклоп.* — Киклопы (циклопы) — страшные одноглазые великаны. Они давали Зевсу гром и ковали для него молнию. Отец их Уран заточил киклопов в землю, но Зевс освободил их и превратил в своих слуг.

15. *... в первую ночную стражу...* — Греки делили ночь на три или четыре стражи, то есть смены ночного караула.

16. *Пеан* — жанр древнегреческой хоровой лирики. Пеаны обычно были обращены к Аполлону, представляя собой хоровое торжественное песнопение.

17. *... принимался плакать, будто бы о Патрокле...* — Гомер, "Илиада", XIX, 301 и дальше.

18. *Ее можно сравнить с питьем Тантала.* — Тантал был наказан за разглашение людям тайных решений Зевса. Он стоял в подземном царстве по горло в воде, но когда, изнывая от жажды, хотел сделать глоток, вода отступала. "Танталовы муки" — нестерпимые мучения от сознания близости желанной цели и невозможности ее достигнуть.

19. *Он-то богами и взят в небеса...* — Гомер, "Илиада", XX, 234-235.

20. *Алкмена* — возлюбленная Зевса, родившая от него Геракла. Впоследствии Зевс приказал отвезти ее на Остров блаженных.

21. *Даная* — возлюбленная Зевса; он проник в подвал, где была заточена Даная, в виде золотого дождя и сошел с ней браком, от которого родился герой — Персей. Отец Данаи, аргосский царь Акрисий, чтобы избежать исполнения предсказания, заключавшегося в том, что он погибнет от руки внука, заточил Данаю вместе с Персеем в ящик и приказал бросить этот ящик в открытое море.

22. *Семела* — возлюбленная Зевса, дочь фиванского царя Кадма (см. примеч. 21), родившая от Зевса Диониса. Супруга Зевса Гера, решив отомстить Семеле, посоветовала ей попросить Зевса, чтобы он явился перед ней во всем своем величии бога. Зевс, чтобы доказать Семеле свою любовь, послушался ее, но,

когда он предстал перед ней в сверкании молний, они испепелили смертную Семелу.

23. ... *полюбив фригийского мальчика...* — Имеется в виду Ганимед, прекраснейший из смертных, фригийский (троянский) царевич; он был похищен Зевсом, обратившимся в орла, и стал виночерпием Зевса.

24. ... *Зевс... украл у солнца целых три дня.* — В то время как Зевс находился у Алкмены, солнце не восходило в течение трех дней.

25. *Палестра* — гимнастическая школа.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга третья

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#) [IX](#) [X](#) [XI](#) [XII](#) [XIII](#) [XIV](#) [XV](#) [XVI](#) [XVII](#) [XVIII](#) [XIX](#) [XX](#) [XXI](#) [XXII](#) [XXIII](#) [XXIV](#)
[XXV](#)

I

Мы плыли уже третьи сутки, как вдруг среди бела дня сгустился внезапный сумрак и скрыл от глаз синеву неба. Из самой пучины моря поднялся ветер и налетел на наш корабль. Тотчас кормчий приказал повернуть рею. Матросы поспешно стали выполнять его приказ, — они свернули одну часть паруса, потому что сильный ветер не давал возможности спустить его совсем, а другую направили по ветру так, чтобы он благоприятствовал ходу корабля.

Парус наполнился ветром, и корабль накренился, а затем началась сильнейшая качка, — судно то вздымалось на волнах, то стремглав проваливалось вниз; многие из нас подумали, что корабль так и не сдвинется с места, но при каждом порыве ветра будет поворачиваться из стороны в сторону. Мы попробовали перейти на тот борт, который поднимался выше, чтобы, освободив от своей тяжести другой, немного привести судно в равновесие. Но эта попытка не увенчалась успехом, так как наша тяжесть была ничто в сравнении с силой волн, поднимающих ту часть палубы, на которую мы перешли. Некоторое время мы все же старались таким образом справиться с качкой. Вдруг новый порыв ветра обрушился на бок корабля и чуть не погрузил его в пучину, — борт, который до сих пор лежал на волнах, устремился ввысь, а другой, высоко поднимавшийся над волнами, сровнялся с водой. В тот же миг на корабле начались стоны и беготня, все снова бросились на прежние места. Три или четыре раза нам приходилось перебежать с одного борта на другой, — не успевали мы пристроиться с одной стороны, как были вынуждены

переходить на другую.

II

Весь день мы перетаскивали наши вещи с места на место, тысячу раз совершали этот утомительный пробег, каждый раз ожидая смерти, и она действительно была рядом. Еще до наступления сумерек солнце совершенно скрылось, и мы видели друг друга словно в лунном свете. Вдруг засверкала молния, раздались мощные раскаты грома, заполнил собой все небо грохот, внизу с ревом сталкивались волны, между небом и морской пучиной завывал ветер. Возникло ощущение, будто кто-то играл на гигантских трубах. Веревки, привязывающие парус, оборвались, заскрипели под ударами ветра снасти. Когда мы услышали, как трещат доски палубы, мы затрепетали от ужаса, что вот-вот выпадут скрепы и корабль рассыплется на части. Скрывшись от потоков ливня под плетеными навесами, которые были устроены на корабле, — запрятавшись там, словно в пещере, мы решили более не бороться с судьбой и отбросили все надежды на спасение. Гигантские волны, бушующие со всех сторон корабля, разбивались друг о друга, то поднимали корабль ввысь, то бросали его в пропасть. Сами волны напоминали то горы, то пропасти. Разъяренная стихия заливала водой навесы и палубу. Вздымающаяся выше облаков громада волны была видна уже издалека, — мы с ужасом смотрели на ее приближение и каждый раз ждали, что она раздавит корабль. В дикой пляске состязался с волнами ветер, — не было никакой возможности удержаться на ногах, так как корабль сотрясался. Все смешалось в один общий вопль — рев волн, завывание штормового ветра, стоны женщин, крики мужчин, приказания моряков. Кормчий велел освободить корабль от груза, и вот все полетело за борт без разбора: серебро, золото и не имеющая никакой цены рухлядь. Многие купцы, обладатели ценного груза, рассчитывали выручить за него большие деньги, но и они без колебаний швыряли свое имущество за борт. Уже нечего было выкидывать, а буря не унималась.

III

Наконец кормчий отчаялся привести корабль в повиновение, бросил руль и отдал судно на волю волн. Затем он спустил на воду лодку и прыгнул в нее, приказав матросам следовать за ним. Они не замедлили подчиниться его приказу. Началась страшная паника, которая привела в конце концов к рукопашной схватке. Те, кто успел занять места в лодке, изо всех сил старались перерезать канат, привязывающий ее к кораблю. Матросы же, которые остались на корабле, хотели вслед за кормчим попасть в лодку, они пытались притянуть ее к себе за канат, а сидящие в ней сопротивлялись. Потрясая топорами и ножами, они готовы были направить свое оружие против каждого, кто спустится в лодку. В свою очередь, толпившиеся на корабле не оставались в долгу, они вооружились всем, что попало под руку, — будь то обломок весла или скамейка для гребцов. Таковы уж

морские обычаи — схватка здесь не в новинку.

Завязался бой, и те, кто был в лодке, и те, кто прыгал в нее, пустили в ход оружие, которым до сих пор лишь угрожали друг другу. Палки, весла, топоры и ножи замелькали в воздухе. Уже не связывали этих людей ни дружба, ни хотя бы совесть, каждый думал только о собственном спасении, ничуть не заботясь об остальных. Так большая опасность с легкостью разрывает узы дружбы.

IV

Наконец одному из оставшихся на корабле, сильному юноше, удалось притянуть за канат лодку к борту корабля; лодка уже почти коснулась борта, и все приготовились, как только это будет возможно, прыгнуть в нее. Но удача выпала на долю лишь двоих или троих, и то не без потери крови, многие же другие попадали в воду. Матросы тотчас отвязали лодку, перерубив канат топором, и понеслись по волнам. Вслед им раздавались проклятия. Беспомощный корабль неуклюже плясал на волнах. Неожиданно он налетел на подводный риф и дал глубокую трещину по всему корпусу. Мачта рухнула, задавив при своем падении немало людей, и упала в море. Я думал про тех, кто мгновенно погиб в волнах: им еще повезло, потому что смерть настигла их сразу. Ведь постоянное ожидание гибели, которое доводится испытывать на море, часто губит людей еще до того, как она приходит. Глазам представляется нескончаемый простор разбушевавшегося моря, и сердце мучается неослабевающим страхом в предчувствии близкой гибели, — умирать так гораздо страшнее. Насколько беспредельна морская даль, настолько поражает взор отчаяние. Некоторые пытались удержаться на волнах, но безуспешно, — они разбились о камни. Повиснув на отломавшихся досках, иные то скрывались под водой, то вновь появлялись над волнами подобно рыбам, — жизнь постепенно покидала их.

V

Корабль рассыпался на части, но некое доброе божество сохранило для нас часть его носа, и мы с Левкиппой, пристроившись на ней, носились по волнам. Что касается Менелая и Сатира, то они уцепились за мачту и не выпускали ее. Вблизи нас очутился и Клиний, державшийся за рею, — вдруг мы услышали, как он закричал:

— Держись за бревно, Клитофонт!

Не успел он крикнуть эти слова, как волна накрыла его с головой. Мы было подняли крик, но вдруг заметили, как эта волна угрожает и нам. Охваченные ужасом, мы даже не сразу поняли, что смерть миновала нас и на этот раз: по счастью, волна

нас не накрыла, но прошла под нами, подняв на свой гребень бревно, и мы снова увидели Клиния.

— Сжался, владыка Посейдон¹, — со стоном взмолился я тогда. — Сжался над теми, кто не погиб при кораблекрушении! Мы все уже испытали страх смерти. Если задумал ты всех нас погубить, то хоть не откладывай нашего конца. Только сделай так, чтобы мы стали добычей одной и той же волны, или одного и того же чудовища морского, или одной и той же рыбы, пусть попадем мы в одно и то же чрево, чтобы покоиться в нем вместе.

Едва я окончил свою молитву, как стих ветер и утихомирились волны. Кругом плавали в воде трупы. Менелая вместе с его спутниками прибило к берегу. Это было уже побережье Египта, в котором тогда полновластно царили разбойники.

Случай благоприятствовал нам с Левкиппой, и под вечер, неизвестно какими судьбами, нас отнесло к Пелусию. Счастливые, мы вышли на землю, воздавая хвалу бессмертным богам. Но не забыли оплакать Клиния и Сатира, так как сочли их погибшими.

VI

В Пелусии² находится священная статуя Зевса Кассийского³. Статуя эта изображает юношу, чей облик более всего напоминает Аполлона, да и возраст юноши сближает его с Аполлоном. В протянутой вперед руке он держит гранат; некий мистический смысл заключен в этом плоде. Мы вознесли к богу свои мольбы и заодно попросили у него знаменья относительно судьбы Клиния и Сатира (считается, что он обладает даром прорицания), потом стали рассматривать храм. На задней стене его мы заметили двойную картину⁴, под ней стояла подпись художника: Эвантей. Художник изобразил Андромеду и Прометея — оба они скованы цепями, — думается, именно из-за схожести их судеб мастер нарисовал их вместе, ведь по своему содержанию эти картины — родные сестры. Андромеда и Прометей прикованы к скалам, обоих терзают звери, его палач — птица, ее — морское чудовище. Благоволят же к ним два соплеменника — аргосцы, ему покровительствует Геракл, ей — Персей. Геракл из лука поражает птицу, а Персей сражает чудовище Посейдоново. Геракл нацеливает стрелу, стоя на земле, Персей парит в воздухе.

VII

В скале, изображенной на картине, выдолблена ниша высотой в рост Андромеды. По тому, как художник нарисовал нишу, ясно, что она не является делом рук человеческих, но создана самой природой. Доказательством тому — неровность ее стен. Открытая взору стоит в ней Андромеда; и если смотреть лишь на ее красоту,

то зрелище это производит впечатление статуи удивительного совершенства, но достаточно взглянуть на тяжелые оковы и чудовище — и кажется, будто глядишь на неожиданное погребение. В лице девы красота смешана с ужасом; щеки ее бледны от страха, в глазах же сияет неувядаемая краса. Но мастер не изобразил бледность щек совсем лишенной красок, сквозь нее проступает слабый пурпур румянца, а в сияющих глазах не один свет, но и тревога, они похожи на увядающие фиалки, — так украсил ее живописец благообразным страхом. Андромеда простерла руки вверх, цепи подняли их и приковали к скале, а кисти рук свешиваются вниз подобно гроздьям винограда. Ослепительная белизна локтей ближе к кисти переходит в синеву, а пальцы кажутся мертвыми. Закованная, она будто ждет смерти. Убранная в брачный наряд, она словно невеста, предназначенная Аидонею⁵. Андромеда облачена в ниспадающий до пят белый хитон, сотканный точно из паутины, такова тонкость ткани не из овечьего руна, но из птичьего пуха, — с деревьев добывают индийские женщины такую пряжу.

Перед самым лицом Андромеды высовывает из морской пучины голову чудовище, — тело его скрыто под водой, одна лишь голова на поверхности. Но под водой угадываются очертания его спины, покрытой чешуей, изгибы шеи, колючих плавников и хвоста. Огромная длинная пасть разинута до предела, до самых плеч чудовища, так что видно его чрево. Между девой и чудовищем нарисован спускающийся с неба Персей, совершенно нагой, лишь вокруг плеч его обвивается плащ, а на ногах сандалии. Голова его скрыта под шлемом, напоминающим шлем Аида. В левой руке он держит голову Горгоны⁶, выставив ее вперед, как щит. Страх наводит эта голова и цветом своим, и выражением выпученных глаз; волосы на висках вздыблены, шевелятся змеи. Даже нарисованная, голова эта заставляет застыть в ужасе. Ею и вооружена левая рука Персея, в правой же руке у него другое оружие — раздвоенный нож, лезвие которого с одной стороны серп, а с другой — меч. Рукоять у него единая, но затем она разветвляется, одна ветвь искривляется, а другая заостряется. Заостренная часть представляет собой меч, а искривленная — серп, — таково это оружие, предназначенное для того, чтобы в один прием поразить врага и вцепиться в рану.

Так изображена Андромеда.

VIII

По соседству с ней мастер нарисовал Прометея. Прометей железными цепями прикован к скале, Геракл вооружен луком и копьем. Птица впиалась в живот Прометея; терзая открытую рану, разрывая ее своим клювом, она словно ищет печень Прометея. Печень видна настолько, насколько художник раскрыл рану. Когти птицы вцепились в бедро Прометея, который содрогается от боли, напрягая мышцы и, на горе себе, поднимая бедро, — ведь из-за этого птице еще легче

добраться до печени. Одну ногу Прометея свела судорога, он вытянул ее вниз, подогнув пальцы. Вся картина являет собой муку, страдальчески морщатся брови, в гримасе боли искривлены губы, обнажая сжатые зубы. Начинаешь жалеть чуть ли не самую картину, глядя на нее.

Геракл вселяет в страдальца надежду. Он стоит и прицеливается из лука в Прометеева палача. Приладив стрелу к тетиве, он с силой направляет вперед свое оружие, притягивая его к груди правой рукой, мышцы которой напряжены в усилие натянуть упругую тетиву. Все в нем изгибается, объединенное общей целью: лук, тетива, правая рука, стрела. Лук изогнут, вдвойне изгибается тетива, согнута рука.

Прометей объят одновременно надеждой и страхом. Он смотрит и на рану свою, и на Геракла. Он хотел бы не отводить взора от своего избавителя, но не под силу ему полностью отвлечься от своих мук.

IX

Мы провели в Пелусии два дня, немного оправились от своих злоключений и наняли египетский корабль: к счастью, нам удалось сохранить немного денег, которые были зашиты в пояс. Корабль по Нилу плыл в Александрию. Мы намеревались пробыть там относительно долгое время, так как не совсем потеряли надежду разыскать своих друзей, — ведь вполне возможно, что судьба занесла их именно в Александрию.

Мы достигли какого-то города, как внезапно услышали страшный крик.

— Разбойники! — закричал один из матросов и стал разворачивать корабль, чтобы немедленно плыть обратно. Но берег уже заполнили дикари страшного вида. Все они были огромные, черные, но не такие черные, как индийцы, а наподобие нечистокровных эфиопов, с безволосыми головами, тонкими ногами и тучными телами. Говорили они на каком-то варварском языке.

— Мы погибли! — воскликнул кормчий и остановил корабль.

В этом месте река была узкой, и четверо разбойников мгновенно достигли корабля, взошли на него, захватили все, что только можно было захватить, включая наши деньги, а нас заперли в какой-то хижине, приставив стражу. Наутро нас должны были отвести к "царю", — так разбойники называли своего главаря. От товарищей по несчастью мы узнали, что путь к царю должен был занять два дня.

X

Наступила ночь, и мы легли, по-прежнему закованные; заснули и наши стражи. Тогда наконец у меня появилась возможность дать волю отчаянию и оплакать удел Левкиппы. Я отдавал себе отчет в том, что стал для нее причиной множества бед; в глубине души обливаясь слезами, я, однако, не позволил им вылиться наружу и рассудком подавил готовые вырваться рыдания.

— О великие боги и божества! — взмолился я. — Если вы существуете и слышите меня, скажите, каковы наши прегрешения, чтобы за несколько дней мы окунулись в такую бездну несчастий. Теперь вы отдали нас в руки египетских разбойников, лишив даже возможности вызвать в них сострадание. Ведь эллинского разбойника можно сломить словом, заставить смириться мольбой. Нередко случается нам речами вызвать сочувствие к себе: язык наш обладает способностью мольбой приглушить душевные муки и смирить гнев в сердце того, к кому обращена эта мольба. Но теперь-то на каком языке изливать нам свою скорбь? Какие произносить клятвы? Даже если бы запел кто-нибудь слаще сирен, то и тогда не поняли бы его эти убийцы. Только и остается мне, что умолять знаками и жестами. О, горе горькое! Сейчас примусь за надгробный плач. Я не печалюсь о себе, Левкиппа, пусть даже мои страдания были бы еще сильнее. Но ты! Где взять слова, чтобы выразить мою скорбь о тебе? Где взять слезы, чтобы оплакать твою участь? О, верная в роковой любви, нежная к неудачливому возлюбленному! До чего же красивы твои брачные уборы! Брачные чертоги твои — это темница, ложе — земля, ожерелья и браслеты — веревки и петля, дружкой тебе — разбойник, который спит рядом с тобой. Вместо свадебных песен кто поет тебе плач надгробный? Напрасно, море, мы тебя благодарили! Жестокостью оборотилось для нас твое человеколюбие! Лучше бы уж ты сделало нас своей добычей; ведь, подарив нам спасение, ты тем самым нас погубило. Из зависти ты захотело не дать нам погибнуть от руки разбойников.

XI

Так скорбел я в тиши, но плакать не мог. Ведь истинно большие несчастья лишают наши глаза способности проливать слезы. Если беда невелика, слезы текут обильно и вид их словно немая мольба, обращенная к тому, кто является причиной несчастья, — они облегчают душу несчастливца, как бы вскрывая нарыв горя. Но если горе непереносимо, то слезы бегут прочь от очей, изменяя им. Только начнут они набегать, как скорбь становится для них неодолимым препятствием, она останавливает их движение и вслед за собой уводит их глубоко внутрь. Остановленные на своем пути к глазам, непролитые слезы скапливаются в сердце и усиливают гнет его раны. Все то время, что я говорил, Левкиппа молчала.

— Почему ты все молчишь, моя любимая, и ничего не отвечаешь мне? — спросил я ее.

— Потому, Клитопонт, — ответила она, — что голос мой умер еще раньше, чем моя душа.

XII

За разговорами мы и не заметили, как на смену ночи пришел день. И тут появился вдруг какой-то всадник с всклокоченной головой, да и конь его был неоседланный, невзнузданный, с нечесаной гривой. Ведь именно такие обычно у разбойников кони. Разбойник этот явился к нам как посол от главаря шайки.

— Если среди пленных, — сказал он, — есть какая-нибудь девушка, то ее ведено отослать богу как будущую очистительную жертву за войско.

Стражники тотчас направились к Левкиппе, а она со стоном припала ко мне. Разбойники пытались оттащить ее, а меня нещадно били. Наконец они оторвали от меня девушку, схватили ее и унесли. Остальных пленников, в том числе и меня, неспешно погнали куда-то.

XIII

Мы успели отойти от деревни на два стадия⁷, как послышался громкий воинственный клич, сопровождающийся звуком трубы. Мы увидели отряд воинов, сплошь тяжеловооруженных. Разбойники немедленно поместили нас в середину и стали ждать встречи с воинами, намереваясь дать им отпор. Вскоре гоплиты⁸, примерно пятьдесят человек, приблизились, вооруженные одни длинными, другие круглыми щитами. Разбойники, превосходившие их в численности, схватив с земли комья, принялись бросать их в воинов. Эти египетские комки опаснее камня, тяжелые, шероховатые, с неровными краями. Неровность образуется остриями комка. Попадание такого комка причиняет двойное страдание: ушиб и опухоль, как от камня, и разрез — как от стрелы. Но воины, прикрывшись щитами, не особенно беспокоились. Вскоре разбойники выдохлись, и тогда фаланга⁹ раздвинулась, выпустив легковооруженных воинов, каждый из которых имел при себе копье и меч. Они немедленно принялись метать дротики, причем били без промаха. Их атаку поддержали гоплиты, только теперь вступившие в бой. Завязалась беспощадная битва, и с той и с другой стороны посыпались удары, было много раненых и убитых. Воины с лихвой восполняли численное превосходство разбойников своей сноровкой. Мы же, пленные, выждали удобный момент, когда разбойникам приходилось туго, прорвали их строй и перебежали к противникам. Так как сначала воины не знали, что мы бежали из разбойничьего плена, они было приготовились и нас убивать, но, заметив, что на нас нет почти никакой одежды, кроме оков, поняли, в чем дело, пропустили нас сквозь свою фалангу и дали нам возможность немного отдышаться. В это время в атаку ринулись всадники, они окружили

разбойников, зажали их в кольцо и начали уничтожать их, — многих они тотчас же убили, другие, хотя и были уже полумертвыми, пытались продолжить бой. Оставшихся в живых взяли в плен.

XIV

Солнце уже закатилось, когда стратег вызвал нас к себе и каждого в отдельности расспросил, кто он и каким образом оказался в плену. Я тоже поведал ему свою историю. Когда он разузнал обо всем, нам приказали следовать за войском и обещали оружие. Стратег задумал, дождавшись подкрепления, напасть на главный разбойничий стан. По слухам, разбойников в нем было не менее десяти тысяч.

Я обратился к стратегу с просьбой дать мне коня, так как считал себя хорошим наездником и много упражнялся в верховой езде. Привели коня, я оседлал его и, несколько раз объехав фалангу, показал в определенном ритме различные военные приемы. За верховую езду стратег удостоил меня большой похвалы. В тот же день он пригласил меня отобедать вместе с ним и во время трапезы подробно расспросил о моих злоключениях. Рассказ мой вызвал у него сочувствие. Обычно, когда человек слушает повесть о чужих несчастьях, он проникается состраданием к своему собеседнику и возникшее в нем сочувствие понемногу переходит в дружбу. Душа смягчается под впечатлением грустного рассказа и, потрясенная им, превращает сострадание в участие, а скорбь — в жалость. Мой рассказ так подействовал на стратега, что он даже заплакал вместе со мной. Но мы ничего не могли сделать, — ведь Левкиппа находилась в руках разбойников. Чтобы хоть как-то выказать свою дружбу, стратег подарил мне раба из Египта.

XV

На следующий день воины начали готовиться к переходу, — но путь преграждал ров, который надо было засыпать. Мы видели, что по ту сторону рва разбойники сосредоточили большие силы и ждали нас во всеоружии. Нам был виден жертвенник из глины, по-видимому сооруженный ими самими. Близ жертвенника стояла гробница.

Вдруг я вижу, как два каких-то человека ведут девушку, руки ее связаны за спиной. Я не мог различить их лиц, но заметил, что оба они были вооружены, в девушке же я сразу узнал Левкиппу. Сначала они совершили над ее головой возлияния, а затем обвели вокруг жертвенника. Слышались звуки флейты, а жрец пел, наверное, египетскую песнь, — видно было, как он шевелит губами и раздувает щеки. Затем по какому-то знаку все отходят подальше от жертвенника. Один из юношей навзничь опрокидывает девушку и привязывает ее ко вбитым в землю кольям, как связанного Марсия¹⁰ привязывали к дереву ваятели. После этого юноша, схватив

меч, погружает его в тело девушки около сердца и вспарывает ее тело до самого низа живота. Тотчас оттуда вываливаются все внутренности, разбойники вытаскивают их руками и кладут на жертвенник.

Когда внутренности девушки изжарились, они поделили их между собой и съели. При виде всего этого воины в ужасе вскрикивали и старались не смотреть на происходящее. Я же просто остолбенел. Невероятно, но я сидел и не сводил глаз с жертвенника. Несчастье, которому не было меры, повергло меня в оцепенение. Тогда-то я понял, что миф о Ниобе¹¹ правдив, — нечто подобное происходило и с ней, когда она смотрела на гибель своих детей, — настолько застыла она в своем горе, что казалась окаменевшей. Когда разбойники покончили со своим делом, они положили тело в гроб, закрыли его крышкой, уничтожили жертвенник и убежали без оглядки, — таково было повеление жреца.

XVI

К вечеру ров был засыпан; наше войско переправилось через него, расположилось на ночлег, и мы приступили к трапезе. Стратег пытался отвлечь меня от моего горя, но я был безутешен.

Заступила уже первая ночная стража, все уснули, и я, захватив с собой меч, пошел к гробнице, намереваясь покончить с собой. Подойдя к гробнице, я вытащил меч из ножен и сказал:

— О мученица Левкиппа, ты самая несчастная из людей! Горюю я не только о том, что тебя больше нет, но еще и о том, что ты умерла в чужой стороне, не о том, что силой тебя обрекли на заклятие, но о том, что судьба сыграла с тобой злую шутку, что ты стала очистительной жертвой нечистых людей. Как страшно, что ты была еще жива, когда рассекали твое чрево. О горе, ты могла даже видеть свою рану. Я никогда не примирюсь с тем, что проклятый жертвенник и эта могила унесли с собою твой гроб и тайны твоего чрева. Тело твое здесь, но где же твои внутренности? Лучше бы они стали добычей огня! Но случилось так, что насытили ими свои утробы разбойники! О, это отвратительное шествие с факелами вокруг жертвенника! О, неслыханные тайны яств! И боги могли смотреть сверху на это жертвоприношение! И не погас огонь, но, оскверненный, поднял к небу подобный тук! А теперь, Левкиппа, прими возлияние, достойное тебя.

XVII

И с этими словами я заношу над собой меч, чтобы распротиться с жизнью на месте заклятия Левкиппы, как вдруг вижу (было полнолуние) двух человек, которые что есть сил бегут ко мне навстречу. Я подумал, что это, верно, разбойники, и решил,

что могу умереть и от их руки. Приблизившись ко мне, они оба закричали. Это были Менелай и Сатир. Я же, совершенно неожиданно убедившись в том, что они живы, не бросился обнимать их и не ощутил никакой радости, настолько велико было мое горе. Они же схватили меня за руку и пытались отобрать у меня меч.

— Ради всех богов, — взмолился я, — не лишайте меня желанной смерти, она одна может исцелить меня от горя. Даже если вы вынудите меня, я все равно не смогу жить после того, как так ужасно погибла Левкиппа. Вы можете отнять у меня вот этот меч, но слишком глубоко вонзился в меня меч моей скорби, он понемногу все равно лишит меня жизни. Или вы хотите, чтобы я умирал медленно в вечном заклинании?

— Если из-за смерти Левкиппы ты хочешь умереть, — сказал Менелай, — то брось меч. Сейчас оживет твоя Левкиппа.

— Ты еще насмехаешься надо мной, — ответил я, взглянув на него. — Тебе, видно, недостаточно, что я и так полон горя. И ты, Менелай, еще поминаешь Зевса Гостеприимца.

Он постучал по крышке гроба и сказал:

— Уж если Клитонфонт мне не верит, то хоть ты, Левкиппа, подтверди, что ты жива.

С этими словами он два или три раза постучал по гробнице, и вдруг оттуда послышался какой-то невнятный голос. Весь дрожа, я уставился на Менелая, думая, что он волшебник. Он же в это время уже открыл гробницу, и поднялась из нее Левкиппа, — это было ужасающее зрелище, невыносимое потому, что все ее чрево было раскрыто и пусто. Она рванулась ко мне, мы заключили друг друга в объятия и рухнули наземь без чувств.

XVIII

Как только ко мне вернулось сознание, я спросил Менелая:

— Не расскажешь ли ты мне, как все это понять? Ведь я вижу сейчас Левкиппу, я слышу, как она говорит, я снова с ней. Что же я видел вчера? Что это было? Что пригрезилось мне? То, что я видел вчера? Или сейчас я сплю? Но нет, я ощущаю на губах истинный живой поцелуй Левкиппы, сладкий, как все ее поцелуи.

— А сейчас снова наполнится ее чрево и срастется грудь, она станет невредимой. Но ты отвернись, — мне ведь придется призвать на помощь Гекату¹².

Я поверил ему и отвернулся. Менелай начал колдовать, приговаривая про себя какие-то слова. Одновременно он снимал с Левкиппы всякие удивительные приспособления, возвращая ей прежний вид.

— А теперь смотри, — сказал он.

В страхе оттого, что увижу сейчас Гекату (я ведь поверил Менелаю, что он позвал ее), я отнял руку от лица и увидел Левкиппу целой и невредимой. Я не мог прийти в себя от удивления и взмолился:

— Дорогой мой Менелай, если ты служитель богов, то умоляю тебя, расскажи, куда я попал и что я вижу?

— И правда, — поддержала меня Левкиппа, — хватит тебе, Менелай, дурачить его. Расскажи, как все было на самом деле, как удалось тебе перехитрить разбойников.

XIX

И тогда Менелай начал рассказывать:

— Ты ведь уже знаешь, что родом я из Египта. Об этом я говорил тебе еще на корабле. Мои владения, в основном, сосредоточены около этой деревни, и многих старейшин здесь я хорошо знаю. После кораблекрушения меня прибило к берегам Египта, и мы с Сатиром тут же попали в руки разбойников, стоявших там на страже. Когда нас привели к главарю, то многие из разбойников узнали меня, и тогда с меня сняли оковы. Разбойники советовали мне отбросить все опасения и разделить с ними их ремесло, им казалось это вполне естественным. Я воспользовался случаем и стал просить за Сатира как за моего друга.

— Что ж, прекрасно, — сказали они, — но сначала ты должен показать нам, на что ты способен.

Как раз в это время они получили оракул, который гласил, что надо принести в жертву девушку и тем очистить разбойничий стан. Им предстояло попробовать печень этой девушки, останки ее похоронить и уйти с этого места, чтобы его заняли вражеские войска. Об остальном расскажи ты. Сатир, теперь твое слово.

XX

И Сатир начал:

— Когда меня силой приволокли в разбойничий лагерь, я плакал, мой господин, я горевал и, узнав, что случилось с Левкиппой, молил Менелая спасти ее любой ценой. Какое-то доброе божество покровительствовало нам. Накануне того дня, когда должно было совершиться жертвоприношение, мы, пригорюнившись, сидели на берегу моря и обсуждали сложившееся положение. В море показался корабль, как видно сбившийся с пути. Разбойники, заметив его, направились к кораблю. Те, кто был на корабле, поняли, что им грозит, и попытались повернуть обратно, но разбойники опередили их, и им пришлось обороняться. Среди них был один актер, игравший обычно в театре гомеровские представления. Он надел свой театральный костюм, облачился в гомеровские доспехи, обрядил подобным образом своих спутников и попытался оказать сопротивление разбойникам. Первые атаки разбойников они отбили успешно, но, когда увидели, что приближается еще несколько лодок, полных разбойников, они потопили свой корабль вместе с разбойниками, которые были на его борту. Во время кораблекрушения случайно волны унесли какой-то ящик, и течение прибило его вместе с обломками корабля к тому самому месту, где мы сидели. Менелай вытащил этот ящик, отозвал меня в сторонку (он думал, что в нем есть что-то ценное) и открыл его. Мы увидели плащ и меч, причем рукоятка этого меча довольно длинная, а лезвие удивительно короткое, длиной не больше трех пальцев при рукоятке около четырех палест¹³. Менелай поднял меч и нечаянно опустил его лезвием вниз, и вдруг оно выскочило из рукоятки, как из норы, и оказалось ничуть не короче ее. Когда же Менелай повернул меч обратно, лезвие тотчас спряталось внутрь. Видимо, несчастный актер пользовался этим мечом в театре, когда изображал сцены убийства.

XXI

Увидев все это, я сказал Менелая:

— Если ты захочешь сделать доброе дело, нам поможет бог. Ведь мы можем теперь спасти девушку, да так, что разбойники и подозревать об этом не будут. Вот послушай, как это сделать. Мы возьмем тонкую шкуру овцы, сошьем из этой шкуры мешок величиной с человеческий живот и наполним его внутренностями и кровью какого-нибудь зверя. Потом зашьем мешок, чтобы внутренности не выпали. Этот мешок мы наденем на девушку под длинное платье, завяжем пояс и таким образом скроем нашу хитрость. Ведь слова оракула как нельзя более удобны для того, чтобы мы могли осуществить наш замысел. Он гласит, что дева должна быть полностью одета и меч должен пронзить ее посередине ее платья.

А теперь взгляни на этот меч, как хитро он устроен. Когда он упирается в тело, лезвие уходит в рукоятку, а зрители думают, что оно погрузилось в плоть. Между тем оно почти полностью скрывается в рукоятке, и лишь кончик его разрезает мнимое чрево, а рукоятка касается кожи приносимой жертвы. Когда же лезвие вынимают, оно снова выходит наружу, по мере того как поднимают рукоятку, и

зрители обыкновенно бывают этим обмануты. Ведь всем кажется, что при заклинании меч вонзился во всю длину, таково его хитрое устройство.

Если мы воспользуемся этим мечом, то разбойники ни о чем не догадаются, потому что при заклинании из мешка вывалятся внутренности, ведь шкуру-то лезвие разрежет. Мы возьмем внутренности и возложим их на жертвенник. Разбойники больше не подойдут к телу, и мы сможем сами положить его в гробницу.

Ты ведь помнишь, что их главарь хочет убедиться в нашей храбрости. Ты как раз можешь пойти к нему и сказать, что представился удобный случай показать себя.

Во время всего этого разговора я молился Зевсу Гостеприимцу, вспоминал, как мы вместе угощались на корабле и какое общее несчастье нас на этом корабле постигло.

XXII

— Серьезное дело ты задумал, — отвечал мне этот добрый человек, — но ради друга радостно претерпевать опасности и сладостно даже умереть.

— У меня почти нет сомнений и в том, — продолжал я, — что Клитопонт тоже жив. Я расспросил о нем Левкиппу, и она сказала мне, что оставила его закованным среди других пленников, которых захватили разбойники. Но я слышал, как разбойники докладывали своему главарю, что все их пленники перебежали в лагерь врага. Так что Клитопонт будет тебе очень благодарен, когда узнает, что ты спас несчастную от ужасной смерти.

Менелай внял моим словам, а судьба нам благоприятствовала. Я начал соорудить задуманное нами приспособление.

Менелай только собрался заговорить с разбойниками о предстоящем жертвоприношении, как их главарь предупредил его, облегчив нам задачу.

— У нас есть закон, — сказал он, — по которому священнодействие должны начинать вновь посвященные — и особенно в тех случаях, когда приносится в жертву человек. Так что иди и готовься к завтрашнему жертвоприношению, а твой раб будет помогать тебе.

— Прекрасно, — ответил Менелай, — мы сейчас же начнем подготовку и докажем вам, что можем справиться с этим ничуть не хуже любого из вас. Но мы должны сами надлежащим образом приготовить девушку.

— Жертва ваша, — ответил главарь.

Мы берем к себе Левкиппу и начинаем одевать ее так, как надо, при этом мы ободряем ее, посвящаем во все детали нашего плана, рассказываем девушке, что после пробуждения ей придется пробыть в гробнице еще целый день.

— Если же что-нибудь помешает нам осуществить этот план, — говорим мы, — то спасайся сама и беги в лагерь воинов.

С этими словами мы ведем ее к жертвеннику. Остальное тебе известно.

XXIII

Я выслушал все это, и в душе у меня поднялась буря, — я недоумевал, как же мне отблагодарить Менелая. По обычаю, я припал к нему, обнимал его, поклонялся ему, как божеству, и радость затопила меня. Теперь, убедившись в том, что Левкиппа нисколько не пострадала, я спросил:

— А что с Клинием?

— Я не знаю, — ответил мне Менелай. — Когда произошло кораблекрушение, я видел, как он уцепился за рею, но куда отнесли его волны, мне неизвестно.

Услышав этот ответ, я, находясь на вершине восторга, застонал. Из зависти божество не дало мне испытать полную чашу радости. После Левкиппы Клиний был властелином моей души, из-за меня он нигде не показывался, и вот именно его поглотило море — и сделало это не только для того, чтобы отнять у него жизнь, но и чтобы лишить его погребения.

— О море, — воскликнул я, — зачем ты отказало нам в том, чтобы полной мерой отблагодарить тебя за твое человеколюбие?

Мы направились к лагерю, вошли в мою палатку и остаток ночи провели в ней все вместе. Это не осталось незамеченным.

XXIV

На рассвете я повел Менелая к стратегу и обо всем ему рассказал. Стратег разделил мою радость и принял Менелая в число своих друзей. Затем он стал узнавать, каковы силы разбойников. Менелай ответил, что они заняли соседнее селение, что все эти отчаянные люди в сборе и что их несметное множество.

— Пяти тысяч наших воинов с лихвой хватит на двадцать тысяч разбойников. Но, помимо этих пяти тысяч, к нам прибудет еще двухтысячное пополнение из тех воинов, которые охраняют от варваров Дельту и Солнечный город¹⁴.

Едва он это сказал, как вбегают мальчик и сообщает, что с Дельты прибыл гонец с вестью о том, что две тысячи воинов задерживаются на пять дней. Причина этой задержки крылась не в продолжающихся набегах варваров, — напротив, они почти прекратились. Но как раз в тот момент, когда войско готово было выступить, прилетела священная птица, неся с собой могилу своего отца. Так что необходимо было отложить поход именно на пять дней.

XXV

— Что же это за птица, — спросил я, — которую так чествуют? И какую могилу она принесла с собой?

— Эта птица называется феникс¹⁵, родом она из Эфиопии, по размеру не уступает павлину, но красотой оперения значительно превосходит его. Смешаны на ее крыльях золото и пурпур. Она гордится своим господином — солнцем, о том, что она служит солнцу, говорит и голова ее, осиянная лучезарным венцом. Венец этот — отражение солнца. Черная, подобная розе, она прекрасна. В сиянии лучей на крыльях своих феникс несет восход. Эфиопы заслужили жизнь феникса, а египтяне — погребение его. Когда феникса, дожившего до преклонного возраста, настигает смерть, сын уносит его на берега Нила и сооружает ему могилу. В Эфиопии он берет ком самой благовонной мирры. Делает в нем углубление в рост отца, удобно укладывает его в это углубление, как в гробницу, сверху засыпает землей и несет могилу к Нилу. За фениксом следует хоровод других птиц, словно сопровождение копыеносцев. Птица уподобляется царю, отправившемуся в дорогу, причем она никогда не собьется со своего пути к Городу солнца. Там и будет погребен умерший.

Феникс останавливается на высоком утесе, озирает все вокруг и ждет служителей бога. И вот появляется какой-нибудь египетский жрец, в руках у него книга со священными письменами, и он устраивает птице испытание согласно этим письменам. Феникс знает, что ему не верят, он показывает свои тайные знаки отличий, показывает мертвеца и произносит над его гробом мудреную речь. Только тогда чада жрецов солнца принимают мертвеца и предают его погребению.

Таков феникс, что кормится среди эфиопов и после смерти становится египтянином, обретая у них упокоение.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга третья.

1. *Посейдон* — морской бог; у римлян — Нептун.
2. *Пелусий* — город в Нижнем Египте, на восточном рукаве Нила, в двадцати стадиях (около четырех километров) от моря.
3. *Зевс Кассийский* — прозвище Зевса по названию храма Зевса у подножия горы Кассион в Египте.
4. *...мы заметили двойную картину...* — Эта же картина упоминается Гелиодором в его "Эфиопике" (четвертая книга), но у Гелиодора Андромеда нагая. Андромеда — дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи. Кассиопея, гордясь красотой Андромеды, заявила, что она прекраснее морских нимф nereид. Нереиды пожаловались Посейдону, который послал в страну эфиопов чудовище, пожиравшее людей. По предсказанию оракула, страна могла избавиться от чудовища, если ему отдадут Андромеду. Повеление оракула было исполнено, но Персей (см. примеч. к с. 48) спас Андромеду и женился на ней.
5. *Аидоней*, иначе Аид или Плутон, — владыка подземного мира и царства мертвых.
6. *Горгона*. — Гомером описывается голова Горгоны на эгиде Зевса. У Гесиода три Горгоны, из которых одна — Медуза, существо со змеями вместо волос; ее взор обращает людей в камни. Выполняя приказание Полидекта, царя того острова, на котором был найден Персей со своей матерью Данаей (см. примеч. к с. 48), Персей сумел отрубить голову Горгоны Медузы (при этом из нее выпрыгнул Пегас, порождение Горгоны и Посейдона).
7. *Стадий* — мера длины, около 1/5 км.
8. *Гоплиты* — пешие тяжеловооруженные воины в греческом войске.
9. *Фаланга* — сомкнутый строй, разделенный на несколько рядов, помещенных один позади другого.
10. *Марсий* — олицетворение игры на флейте в культе фригийской богини Кибелы, в противоположность кифаристике Аполлона у греков. Марсий нашел брошенную Афиной флейту и вступил в состязание с Аполлоном, но был побежден. Аполлон содрал с него кожу и повесил ее в пещере (откуда потекла

река Марсий). Кожа эта будто бы трепетала от радости, когда в пещере играли на флейте. Состязание Марсия с Аполлоном часто служило темой для живописи и скульптуры.

11. *Ниоба* — дочь Тантала (см. примеч. к с. 47). Гордясь своими детьми, — у Ниобы было шесть сыновей и шесть дочерей, — она смеялась над богиней Лето, у которой было лишь двое детей: Аполлон и Артемида. Ниоба дерзнула запретить фиванским женщинам приносить Лето жертвы. В наказание Аполлон поразил всех сыновей Ниобы, а Артемида всех дочерей, Ниоба же от горя окаменела и превратилась в скалу.

12. *Геката* — древнее восточное божество, культ которого был перенесен и в Грецию. Первоначально — могущественная богиня, владычица земли, моря и неба. С V в. до н.э. Геката становится богиней призраков, ночных кошмаров, волшебства и заклинаний.

13. *Палеста* — мера длины, примерно 77 мм.

14. *Солнечный город* — Гелиополь, расположен в Нижнем Египте, к востоку от Нила, при большом канале, соединявшем Нил с Аравийским заливом. Место египетского солнечного культа. Здесь зародилось и сказание о фениксе.

15. *Феникс* — сказочная птица, самосжигающаяся и обновляющаяся. Древние считали, что раз в пятьсот лет она прилетает из Аравии в Египет. В Египте, в Гелиополе, феникс предавал погребению тело своего отца, сжигая его или хороня в яйце из аравийской смолы.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга четвертая

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#) [IX](#) [X](#) [XI](#) [XII](#) [XIII](#) [XIV](#) [XV](#) [XVI](#) [XVII](#) [XVIII](#) [XIX](#)

I

Когда стратегу стало известно, что разбойники готовятся к битве, а союзники задержались, он решил вернуться в селение, из которого мы выступили, и там дожидаться прихода подкрепления. Нам с Левкиппой отвели домик чуть повыше ставки стратега. Как только мы вошли, я сразу же обнял Левкиппу и хотел показать себя настоящим мужчиной, но она не позволила.

— До каких же пор, — воскликнул я тогда, — мы будем лишать себя таинств Афродиты? Неужели ты не видишь, какие неожиданности преследовали нас в последнее время, — тут и кораблекрушение, и разбойники, и жертвоприношение, и погребение. Но сейчас, в безветрии судьбы, как же не воспользоваться этим затишьем, пока не обрушились на нас еще более тяжкие напасти?

— Нет, — ответила мне Левкиппа, — сейчас этого не будет. Когда я плакала, обреченная на заклятие, ко мне во сне явилась Артемида¹ и сказала: "Не плачь, теперь ты не умрешь, я буду твоей заступницей. Ты останешься девственной, пока я не устрою твоего бракосочетания, и мужем твоим станет не кто иной, как Клитофонт".

Я от промедления горевал, но, в надежде на будущее, ликовал. Услышав же о том, что приснилось Левкиппе, я тотчас вспомнил свой сон, очень похожий. В прошлую ночь приснился мне храм Афродиты, а в нем — статуя богини. Когда я приблизился к этому храму, намереваясь помолиться в нем, двери передо мной закрылись. Я

расстроился, и тогда передо мной предстала женщина, в точности похожая на изображение богини в храме, и сказала:

— Еще не пришла пора тебе вступить в храм; но подожди немного, и я не только открою перед тобой его двери, но сделаю тебя жрецом богини.

Я рассказал Левкиппе этот сон и оставил попытки овладеть ею силой. Сравнивая свой сон со сновидением Левкиппы, я испытывал сильное волнение.

II

Тем временем Хармид (так звали стратега) стал заглядываться на Левкиппу, и вот как это началось. Воины поймали удивительного речного зверя, — египтяне называют его нильским конем. И он действительно похож на коня, особенно брюхо и ноги, но копыта у него раздвоены. Животное это величиной с самого большого быка, у него короткий хвост, безволосый, как все тело. Голова круглая и не маленькая, строение скул — как у коня. Из широких ноздрей валит огненный дым, как от костра. Челюсти у животного такой же ширины, как и скулы. До самых висков разевает он свою пасть. У него кривые клыки, по форме как у кабана, но в три раза длиннее.

III

Хармид позвал нас посмотреть на зверя. Левкиппа тоже пошла. Мы все уставились на невиданное животное, а Хармид на Левкиппу, она пленила его с первого взгляда. И так как ему хотелось задержать нас как можно дольше, чтобы вдоволь наглядеться на Левкиппу, стратег завел длинный разговор. Сначала он стал рассказывать о повадках этого зверя, а потом уже и о том, как его ловят.

— Это животное, — рассказывал он, — очень много ест, оно может сожрать урожай с целого поля. Ловят его с помощью такой хитрости: находят сначала его логовище, потом роют яму и сверху прикрывают ее тростником и засыпают землей. На дне ямы под этим сооружением из тростника ставят деревянную клетку с открытой дверцей, а затем начинают подстерегать животное. Как только зверь ступит на тростник, он тотчас проваливается и попадает в клетку, тогда охотники захлопывают дверцу, и добыча оказывается у них в руках. Только таким способом и можно его поймать, а иначе с ним не справиться. Он обладает огромной силой, кожа у него, как видите, достаточно толстая, чтобы не почувствовать ударов копья. Его можно назвать еще египетским слоном. Кажется, сильнее его только индийский слон.

IV

— А слона-то ты видел когда-нибудь? — спросил Менелай.

— Конечно, и не раз, — ответил Хармид, — сведущие люди рассказывали мне самые удивительные вещи о том, как он появляется на свет.

— А мы, — сказал я, — до сих пор видели его только на картине.

— Я охотно расскажу вам о слоне, — продолжал Хармид, — ведь у нас есть время. Мать носит его очень долго. Плод созревает целых десять лет². По истечении этого срока происходят роды, причем детеныш рождается уже старым. Из-за этого, я думаю, он и становится таким большим, в бою непобедимым, в еде неукротимым и в высшей степени живучим. Говорят, он живет дольше Гесиодовой вороны³. Одна лишь челюсть слона величиной с голову быка. Увидев его пасть, ты бы сказал, что в ней два рога, на самом же деле это изогнутые зубы. Между зубами у него хобот, похожий на трубу и по форме и по размеру. Он совершенно послушен воле слона. Хоботом слон подхватывает пищу — все, что только попадет по дороге. Как только слон увидит что-нибудь съедобное, он тотчас пускает в ход хобот, который обвивается вокруг пищи, поднимает ее вверх и отправляет прямо в рот. Случается слону наткнуться и на что-нибудь, пригодное для человека, и тогда слон хоботом захватывает найденное и протягивает своему господину. Сидит же на нем эфиоп, не обычный всадник, и слон старается подольститься к нему, боится его, слушается его окриков и повинуется ударам. А бьют его железной секирой.

Довелось мне однажды быть свидетелем совершенно необыкновенного зрелища. Один эллин всунул свою голову прямо в пасть слону. Слон разинул пасть и обдавал голову этого человека своим дыханием. И то и другое очень меня удивило: и дерзновение человека, и снисхождение слона. Эллин рассказывал потом, что за мзду слон овеивает его чуть ли не индийскими благовониями. Дыхание слона исцеляет от головной боли. Слон отлично знает о целебных свойствах своего дыхания и даром пасти не откроет. Он кичливый врач и требует платы вперед. Но если уж ему заплатили, то он разевает пасть и держит ее открытой столько времени, сколько нужно человеку. Он прекрасно понимает, что продал свое благоуханное дыхание.

V

— Откуда же черпает столь безобразное животное свои благовония? — спросил я.

— Источник их в пище слона, — ответил мне Хармид. — Ведь Индия ближайший сосед солнца. Индийцы первыми видят восхождение этого божества, солнце посылает им самые теплые свои лучи, почему и кожа их сохраняет огненный цвет. У

эллинов есть цветок такого же оттенка, как кожа эфиопа, у индийцев же это не цветок, а лист, подобный листьям наших растений. Этот листок скрывает свои свойства и не выказывает своей способности благоухать. То ли не хочет он бахвалиться перед знатоками, то ли не желает убажывать своих сограждан. Но стоит ему оказаться за пределами родины, как он щедро отдает скрытое в нем наслаждение, становится из листа цветком и распространяет вокруг себя благоухание. Это черная индийская роза, — она-то и является пищей слона, подобно траве наших быков. Слон питается этой розой с самого своего рождения, поэтому дыхание его, пропитанное испарениями черной розы, благоуханно.

VI

Стратег закончил свой рассказ, и мы отправились восвояси, а он, немного помедлив, чтобы никто не заметил его состояния, подозвал Менелая, взял его за руку и сказал ему:

— Я знаю, что ты прекрасный друг, — об этом легко судить хотя бы по тому, что ты сделал для Клитопонта, но и во мне ты найдешь не менее преданного друга. Я прошу тебя об одной услуге, которая не составит для тебя особого труда, а мне спасет жизнь, если только ты захочешь. Погубила меня Левкиппа. Помоги же мне. Она ведь еще не заплатила тебе за то, что ты не дал ей погибнуть. В награду ты получишь пятьдесят золотых, а она сколько пожелает.

— Оставь при себе свое золото, — сказал Менелай, — побереги его для тех, кто продает свои услуги за деньги, я же постараюсь по-дружески помочь тебе.

Ответив ему так, Менелай поспешил ко мне и все рассказал. Мы стали думать, что же теперь делать, и решили обмануть Хармида. Ведь отказать ему было отнюдь не безопасно, потому что в этом случае он мог прибегнуть к силе. Бежать было невозможно: нас окружали со всех сторон разбойники, а войско было в руках стратега.

VII

Немного спустя Менелай пришел к Хармиду и говорит ему:

— Дело сделано. Поначалу она и слышать ни о чем не хотела, но я так уговаривал ее и так кстати напомнил ей о моем благодеянии, что она в конце концов сдалась. Правда, Левкиппа просит тебя, и, как мне кажется, справедливо, подождать немного, хотя бы пока она прибудет в Александрию. Ведь здесь деревня, все произойдет здесь же, у всех на виду, и будет чересчур много свидетелей.

— Надолго же ты откладываешь мое наслаждение. — возразил Хармид. — Разве на войне можно медлить? Разве воин с оружием в руках знает, долго ли еще ему жить? Неизведанны пути к смерти. Испроси у судьбы безопасности для меня, и я соглашусь ждать. Сейчас я отправляюсь воевать с разбойниками, а в душе у меня между тем разгорелась другая война. Другой воин осаждает меня, вооруженный луком и стрелами. Я сражен, стрелы его попали в цель. Позови же мне скорее врача. Рана болит нестерпимо. Я готовлюсь огнем истреблять врага, но Эрот зажигает против меня другие факелы. Поэтому, Менелай, придется тебе погасить этот огонь. Нет лучшего предзнаменования перед войной, чем любовное сплетение тел. Пусть к Арею пошлет меня Афродита⁴.

— Но ты ведь понимаешь, — ответил ему Менелай, — что все это не так просто, да еще когда надо скрываться от мужа, который рядом и любит жену.

— Ну, от Клитопонта-то нетрудно будет избавиться, — говорит Хармид.

Менелай понял, что Хармид не желает медлить несколько, и, испугавшись за меня, быстро сочинил правдоподобную отговорку.

— Ну ладно уж, — сказал он, — я открою тебе истинную причину промедления, — вчера у нее начались месячные, и ей нельзя сходиться с мужчиной.

— Тогда подождем здесь, — сказал Хармид, — ведь трех или четырех дней более чем достаточно. А сейчас я прошу у нее того, что можно. Пусть она часто показывается мне на глаза и говорит со мной. Я хочу слышать ее голос, касаться ее рук, ощущать прикосновение ее тела: таковы улады влюбленных. Кроме того, целовать ее ведь тоже можно, — больной живот не помеха поцелуям.

VIII

Когда Менелай пересказал мне слова Хармида, я закричал, что скорее умру, чем допущу, чтобы поцелуи Левкиппы достались кому-то другому.

— Разве есть что-нибудь упоительнее поцелуя? Что касается самого дела Афродиты, то у него есть предел, и ничего от него не останется, если лишить его поцелуев. Они не имеют границ, ими нельзя пресытиться, они всегда новы. Три сокровища заключены в устах: дыхание, голос и поцелуй. Мы целуем друг друга губами, и в душе возникает источник наслаждения. Поверь моим словам, Менелай, я открою тебе сейчас тайну, которой не открыл бы, не попав в столь печальные обстоятельства: только одно и подарила мне Левкиппа — поцелуи. Она девственна и жена мне только через поцелуи. Если же кто-нибудь похитит у меня и это, я не переживу потери. Я не позволю осквернить ее поцелуев, принадлежащих мне.

— В таком случае, — отвечал мне Менелай, — нам необходимо принять какое-то мудрое решение, и как можно скорее. Влюбленный может перенести все, что угодно, пока он во власти надежд. Но как только он отчаится в своем стремлении достичь желаемого, настроение его изменится, и он с такой же силой будет стремиться как можно больше уязвить своего противника. Если же случается так, что он достаточно силен, чтобы действовать безнаказанно, то отсутствие опасений в его душе еще больше раздражает скопившуюся в ней ярость. Да и момент сейчас очень неподходящий.

IX

В то время как мы обсуждали создавшееся положение, вбежал перепуганный воин и сказал мне, что Левкиппа, гуляя, неожиданно упала, закатив глаза. Мы вскочили, побежали к ней и увидели, что она лежит на земле. Подойдя к Левкиппе, я стал допытываться у нее, что с ней. Но она, увидев меня, вскочила на ноги, дала мне пощечину и уставилась на меня налитыми кровью глазами. Когда же Менелай попытался остановить ее, она и его ударила ногой. Мы стали удерживать ее силой, так как поняли, что у нее буйное помешательство. Левкиппа же вступила с нами в борьбу, причем она совершенно не старалась скрыть того, что женщины обыкновенно не позволяют видеть. Около палатки поднялся страшный шум, так что сам стратег прибежал посмотреть, что случилось. Сначала он заподозрил, что Левкиппа прикидывается, чтобы провести его, и исподлобья взглянул на Менелая. Но убедившись, что недуг ее непритворен, он и сам очень огорчился и стал жалеть девушку. Тут же принесли веревки и несчастную связали. Увидев ее снова связанной, я дождался, пока все ушли, и стал умолять Менелая:

— Развяжите ее, умоляю вас, развяжите. Ее нежные руки не созданы для веревок, позвольте мне остаться с ней. Я один обовью ее и стану для нее узами. Пусть она безумствует против меня. На что теперь мне жизнь? Я рядом, и Левкиппа не узнает меня. Вот она лежит передо мной связанная, а я, бесстыдный, могу освободить ее и не хочу. Неужели судьба вырвала тебя из рук разбойников, чтобы теперь ты стала игралищем безумия? Как же мы несчастны, чуть было не достигнув счастья! Мы убежали от ужасов, которые преследовали нас дома, — лишь для того, чтобы стать жертвами кораблекрушения; мы не погибли в морской пучине, для того чтобы потом попасть в руки разбойников; уцелели, плененные ими, чтобы теперь на нас напало безумие. И теперь, если разум вернется к тебе, возлюбленная моя, я буду опасаться новых злодеяний божества. Есть ли кто-нибудь злополучнее нас? Ведь мы боимся даже самого счастья! Но все же приди в себя, стань прежней Левкиппой, и тогда пусть судьба снова начнет свои шутки.

X

Менелай и все окружающие стали утешать меня, говоря, что подобные недуги преходящи и возникают из-за бурного расцвета юности. Молодая кровь, которая бурлит в теле во время созревания его, наполняет сосуды, приливает к голове и затмевает порой рассудок. Надо послать за врачом и попытаться оказать ей помощь. Менелай пошел к стратегу и попросил у него разрешения вызвать войскового врача. Хармид, конечно, охотно разрешил, — ведь влюбленному всегда приятны дела, связанные с его любовью.

Пришел врач и сказал:

— Прежде всего мы погрузим ее в сон, чтобы приостановить разгар безумия. Сон — лучшее лекарство от всех болезней. А затем будем принимать все прочие меры.

Он дал нам небольшое, величиной с горошину, лекарство, велел растворить его в масле и натереть им голову Левкиппы. Пообещал приготовить и другое лекарство для очищения желудка. Мы выполнили все указания врача: натерли ей голову, и она тотчас уснула и проспала оставшуюся часть ночи до восхода солнца. Я же неусыпно бодрствовал около нее, смотрел на связывающие ее веревки и плакал:

— Горе мне, о возлюбленная моя, даже спишь ты связанная, даже сон твой несвободен. Что грезится тебе? Вернулся ли к тебе твой разум, или и во сне ты безумствуешь?

Наконец она пробудилась и снова стала выкрикивать какие-то бессвязные слова. Тогда явился врач и стал лечить ее по-другому.

XI

Тут прибывает посланец от египетского сатрапа и приносит письмо стратегу. Судя по всему, в письме содержалось указание поторопиться с выступлением. Хармид тотчас приказал всем снарядиться, чтобы идти войной на разбойников. Все заторопились, каждый вооружился, и вскоре войско выстроилось под командой лохагов⁵. Стратег сообщил им пароль и приказал разбить лагерь, — сам же остался один. На другой день вместе с зарей он выступил против врагов.

Деревня, которую занимали разбойники, была расположена следующим образом. Нил течет сверху от Египетских Фив⁶ и, не разветвляясь, достигает Мемфиса⁷. Немного ниже по течению, где кончается единый поток реки, есть деревня, которая называется Керкасор. Там речной поток преграждает суша, и из одной реки образуются три, причем две меняют направление и текут в разные стороны, а третья сохраняет основное направление Нила. Но и из этих рек ни одна не достигает моря: отделившись друг от друга у разных городов, они текут в разные

стороны, причем рукава эти шире, чем иные эллинские реки. Хотя Нил отдает столько воды своим притокам, он не оскудевает, но дает возможность для судоходства, снабжает водой и оказывает помощь земледельцам.

XII

Нил для египтян все: и река, и земля, и море, и болото. Трудно поверить своим глазам, когда видишь соседями корабль и кирку, весло и плуг, руль и серп, моряков и земледельцев, рыб и быков. Там, где ты только что плыл, ты можешь засеять поле, а засеянное поле окажется возделанным морем. Временами Нил разливается, и тогда египтяне сидят и ждут, считая дни. И Нил не станет обманывать, — это река, которая дружит с временем, очень точно отмеривает свои воды и не хочет, чтобы ее обвинили в опоздании.

Можно видеть, как земля и вода соперничают друг с другом. Идет между ними постоянная борьба, причем вода стремится затопить обширные земли, а земля хочет вместить мощные потоки пресной воды. Но обе стихии оказываются победительницами, и ни одна не терпит поражения. Потому что вода и земля распространяются вместе, и разбойники оседают в тех местах, где находят изобилие двух стихий. Но приходит время, когда Нил заливают всю страну и превращает ее в болото. Даже после того как Нил входит обратно в берега, болота остаются, не отдавая воды. Египтяне и ходят и плавают по этим болотам, но судну, на котором больше одного человека, не проплыть по ним. Землей завладевает ил. Легкие лодки разбойников не нуждаются в большом количестве воды, а если вода спадает совсем, то они переносят лодки на спинах, пока не достигнут места, где снова смогут сесть на весла. Болота усеяны разбросанными по ним отдельными островками. Иные из этих островков совершенно лишены каких-либо строений и заросли папирусом. Папирус растет рядами, причем настолько густо, что между стеблями может встать только один человек. Над головой же его сплетаются между собой листья папируса, образуя надежное укрытие, и жители пользуются им, они залезают в заросли, совещаются там и устраивают засады, защищенные стеной из папируса. На других островках стоят тростниковые хижины, и островки эти напоминают города, укрепленные болотами. Здесь-то и расположены пристанища разбойников. Один из островов, что поближе, выделяется среди других своей величиной и заселенностью, называется он Никохида. Разбойники собрались на этом острове, считая его наиболее защищенным. Они возлагали большие надежды как на свою численность, так и на расположение Никохиды. Только один перешеек соединял Никохиду с сушей, этот перешеек и делал из острова полуостров. Длина перешейка — стадий, а ширина — двенадцать оргий⁸. Город окружен болотами со всех сторон.

XIII

Когда разбойники увидели, что стратег приближается, они решили прибегнуть к хитрости: собрали всех стариков и вручили им пальмовые жезлы, обозначающие просьбу о милости, а сзади поставили здоровых молодых мужчин, вооруженных щитами и копьями. Подняв пальмовые ветви, старики должны были загородить ими стоящих позади разбойников, а те, в свою очередь, должны были склонить копья к самой земле, чтобы их нельзя было заметить. Если стратег согласится на мольбы стариков, то копьеносцы не вступят в сражение, если же нет, то решено было заманить стратега в город, пообещав ему, что разбойники сами предадут себя смерти. Когда войско стратега окажется на середине перешейка, то старики по условленному заранее сигналу бросят пальмовые ветви и разбегутся в разные стороны, освободив дорогу вооруженным разбойникам, которые окружат войско, оказавшееся в полной их власти.

Так они и сделали. Старики пришли со своими жезлами и стали просить стратега, чтобы он не пренебрег их просьбами о снисхождении и пощадил город. Старики посулили дать самому стратегу сто талантов⁹ серебра, а сатрапу послать сто человек, которые готовы были за родной город принести себя в жертву, став добычей сатрапа. Надо сказать, что эти обещания стариков не были ложью и они выполнили бы их, если бы стратег внял их просьбам. Но стратег отклонил их. И тогда старики сказали:

— Что же, если так, нам ничего не остается, как смиренно подчиниться решению злой судьбы. Но не убивай нас вдали от ворот родного города, отведи в родные места, на землю отцов, к родимым домам, и там похорони нас. Мы ведем тебя на нашу смерть.

Когда стратег услышал эти слова, он успокоился, прекратил приготовления к сражению и приказал войску следовать за собой.

XIV

Поодаль разбойники расположили разведчиков и приказали им следить за приближением противника, — как только разведчики заметят, что войско начинает переправу, они должны прорвать плотину, чтобы на неприятеля обрушилась вода.

Египтяне строят плотины на всех притоках Нила для того, чтобы река не затопила земли, разлившись раньше времени. Если же вода требуется для орошения равнины, то египтяне чуть приоткрывают плотину, и вода устремляется на нее.

Позади города нес свои воды полноводный приток Нила. Когда разведчики увидели приближающееся войско, то плотину немедленно прорыли в нескольких местах. А затем все произошло одновременно. Старики неожиданно расступились, из-за их

спин выбежали вооруженные копьями разбойники, и начала прибывать вода. Болота, разбухая от воды, ширились на глазах, вода затопляла перешеек, все кругом стало походить на море. Разбойники, ринувшись в атаку, пронзают копьями оказавшихся перед ними воинов и самого стратега, застигнутых врасплох и смятенных неожиданностью натиска. Смерть прочих не поддается описанию. Одни погибли в самом начале атаки, не успев даже взяться за копье, другие пали, не успев защититься: ведь все случилось одновременно, — разом они поняли свою беду и уже были сражены. Некоторые погибли даже прежде, чем поняли причину настигнувшей их смерти. Иные, окаменев от неожиданности, стояли, объятые ужасом, и ожидали смерти, другие пытались спастись бегством, но не могли бежать, так как скользили в продолжавшей прибывать воде; те же, кому удалось пробежать несколько шагов, попадали в болото, и оно их засасывало. Стоящих вода затопила уже по пояс, щиты их отнесло, и животы были открыты. А в болотах вода поднялась уже выше человеческого роста. Нельзя было понять, где болото, а где твердая земля. Те, кто был на твердой земле, боясь оступиться, замедляли шаги и мгновенно оказывались в плену, те же, кто бродил по болоту, надеясь на то, что это суша, тонули в нем. Происходила невиданная беда, страшное кораблекрушение, и при этом ни одного корабля не было видно; и странное что-то происходило и необычное, — сухопутная битва в воде и морское сражение на земле. Разбойники возгордились сверх всякой меры своей победой, забыв о том, что победу одержала не храбрость их, а коварство. Египтянин устроен так, что если он напуган, то целиком попадает в плен своей трусости, если же расхрабрится, то воинственность его безудержна, причем в обоих случаях он не знает меры. Слишком слаб он в несчастье, слишком кичлив в счастье.

XV

Уже десять дней продолжалось безумие Левкиппы, а улучшения все не было. Однажды она произнесла во сне вещие слова: "Горгий, из-за тебя я безумствую". Едва занялась заря, как я передал Менелаю эти слова и стал припоминать, нет ли в деревне какого-нибудь человека по имени Горгий.

Не успели мы прийти в деревню, как сразу же к нам подошел какой-то юноша и сказал: "Я пришел, чтобы спасти тебя и твою жену". Я перепугался, подумав, что он, видно, посланец богов.

— Уж не Горгий ли ты? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — я не Горгий, а Хэрей. Что же касается Горгия, то он-то тебя и погубил.

Я еще больше испугался и спрашиваю:

— Кто же такой этот Горгий и как он это сделал? Некое божество ночью открыло мне его имя. Объясни же мне это прорицание.

— Горгий — это один из египетских воинов. Теперь его уже нет, он стал жертвой разбойников. Этот Горгий был влюблен в твою жену. Так как он от природы был чародеем, то приготовил какое-то любовное зелье и уговорил прислуживавшего вам египтянина взять это зелье и подмешать его в питье Левкиппы. Но ему было невдомек, что яд-то был неразбавленный, и вместо того, чтобы полюбить его, Левкиппа обезумела. Все это рассказал мне вчера слуга Горгия, он отправился в поход вместе с ним, но каким-то чудом уцелел, — может быть, судьба пощадила его именно ради вас. Он обещает исцелить твою жену и просит за это четыре золотых. Ему известно, как приготовить другое зелье, которое уничтожит действие первого.

— Да будешь ты благословен за твою помощь, — сказал я ему, — и приведи к нам того человека, о котором ты говорил.

Он ушел, а я разыскал нашего слугу-египтянина и, вне себя от гнева, два или три раза ударил его кулаком по лицу, приговаривая:

— Говори, что ты дал Левкиппе, отчего она впала в безумие?

Он, дрожа от страха, рассказал мне все, о чем я уже знал от Хэрея. Мы заключили его под стражу.

XVI

В это время появился Хэрей со слугой Горгия. Я обратился к ним обоим с такими словами:

— Я сразу даю вам четыре золотых, вот они, берите в награду за хорошие известия. Но выслушайте то, что я хочу вам сказать о вашем лекарстве. Вы видите, что причина нынешнего состояния Левкиппы кроется тоже в лекарстве. Ее желудок и так уже пропитан зельем, — не опасно ли продолжать кормить ее лекарствами? Будь добр, расскажи нам про свойства твоего зелья и приготовь его в нашем присутствии. Если ты так сделаешь, получишь еще четыре золотых.

— Я вполне понимаю твои опасения, — ответил мне этот человек, — но составные части моего зелья общеизвестны и съедобны. Я сам отведаю его столько же, сколько примет она.

С этими словами он приказывает слуге купить все необходимое для приготовления

спасительного средства, причем перечисляет все его составные части. Вскоре слуга вернулся с покупками, и египтянин, приготовив в нашем присутствии лекарство, разделил его на две части.

— Половину я выпью сам, а остальное дам ей. После того как она примет положенную дозу, она проспит всю ночь, а на заре ее покинут и сон и болезнь.

Он выпивает свою часть лекарства, а оставшееся приказывает под вечер дать Левкиппе.

— Я ухожу, потому что теперь я должен лечь спать, этого требует зелье.

Я дал ему четыре золотых, и он ушел.

— Остальное я дам тебе, когда Левкиппа выздоровеет.

XVII

Когда пришло время дать Левкиппе лекарство, я налил его и стал ему молиться:

— О дитя земли, о дар Асклепия¹⁰, о зелье, да окажется истиной то, что говорят о тебе. Принеси же мне самое большое счастье, исцели мою возлюбленную. Одержи победу над тем свирепым и варварским зельем, которым опоили ее.

Наставив зелье таким образом, я поцеловал кубок и подал его Левкиппе. Она же, как и предсказывал египтянин, выпив его, тут же уснула. Я сел рядом с ней и стал говорить, как будто она меня слышала:

— Неужели к тебе вернется рассудок? Узнаешь ли ты меня наконец? Неужто снова услышу я твой голос? Открой мне что-нибудь теперь, когда ты спишь. Ведь вчера ты во сне назвала имя Горгия, и истиной стало твое вещание. Может статься, что во сне покидает тебя твое безумие и, обретая разум, ты счастливее, когда спишь, чем когда бодрствуешь.

Пока я вел с Левкиппой такие разговоры, как будто она могла меня слышать, занялась наконец долгожданная заря. И Левкиппа заговорила. Первым ее словом было: "Клитофонт!" Я вскочил, подошел к ней и тотчас стал расспрашивать, как она себя чувствует. Но оказалось, что она совершенно не помнит, что с ней произошло; только увидев на себе веревки, она очень удивилась и спросила, кто же ее связал. Убедившись в том, что передо мной прежняя Левкиппа, я испытал огромную радость и бросился развязывать веревки, а потом уж и рассказал ей, как все было. Узнав о том, что с ней произошло, Левкиппа очень смутилась, покраснела, словно

все это она совершала сейчас. Я убеждал ее не стыдиться, утешал ее и охотно заплатил за лекарство. Ведь разбойники не отняли у Сатира деньги, зашитые в его поясе, да и у Менелая все было цело.

XVIII

Тогда же против разбойников были двинуты из столицы более крупные силы, которые до основания уничтожили их город. Таким образом река была освобождена от дерзких разбойников, и мы стали готовиться к отплытию в Александрию. С нами собирался отправиться и Хэрей, так как он стал нашим другом, после того как помог спасти Левкиппу. Сам он был родом с острова Фарос, где занимался рыбной ловлей. Он служил наемником на корабле в походе против разбойников, так что по окончании его был освобожден от воинской службы. После долгого затишья суда снова заполнили реку, и глаза радовались при виде царившего на ней оживления. Звучали песни матросов, раздавались крики корабельщиков, вели свой хоровод суда. Праздник был на реке, и наш переезд походил на веселое гулянье. Тогда я впервые испил нильской воды, не смешанной с вином, так как мне хотелось вкусить чистого наслаждения от питья. Ведь вино искажает природный вкус воды. Я зачерпнул воду чашей из прозрачного хрусталя и сразу увидел, что блеск воды превосходил сверкание хрусталя. Сладостно было пить эту воду, студеную как раз в меру наслаждения. Я знаю, что в иных реках Эллады вода просто ранит своим холодом. Так что я мог сравнить воду Нила с ними. Мне стало понятно, почему египтяне без страха пьют нильскую воду, не нуждаясь в услугах Диониса. Дивился я и тому, каким способом египтяне пьют ее. Они никогда не пьют из кубков, терпеть их не могут и предпочитают им собственные руки. Если кто-нибудь во время плавания испытывает жажду, он свешивается через борт корабля, наклоняет к воде лицо и погружает в нее руки. Сложив их в виде ковша, он зачерпывает таким способом воду и отправляет ее в рот. Рот при этом держат открытым, он как бы ждет водяного броска, принимает его, закрывается и не позволяет воде вылиться.

XIX

Довелось мне увидеть в водах Нила и другого зверя, которого перевозносят за то, что он сильнее, чем нильский конь. Называется он крокодил. По виду он одновременно напоминает и рыбу и зверя. Длина его от головы до хвоста очень велика, и ширина ей не соответствует. Шкура шероховатая и чешуйчатая, у спины цвет камня, темно-серый, живот белый. У крокодила четыре ноги, загибающиеся немного в разные стороны, как у сухопутной черепахи. Хвост длинный, толстый и похож на твердое тело. Он не свешивается вниз, как хвосты других животных, но служит продолжением позвоночника. Поверхность хвоста состоит из острых колючек, которые похожи на зубцы пилы. Во время охоты крокодил пользуется хвостом как бичом. Он ударяет своего противника хвостом, и один такой удар наносит множество ран. Так как у крокодила нет шеи, то голова непосредственно

врастает в тело, соединяясь со спиной по наклонной линии. Но более всего ужасает пасть крокодила, челюсти у него невероятно длинные, и животное раскрывает пасть во всю их длину. В обычное время, когда пасть крокодила закрыта, это голова. Но стоит ему во время охоты разинуть пасть, как вся голова в нее превращается. Он поднимает верхнюю челюсть, в то время как нижняя неподвижна. Расстояние между ними очень велико, пасть разверзается до самых плеч, и через нее видно чрево крокодила. У него множество зубов, и они посажены в челюсти длинными рядами. Говорят, что у крокодила столько же зубов, сколько дней зажигает бог в течение целого года. Таков урожай равнины его челюстей. Когда он выбирается на сушу, то, видя, как он волочит по ней свое тело, веришь в его чудовищную силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга четвертая.

1. *Артемида* — богиня-девственница (у римлян — Диана), одно из важнейших божеств Древней Греции, дочь Зевса. С именем Артемиды связаны многочисленные мифы: чудесное рождение Аполлона и Артемиды на острове Делосе, истребление детей Ниобы, спасение Ифигении и т.д. Разнообразие мифов об Артемиде, большое число ее имен заставляет предположить, что в образе Артемиды слились представления о нескольких божествах. На древность культа Артемиды указывают следы человеческих жертвоприношений, сохранившиеся в ее культе, например древний обычай надрезания кожи на горле у мужчин в день праздника Артемиды. Она была также божеством плодородия. Этот культ особенно был развит в Эфесе, где существовал знаменитый храм Артемиды, сожженный в 356 г. до н.э. Геростратом. Артемиде приносили дары беременные женщины; ей было принято приносить жертвы при вступлении в брак.

2. *Плод созревает целых десять лет.* — Беременность у слоних продолжается двадцать два месяца, но в народных преданиях этот срок, как правило, увеличивается до десяти лет.

3. *... дольше Гесиодовой вороны.* — Гесиодова ворона живет девять человеческих поколений (по Гесиоду, фрагмент 171).

4. *Арей* — бог войны у греков. У римлян — Марс.

5. *Лохаг* — командир отряда (лоха). Численность лохов была весьма различной.

6. *Египетские Фивы* — один из величайших и древнейших городов Египта, значительный торговый центр и столица Верхнего Египта, впоследствии называвшаяся Диосполем (божественным городом).

7. *Мемфис* — был столицей шестой персидской сатрапии; оставался столицей Египта и при римском владычестве.

8. *Оргия* — мера длины, примерно 1 м 86 см.

9. *Талант* — самая крупная денежно-расчетная (не монетная) единица в Греции, ранее — мера веса, около 26 кг.

10. *Асклепий* (в латинской форме — Эскулап) — бог врачевания, прославился

как искуснейший врач, обладавший способностью оживлять мертвых.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга пятая

I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII XIV XV XVI XVII XVIII XIX XX XXI XXII XXIII XXIV
XXV XXVI

I

Спустя три дня мы приплыли в Александрию. Я прошел через ворота, которые называются вратами Солнца, и передо мной развернулась сверкающая красота города, наполнившая радостью мой взор. Прямые ряды колонн высились на всем протяжении дороги от ворот Солнца до ворот Луны, — эти божества охраняют оба входа в город. Между колоннами пролегла равнинная часть города. Множество дорог пересекало ее, и можно было совершить путешествие, не выходя за пределы города.

Я прошел несколько стадиев и оказался на площади, названной в честь Александра. Отсюда я увидел другие части города, и красота его разделилась. Прямо передо мной рос лес колонн, пересекаемый другим таким же лесом. Глаза разбегались, когда я пытался оглядеть все улицы и, не будучи в состоянии охватить целого, не мог утолить ненасытную жажду зрения. Что-то я видел, а что-то только хотел увидеть, торопился посмотреть одно и не хотел пропускать другого. Владело моими взорами созерцаемое, влекло к себе ожидаемое. Я без усталости бродил по улицам города, тщетно стремясь увидеть все своими глазами, и наконец выбился из сил. "Очи мои, мы побеждены", — сказал я.

Представились мне два неслыханных и невиданных чуда: соревнование величия и красоты, населения и города, и участники этого состязания равно одерживали победу. Казалось, что город больше, чем целый материк, а население

многочисленнее, чем целый народ. Я смотрел на огромный город и не верил, что найдется столько людей, чтобы его заполнить; я смотрел на людей и не верил, что может существовать город, который в состоянии вместить их. С такой точностью были уравновешены чаши весов.

II

Случилось так, что именно тогда происходили празднества в честь великого бога, которого эллины называют Зевсом, а египтяне — Сераписом¹. Факельное шествие двигалось по улицам. Более величественного зрелища мне не доводилось видеть. Солнце уже закатилось, был вечер, но нигде нельзя было застать ночи, потому что вошло новое солнце, рассыпавшееся на множество огней. Очам моим представился город, чья красота могла соперничать с небесной. Дивился я на Зевса Милосердного и небесный храм его.

Я обратил к великому богу мои молитвы и мольбы о том, чтобы он ниспослал конец нашим бедам. А потом мы отправились в дом, который подыскал для нас Менелай.

Но бог, как видно, не пожелал внять моим мольбам, — нас ожидало новое, уготованное судьбой, испытание.

III

Оказалось, что Хэрей уже давно был втайне влюблен в Левкиппу, поэтому-то он и помог нам спасти ее, преследуя при этом две цели: сблизиться с нами и исцелить для себя девушку. Он прекрасно понимал, что у него ничего не выйдет, если он не применит какой-нибудь хитрости, поэтому Хэрей придумал коварный план: собрал разбойников, своих товарищей по ремеслу, — сам-то он был моряком, — посвятил их в свой замысел и пригласил нас всех к себе в гости на Фарос, якобы на день рождения.

Едва мы вышли из дома, как сразу явилось нам дурное знамение: преследующий ласточку ястреб задел крылом голову Левкиппы. Встревоженный этим, я поднял глаза к небу.

— О Зевс, — обратился я к богу, — что это? Как понять это знамение? Если от тебя эта птица, то подай еще какой-нибудь знак, чтобы можно было лучше тебя понять.

С этими словами я обернулся — стоял я неподалеку от мастерской живописца — и заметил выставленную там картину: она словно подтверждала мои опасения, вызванные только что представившимся знамением. На ней изображено было надругательство над Филомелой, насилие Терeya, вырезание языка. Во всех

подробностях рассказывала эта картина о случившемся: можно было увидеть на ней и пеплос², и Терея, и пиршество. Держа в руках развернутый пеплос, стояла служанка, рядом с ней Филомела показывала пальцем на вытканый на пеплосе рисунок. Прокна кивала головой, понимая, что изображено на нем; она смотрела на рисунок грозно и гневалась. На рисунке был выткан фракиец Терей, вступивший в любовную борьбу с Филомелой. Волосы у нее растрепаны, пояс развязан, хитон порван, грудь полуобнажена, правую руку она протягивает к глазам Терей, а левой натягивает на грудь разорванный хитон. Терей сжимает Филомелу в своих объятиях, изо всех сил стараясь привлечь ее тело к себе как можно ближе. Таким образом художник вытканый на пеплосе рисунок. В другой части картины были нарисованы женщины, которые показывали Терейю на остатки пиршества, лежащие в корзине, — а остатками этими были голова и руки мальчика. Женщины и смеются и ужасаются одновременно. Я увидел и Терей, который вскакивает с ложа и извлекает из ножен меч, собираясь направить его против женщин, — ногой он уперся в стол, а стол и не упал еще, но и не стоит уже, а, наклонившись, вот-вот упадет.

IV

— Мне кажется, что нам не следует ехать на Фарос, — сказал тогда Менелай. — Ты видишь, что два недобрых знамения явились нам: птица задела крылом Левкиппу и картина предвещает какую-то беду. Истолкователи знамений говорят, что надо обязательно обращать внимание на содержание картин, которые встретились путнику, отправляющемуся на какое-нибудь дело. Они велят судить об исходе этого дела по смыслу тех событий, которые изображены на картине. Ты видишь, сколькими ужасами наполнена эта картина? Здесь и противозаконная любовь, и бесстыдная измена, и горе женщин. Придется нам воздержаться от этой поездки.

Мне показалось, что Менелай прав, и я извинился перед Хэреем, отложив в этот день нашу поездку. Он удалился, крайне недовольный, и сказал, что придет к нам на следующий день.

V

Известно, что женщины обожают всякие рассказы, поэтому Левкиппа тотчас спросила меня:

— О чем говорит эта картина? Что это за птицы изображены на ней? Кто эти женщины? Кто этот бесстыдный мужчина?

И я начал рассказывать ей:

— Соловей, ласточка и удод. Все они люди и одновременно птицы. Удод — мужчина, а две женщины — соловей и ласточка. Филомела — ласточка, а Прокна — соловей. Женщины родом из Афин. Мужчина — это Терей. Прокна — жена Терее. Но варварам, как видно, недостаточно одной жены, чтобы предаваться утехам Афродиты, — они не замедлят воспользоваться удобным случаем для того, чтобы дать волю своей необузданности. Нежная привязанность Прокны как раз и позволила фракийцу Терее обнаружить природу своей натуры: случилось так, что Прокна послала своего мужа Терее за любимой сестрой. Терей же ушел мужем Прокны, а возвратился любовником Филомелы, по дороге он сделал Филомелу новой Прокной. Боясь языка Филомелы, Терей срывает цветок ее голоса, чтобы никогда она не смогла уже заговорить, так что брачным приданым девушки становится вечная немота. Но больше он ничего не достиг этим, потому что Филомела благодаря своему искусству рассказала обо всем без слов. Своим вестником она сделала пеплос, и вытканые ею узоры сказали все, чего уже не мог рассказать ее язык: она вплела в узор все, что с ней произошло. Языку подражала ее рука, она рассказала глазам Прокны то, чему должны были внимать ее уши, с помощью челнока несчастная Филомела поведала Прокне обо всех своих страданиях.

Прокна услышала голос пеплоса, поняла, что совершилось насилие, и решила жестоко отомстить мужу за оскорбление. Смешались две ярости, две женщины, оскорбленные и одновременно объятые ревностью, дышали одним желанием и задумали пиршество страшнее самого брака. Сын Терее должен был стать яством на этом пиршестве, — тот, кто еще недавно был сыном Прокны, пока не ослепил ее гнев. Забыла она родовые муки. Так ревность бывает сильнее даже материнского лона. Одного только хотели женщины — доставить осквернителю брачного ложа самую ужасную боль. Пусть даже и сами они будут страдать от своей мести, но страдание женщин облегчается сладостью осуществленной мести.

Терей отведал яства, приготовленного для него этими эринниями³, а они принесли ему в корзине останки ребенка и смеются, но ужаса полон их смех. Терей увидел останки ребенка, и горе охватило его над пищей, отцом которой он был. Едва он понял, что с ним сделали, как, объятый неистовым гневом, схватил меч, чтобы поразить им женщин, — он бросается на них, но в птиц обращаются женщины, и Терей вслед за ними поднимается в воздух и становится птицей; так и до сих пор Терей гонится за соловьем, потому что никогда не остынет его гнев, хотя он сменил свою одежду на птичье оперение.

VI

В тот день удалось нам избежать злого умысла, но выиграла мы только один день. На другое утро снова пришел к нам Хэрей, и мы, постеснявшись, не решились возразить ему. Пришлось нам сесть в лодку, и вскоре мы прибыли на Фарос. Дома

остался один Менелай, сославшись на плохое самочувствие.

Хэрей сначала подвел нас к башне и показал удивительное замысловатое строение. Посреди моря, возвышаясь до самых облаков, лежала гора, а под ней текла вода; как бы висело над морем это сооружение, а над вершиной его сияло солнце, кормчий всех кораблей.

Оттуда мы с Хэреем отправились к его дому, который стоял в самом отдаленном уголке острова, у моря.

VII

Наступил вечер, и Хэрей вдруг вышел куда-то, сказав, что у него не все в порядке с желудком. Прошло совсем немного времени, и у дверей неожиданно раздался крик. В ту же минуту ворвались здоровенные детины с обнаженными мечами, их было много, и все они бросились на Левкиппу. Увидев, что похищают мою возлюбленную, я не выдержал и ринулся на них сквозь мечи. Кто-то из них рассек мне мечом бедро, — я упал. Лежа на земле, я истекал кровью. Они же посадили девушку в лодку и удрали. На шум и крики, которые подняли разбойники, явился стратег острова. Мы познакомились с ним еще в те времена, когда стояли в лагере. Я показал ему свою рану и попросил его о том, чтобы он не дал разбойникам скрыться. В городе стояло на якоре множество кораблей. Он взошел на один из них и вместе с отрядом, который был при нем, пустился в погоню за разбойниками. Меня на носилках тоже внесли на этот корабль.

Когда разбойники увидели, что к ним приближается корабль, готовый завязать сражение, они вывели на палубу девушку со связанными за спиной руками, кто-то из них закричал во всю мочь: "Вот вам награда!" — и с этими словами снес ей голову с плеч, а потом обезглавленное тело девушки разбойники бросили в море. Увидев все это, я закричал, зарыдал и вскочил, чтобы броситься в море вслед за ней. Но так как мне не дали этого сделать, я стал умолять остановить корабль. Пусть хоть кто-нибудь другой прыгнет в волны, чтобы я мог получить тело Левкиппы для погребения. Стратег послушался меня и остановил корабль; два моряка кинулись в воду, нырнули и вынырнули с телом в руках.

Разбойники, увеличивая скорость, тем временем удалялись от нас все дальше и дальше. Когда мы значительно сократили расстояние между кораблями, они неожиданно увидели еще один корабль, вероятно, известный им, и позвали его на помощь. На корабле этом находились пираты, промышлявшие пурпурницами, которых они вылавливали. Когда стратег понял, что против нас уже два корабля вместо одного, он испугался и приказал повернуть обратно. Было очевидно, что пираты отказались от попытки укрыться от нас, но были готовы вступить с нами в

бой.

Когда мы высадились на землю, я обнял бездыханное тело Левкиппы и заплакал:

— Теперь, Левкиппа, ты и вправду умерла, и притом двойной смертью, потому что поделили твою гибель суша и море. У меня в руках останки твоего тела, но тебя самое я потерял. Не поровну поделились тобой море и земля. Малую часть тебя оставило мне море, хотя и кажется она большей, морю же досталась ты сама, в малом оно завладело всей тобой. Но пусть злая судьба не дала мне целовать лицо твое, я стану целовать твой обезглавленный труп.

VIII

Так я оплакивал смерть возлюбленной, потом я предал ее тело погребению и вернулся в Александрию. Хотя я и не хотел этого, но рану мою исцелили, и, утешаемый Менелаем, я скрепя сердце продолжал жить.

Прошло шесть месяцев, и постепенно горе начало притупляться. Ведь время — это лучшее лекарство от печали, оно одно врачует душевные раны. Щедро радостью солнце; понемногу проходит даже самая глубокая скорбь, побеждаемая дневными заботами, хотя подчас избыток ее и вскипает в пылающей душе.

Я прогуливался по площади, когда кто-то, подойдя ко мне сзади, взял меня за руку и, повернув к себе, не говоря ни слова, обнял и стал целовать. Я не понял сначала, кто это, и оцепенел в изумлении, представив собой как бы мишень для столь бурных проявлений восторга. Когда же этот человек перестал целовать меня, я увидел его лицо, и это было лицо Клиния! Я вскрикнул от радости, в свою очередь бросился его обнимать, и мы пошли ко мне домой. Он рассказал мне о том, как спасся после кораблекрушения, а я — о том, что произошло с Левкиппой.

IX

— Как только разбился наш корабль, — рассказывал Клиний, — я бросился к рее, уже облепленной людьми, едва сумел обхватить ее конец руками и повис на ней. Но недолго пришлось нам плавать, уцепившись за рею, потому что громадная волна подняла ее на свой гребень и с размаху швырнула на подводную скалу, но не тем концом, за который я держался, а противоположным. Ударившись о скалу, бревно с силой отскочило назад, словно орудие, а меня метнуло, как камень из пращи. Весь остаток дня меня носило по волнам, причем я уже потерял всякую надежду на спасение. Совершенно выбившись из сил, я вручил свою жизнь судьбе, как вдруг заметил несущийся мне навстречу корабль. Я простер к нему руки, насколько мог, и знаками показывал, что молю о спасении. То ли бывшие на корабле сжалились надо

мной, то ли по воле ветра, но судно направилось прямо ко мне. Когда оно поравнялось со мной, один из моряков бросил мне канат, и, ухватившись за него, я поднялся на корабль, вырвавшись из врат смерти. Корабль плыл в Сидон, и некоторые из тех, кто на нем были, узнали меня и оказали мне помощь.

Х

На третий день мы прибыли в город. Вместе со мной плыли сидоняне — торговец Ксенодамант и его зять Теофил. Я попросил их, чтобы они не говорили никому из тирийцев, с которыми могут встретиться, о том, что я спасся от кораблекрушения. Мне не хотелось, чтобы они узнали о том, что я бежал с тобой. Это можно было легко скрыть, если только они будут хранить молчание, — ведь прошло всего пять дней, как я исчез. А своим домашним, как ты знаешь, я дал наказ на все вопросы обо мне отвечать, что я уехал в деревню на десять дней.

Приехав, я убедился в том, что все так и думали. В это время твой отец еще не вернулся из Палестины, — он приехал спустя два дня и сразу же получил письмо от отца Левкиппы, которое пришло всего на день позже нашего отъезда. В этом письме Сострат писал, что отдает тебе в жены Левкиппу. Когда твой отец прочитал письмо и узнал о нашем бегстве, он пришел в отчаяние от разнообразия несчастий, которые обрушились на него: во-первых, он терял награду, которая была обещана ему в письме, а во-вторых, судьба так повернула ход событий, что лишь самой малости недоставало для того, чтобы все устроилось ко всеобщему удовольствию, — ведь ничего не произошло бы, если бы письмо доставили раньше.

Он решил, что пока следует воздержаться от того, чтобы писать брату, и попросил, чтобы и мать Левкиппы этого не делала.

— Ведь, может быть, мы сумеем разыскать их, и Сострат не узнает, что случилось несчастье. Как только дойдет до них весть, что им разрешено жениться, они с удовольствием вернуться, потому что в этом случае исчезнет причина, заставившая их бежать.

Всеми возможными способами отец твой стремился разузнать, куда вы бежали. Недавно из Египта приплыл на корабле тириец Диофант и рассказал твоему отцу, что видел тебя в Александрии. Я как узнал об этом, не мешкая сел на корабль, в чем был, и вот уже восьмой день с утра до вечера хожу по городу, разыскивая тебя. Тебе следует обдумать все это, потому что со дня на день сюда может приехать и твой отец.

ХІ

Когда я все это услышал, то не смог сдержать рыданий, — как судьба играла с нами!

— О злое божество! — воскликнул я. — Теперь Сострат отдает мне Левкиппу, посреди войны он посылает мне невесту, точно отмерив дни, чтобы только не помешать моему бегству. О, запоздалое счастье! Каким счастливецом я мог быть, приди это письмо днем раньше! После смерти — брак, после погребальных песен — гименеи⁴! Какую невесту посылает мне судьба! Даже трупа ее она не дала мне невредимым!

— Сейчас неподходящий момент для того, чтобы оплакивать мертвых, — сказал Клиний, — давай лучше подумаем, как нам быть, то ли тебе возвращаться на родину, то ли дожидаться отца здесь.

— Ни того, ни другого не стану я делать, — ответил я. — Как я посмотрю отцу в глаза после того, как обратился в столь позорное бегство, да еще при этом погубил сокровище, доверенное ему братом. Мне остается только скрыться, пока он сюда не пришел.

В этот момент входит Менелай и с ним вместе Сатир. Они обнимают Клиния и узнают от нас обо всем, что произошло.

— Но ведь у тебя сейчас есть прекрасная возможность устроить свои дела наилучшим образом и при этом еще проявить снисхождение к душе, которая истомилась любовью к тебе, — сказал Сатир. — Пусть и Клиний узнает об этом. Ведь Афродита даровала Клитопонту великое благо, а он не хочет принять его. Афродита зажгла страстью к нему красивейшую женщину, — кто бы ни увидел ее, скажет, что она подобна статуе богини. Зовут ее Мелита, а родом она из Эфеса⁵. Богатство ее велико, а возраст юн. Муж ее недавно погиб в море, и она хочет, чтобы Клитопонт стал ее повелителем, — не скажу мужем, — всю себя она отдает ему вместе со всем своим состоянием. Из-за Клитопонта она провела здесь уже четыре месяца, умоляя его последовать за ней. Он же зазнался и пренебрегает ею, думая, видно, что Левкиппа может ожить.

XII

— В том, что говорит Сатир, — сказал Клиний, — по-моему, есть доля истины. Ведь если одновременно пришли к тебе красота, богатство и любовь, то неразумно бездействовать и медлить. Ведь красота несет наслаждение, богатство — роскошь, а любовь — благоговение. А бог ненавидит пустых гордецов. Так послушайся же Сатира и заодно угоди богу.

Застонав, я ответил:

— Веди меня куда угодно, если и Клиний этого хочет. Только пусть эта женщина не надоедает мне и не требует без конца, чтобы я овладел ею раньше, чем мы приедем в Эфес. Ведь когда я потерял Левкиппу, то поклялся не сходитья здесь с другими женщинами.

Услышав мои слова. Сатир бросился к Мелите, чтобы обрадовать ее. Очень скоро он возвратился и рассказал, что Мелита от радости едва не лишилась чувств. Она попросила меня прийти к ней в тот же день, чтобы вместе пообедать перед тем, как вступить в брак. Я повиновался и отправился к Мелите.

XIII

Увидев меня, Мелита тотчас вскочила, обняла меня и все мое лицо покрыла поцелуями. Она на самом деле была прекрасна: ты бы сказал, что лицо ее белее молока, а на щеках цветут розы. Любовным пламенем горел ее взор, тяжелая копна золотых волос увенчивала голову, — так что я не без удовольствия взирал на эту женщину.

Обед был роскошным, — она же едва прикасалась к изысканным яствам, которые были поданы. Делая вид, что ест, она на самом деле не могла наслаждаться едой, а все время смотрела на меня. Ведь ничто не кажется влюбленному сладостным, кроме предмета его любви. Любовь забирает всю душу без остатка, не оставляя в ней места для пищи. Радость оттого, что ты видишь возлюбленную, через глаза проникает в душу и заполняет ее. Такое созерцание увлекает за собой образ любимой, воспроизводит его в зеркале души и воссоздает в ней любимый облик. Красота невидимыми лучами струится во влюбленное сердце и запечатлевает в глубинах его свою тень.

Я все понял и говорю ей:

— Но ты ведь ничего совершенно не ешь; так, как ты, едят только на картинах.

— Какое яство может быть более утонченным для меня, какое вино более драгоценным, чем ты? — ответила она и с этими словами стала меня целовать, и поцелуи ее были мне приятны, а потом она сказала:

— Вот моя пища.

XIV

Так мы с ней проводили время. Когда же настал вечер, Мелита стала уговаривать

меня провести с ней ночь, но я отказался, сославшись на то, о чем уже говорил Сатиру. Мы условились на другой день встретиться в храме Изиды⁶, чтобы обо всем договориться и дать друг другу клятву верности перед богиней.

Вместе с нами пришли в храм Клиний и Менелай, и мы поклялись — я любить ее без хитрости, а она сделать меня своим мужем и владельцем всего, что ей принадлежало.

— Наше соглашение вступит в силу, — сказал я, — когда мы прибудем в Эфес, а пока мы здесь, тебе придется уступить место Левкиппе, как я уже и говорил тебе.

Тем временем нам приготовили роскошный обед, он назывался свадебным, хотя на деле брак наш был отложен. И я припоминаю, как во время этого обеда Мелита пошутила. В то время как все приглашенные славословили наш брак, она, склонившись ко мне, шепнула:

— Только я одна на свете, — сказала она, — претерпеваю подобное тому, что делают с мертвыми, чей труп не найден: в таких случаях воздвигают гробницу над пустой могилой, а я вступаю в брак, которого на самом деле нет.

Так шутила она, и в шутках ее был намек.

XV

На следующий день все было готово к отъезду, волей судьбы и ветер торопил скорее отправляться в дорогу. Менелай проводил нас до самого залива и на прощание пожелал более благополучного путешествия по морю; он был замечательным юношей, достойным богов, и, расставаясь с нами, заплакал, да и мы залились слезами.

Клиний же принял решение не оставлять меня, пока мы не приплывем в Эфес и он не поживет там со мной некоторое время, чтобы убедиться в том, что дела мои пошли на лад. Только тогда он собирался вернуться на родину.

Ветер подгонял корабль, наступил вечер, и, поужинав, мы отправились спать. Для нас с Мелитой был поставлен на корабле отдельный шатер. Она заключила меня в объятия, стала целовать и требовать, чтобы я вступил с ней в настоящий брак.

— Ведь теперь, — просила она меня, — мы вышли из пределов, отданных Левкиппе, и достигли тех мест, где должен вступить в силу наш договор, — наступил положенный срок. Зачем нам ждать, пока мы достигнем Эфеса? Неизвестно, как обойдется с нами море. Нельзя верить переменчивым ветрам. Поверь мне,

Клитофонт, я вся горю. Если бы только показать тебе этот огонь! Если бы только огонь любви был схож с обыкновенным огнем, я зажгла бы тебя своими объятиями! Но он не таков, это особый огонь, — в его ярком пламени сливаются в объятиях влюбленные, но он щадит их. О, пламя таинственное, сокровенное, пламя, не покидающее доверенных ему пределов! Давай же, о возлюбленный мой, посвятим себя таинствам Афродиты!

XVI

— Не заставляй меня, — ответил я, — нарушать святой закон почитания умерших. Ведь мы не вышли еще из границ, отведенных несчастной девушке, не достигли мы еще другой земли. Разве не известно тебе, что она погибла в море? Я плыву сейчас над могилой Левкиппы. Может статься, вокруг корабля витает ее призрак. Я слышал, что души погибших в море не спускаются в Аид, но бродят по волнам, и в то время, как мы с тобой обнимаемся, может предстать перед нами Левкиппа. Неужто это место кажется тебе подходящим для вступления в брак? Брак в волнах, брак, увлекаемый морской пучиной! Не хочешь же ты, чтобы наш свадебный чертог был возведен на воде.

— Ты что-то мудришь, мой любимый, — ответила мне Мелита, — любое место для влюбленных может стать брачным чертогом, для бога не существует запретов. Мне кажется, море более всего подходит для Эроса и таинств Афродиты. Афродита дочь моря. Давай порадуем богиню любви, почтим браком ее мать! Повсюду чудятся мне символы брака. Это ярмо, нависшее над головой, эти узы, обвитые вокруг реи, — все это, любимый, прекрасные предзнаменования. Осененный ими стоит наш брачный чертог, да и кормило поблизости от нашей опочивальни. Сама судьба управляет нашей свадьбой. Брачными узами соединяют нас Посейдон и хоровод nereид. Здесь сам Посейдон сочетается браком с Амфитритой⁷. Сладко свищет ветер в корабельных снастях. Мне представляется, что ветры своим дыханием напевают нам свадебную песнь. Посмотри, как закругляется наполненный ветром парус, словно чрево беременной женщины. И это тоже хороший знак, — скоро ведь и ты у меня будешь отцом.

— Женщина, — сказал я ей, видя, что она продолжает настаивать, — будем же благоразумны, пока не достигнем земли. Клянусь тебе самым морем и судьбой нашего плавания, я страстно жажду того же, что и ты. Но у моря существуют свои законы. Я часто слышал от моряков, что корабли должны быть чисты от дел Афродиты, — может быть, оттого, что суда священны, а может быть, и оттого, что никто не должен среди опасностей предаваться наслаждению. Не станем же, любимая моя, оскорблять море, смешивать радости любви со страхом. Сохраним радость неомраченной.

Говоря так, я старался отрезвить ее, убеждал, помогая себе поцелуями, и остальную часть ночи мы проспали спокойно.

XVII

Мы плыли пять дней и наконец прибыли в Эфес. Оказалось, что Мелите принадлежал первый из всех эфесских домов. Огромный, он кишел многочисленной прислугой и блистал роскошью убранства. Мелита приказала приготовить самый восхитительный обед, какой только можно представить.

— А мы пока что, — сказала она, — поедem в мое поместье.

Поместье у Мелиты находилось в четырех стадиях от города. Мы сели в колесницу и поехали.

Только мы прибыли туда и стали прохаживаться по саду, как внезапно к нашим ногам бросается женщина с остриженной головой, в тяжелых колодках, с мотыгой в руках, грязная, в подпоясанном нищенском хитоне.

— Смилуйся надо мной, — восклицает она, — о моя госпожа! Как женщина над женщиной! Я родилась свободной, а теперь судьба превратила меня в рабыню. — С этими словами она умолкла.

— Встань, женщина, — ответила ей Мелита. — Скажи мне, кто ты, откуда, кто заковал тебя в железо? Ведь даже сейчас, когда ты попала в беду, красота твоя говорит о том, что ты благородного происхождения.

— Твой раб, — сказала она, — поступил со мной так за то, что я не захотела стать его наложницей. Меня зовут Лакэна, родом я из Фессалии⁸. Я вручаю тебе мою жизнь, как молящий о спасении масличную ветвь. Спаси меня от несчастья. Защити меня до той поры, пока я не заплачу две тысячи. За эту цену Сосфен купил меня у разбойников. Ты можешь быть уверена, что я очень скоро раздобуду их. Если же нет, то я стану твоей рабыней. Посмотри, как он истерзал меня побоями.

Она приоткрыла хитон и показала спину, всю исполосованную бесчисленными ударами.

Слушая все это, я чувствовал себя смущенным: женщина напоминала мне Левкиппу. Мелита же сказала:

— Положись на меня, женщина. Мы избавим тебя от всех бед и отправим домой без всякого выкупа. А теперь пусть кто-нибудь позовет нам Сосфена.

С женщины тотчас сняли оковы, а Сосфен пришел изрядно напуганный.

— Где ты видел, злодейская голова, — сказала она ему, — чтобы с самым негодным из рабов обращались у нас подобным образом? Отвечай мне немедленно, кто эта женщина, и не вздумай лгать.

— Я ничего не знаю, госпожа, — ответил он, — кроме того, что какой-то купец по имени Каллисфен продал мне девушку. Он сказал, что сам купил ее у разбойников, но что она свободна. Купец этот называл ее Лакэной.

Мелита тотчас лишила Сосфена должности управляющего, которую он занимал до сих пор, а Лакэну поручила рабыням, приказав вымыть ее, одеть в чистую одежду и отвезти в город. Потом она отдала необходимые распоряжения, ради которых и приехала в свое имение, села в колесницу, и мы поехали обратно в город, прибыв к самому обеду.

XVIII

Посреди обеда Сатир кивком головы подал мне знак, чтобы я вышел, при этом у него было очень серьезное лицо. Я притворился, что желудок торопит меня выйти из-за стола, и покинул трапезу. Когда я подошел к Сатиру, он, ни слова не говоря, протянул мне письмо. Я взял его — и, еще не начав читать, обмер: я узнал почерк Левкиппы. Вот что было написано в письме:

"Левкиппа Клитофону, господину своему. Ведь именно так теперь я должна называть тебя, потому что ты стал мужем моей госпожи. Ты знаешь, сколько всего я перенесла из-за тебя. Но пришла необходимость напомнить тебе об этом. Из-за тебя я оставила мать и предалась скитаниям; из-за тебя я претерпела кораблекрушение и попала в руки разбойников; из-за тебя я стала очистительной жертвой и умерла во второй раз; из-за тебя меня продали в рабство, сковали железом, я работала мотыгой, копала землю, меня били, — и все это для того, чтобы я стала для другого мужчины тем же, чем ты стал для другой женщины! Не бывать этому! Но я выдержала и осталась верна тебе, несмотря на принуждение. Тебя же никто не продавал в рабство, никто не подвергал побоям, и ты женишься! Если есть в тебе хоть немного благодарности за то, что я столько страдала ради тебя, попроси твою жену, чтобы она отправила меня в город, как она обещала. А те две тысячи, которые заплатил за меня Сосфен, я вышлю, — поверь мне и поручись за меня Мелите. Ведь рядом Византий. Если же тебе самому придется заплатить за меня, то считай, что этими деньгами ты вознаграждаешь меня за мои страдания. Будь здоров и наслаждайся новым браком. Я же пишу тебе это письмо девушкой".

XIX

Не могу передать, что сделалось со мной, когда я прочитал это письмо. Я заливался краской, бледнел, поражался, не верил, радовался, горевал.

— Уж не из Аида ли ты явился с этим письмом? — спросил я Сатира. — Что все это означает? Левкиппа снова ожила?

— Конечно, — сказал он, — это та самая девушка, которую мы видели в поместье Мелиты. Из-за остриженных волос у нее был настолько юный вид, что узнать ее было невозможно.

— Такое огромное счастье в твоих руках, — воскликнул я, — и ты услаждаешь им только мои уши, не показывая его моим глазам!

— Ты должен онеметь, чтобы не погубить всего, — ответил мне Сатир, — пока мы самым тщательным образом не обдумали наши действия. Ты видишь, что первая среди эфесских женщин безумствует из-за тебя, мы же беспомощны в сетях, которыми она нас оплела.

— Но я не могу! Счастье разливается по всем моим жилам. Посмотри, как она упрекает меня в своем письме. — И я тотчас снова начинаю перечитывать письмо, словно вижу за буквами саму Левкиппу, и приговариваю: — Справедливы твои упреки, возлюбленная моя. Все на свете ты вынесла из-за меня, всем твоим бедствиям я виной.

Читая слово за словом, я дошел до того места, где Левкиппа описывала пытки и побои, которым подвергал ее Сосфен, и заплакал, словно пытки эти происходили у меня на глазах. Разум, отсылая очи моей души к строкам письма, показывал мне все, что было в них сказано, как будто это совершалось передо мной наяву. Снова читая, как она укоряет меня за то, что я вступил в брак, я покраснел, как застигнутый на месте преступления прелюбодей. Такой стыд испытывал я при чтении ее письма.

XX

— Горе мне, Сатир, — сказал я, — как оправдаться теперь? Я уличен. Левкиппа обвиняет меня. Быть может, она меня возненавидела. Но скажи мне, как удалось ей спастись и чье тело мы похоронили?

— Придет время, и она сама все тебе расскажет, — ответил Сатир. — Сейчас ты должен написать ей ответ и успокоить девушку. Ведь я поклялся ей в том, что ты

женился против воли.

— Ты сказал ей, что я женился?! Так ты погубил меня! — вскричал я.

— До чего же ты простодушен, — ответил он мне. — Весь город знает о твоём браке.

— Но я не женился, Сатир, клянусь тебе Гераклом и своей судьбой!

— Ты шутишь, дорогой мой. Ты ведь с ней спишь!

— Я знаю, что невозможно поверить моим словам, но до этой самой минуты я ни разу не прикоснулся к Мелите. Но говори, что же мне писать! Я до того ошеломлен всем происшедшим, что совершенно растерялся и чувствую себя беспомощным.

— Эрот подскажет тебе, потому что я несколько не мудрее тебя. Только пиши поскорее, — ответил Сатир.

И я начал писать:

"Здравствуй, владычица моя Левкиппа!

Я несчастлив в счастье, потому что, хотя я рядом с тобой, увидеть тебя я не могу, а вижу вместо тебя, которая так близко, твоё письмо. Если ты хочешь знать правду и не осуждаешь меня заранее, то поверь мне, что, подобно тебе, и я сохранил до сих пор свою девственность, если такое понятие уместно в отношении мужчин. Если же ты, не пожелав выслушать моих оправданий, уже возненавидела меня, то клянусь тебе спасшими тебя богами, что очень скоро сумею оправдать себя во всем. Будь здорова и милостива ко мне, возлюбленная моя".

XXI

Я отдал письмо Сатиру и попросил его рассказать Левкиппе все, что он сочтет нужным. Мне же пришлось возвратиться к столу. Я вернулся на пир, переполненный одновременно радостью и горем. Я знал, что в эту ночь Мелита ни за что не допустит, чтобы я не стал её мужем. Но, обретая вновь Левкиппу, я не мог даже смотреть на другую женщину, не говоря уже о том, чтобы жениться на ней. Я силился сохранить то же выражение лица, которое было у меня раньше, но временами не мог сладить с собой. Когда побеждало обуревавшее меня волнение, я ссылался на то, что чувствую озноб. Мелита догадалась, что озноб мой — всего лишь уловка, изобретенная для того, чтобы уклониться от моего обещания, но доказать этого она не могла. Не прикоснувшись к еде, я встал, чтобы пойти лечь, а она, не кончив обедать, тотчас тоже поднялась со своего места и последовала за

мной. Когда мы пришли в спальню, я стал еще сильнее притворяться, что болен, она же взмолилась:

— Что же ты делаешь? До каких пор ты будешь мучить меня? И море мы уже переплыли, и в Эфес прибыли, — настал срок вступить нам в брак. Чего теперь мы должны ждать? Долго мы еще будем спать, как в храме? Ты кладешь меня возле многоводной реки и не даешь напиться из нее. Все время передо мной вода, но я жажду по-прежнему, хотя сплю у родника. Ложе твое для меня похоже на пищу и питье Тантала.

Так она говорила и, положив голову мне на грудь, плакала так жалобно, что вызвала в моей душе сострадание. Я не мог решить, что же мне делать; упреки ее казались мне справедливыми. И тогда я сказал ей:

— Любимая, клянусь тебе отчими богами, что я и сам сгораю желанием ответить на твою любовь. Но я не знаю, что со мной случилось, — какая-то болезнь напала на меня, а ты ведь знаешь, что, когда нет здоровья, тщетны притязания Афродиты.

Говоря это, я утирал Мелите слезы, снова давал ей клятвы, пытался уверить ее в том, что скоро сбудутся все ее желания.

В ту ночь она едва вынесла все это.

XXII

На следующий день Мелита вызвала служанок, которым была поручена забота о Левкиппе, и прежде всего спросила у них, достаточно ли хорошо они за ней ухаживают. Когда служанки ответили, что не забывают ничего из того, что им было ведено, Мелита приказала привести к ней Левкиппу. Пришла Левкиппа, и Мелита сказала:

— Я думаю, что было бы лишним напоминать тебе о том, насколько человечно я к тебе отнеслась, ты ведь и сама это знаешь. Но и ты отплати мне милостью, насколько это в твоих силах. Я слышала, что фессалийские женщины обладают волшебным искусством настолько приворожить к себе любимого, что он даже смотреть не может на других женщин, а к той, что его приворожила, относится так, словно в ней заключен для него весь мир. Дорогая, умоляю тебя, дай мне такое зелье, потому что я сгораю в огне. Ты заметила юношу, с которым я вчера гуляла?

— Ты имеешь в виду твоего мужа? — не без злорадства перебила ее Левкиппа. — Так сказали мне слуги.

— Какого мужа? — усмехнулась Мелита. — У нас с ним столько же общего, сколько у двух камней. Меня превзошла мертвая соперница. Спит или ест, он не может забыть имени Левкиппы, — так он ее называет. Я же, милая, четыре месяца провела ради него в Александрии, просила, умоляла, обещала; чего только я не говорила, чего я не делала для того, чтобы уломать его. Но в ответ на все мои мольбы он оставался бесчувственным, как железо или дерево. И даже время бессильно против него. Единственное, что он позволил, — это смотреть на себя. Клянусь тебе самой Афродитой, что вот уже пятый день я сплю с ним в одной постели, а поднимаюсь с нее так, словно провела ночь с евнухом. Похоже на то, что в статую я влюбилась. Только глаза мои обладают возлюбленным. Как женщина женщину, как вчера ты меня, так сегодня я тебя молю: дай мне какое-нибудь средство против этого надменного человека. Ты спасешь мою душу, которая уже совсем обессилела.

Когда Левкиппа услышала все это, она почувствовала большое облегчение, оттого что ничего у меня с этой женщиной не было. Она сказала Мелите, что, если ей позволят, она поищет в поле какую-нибудь подходящую траву, и с этими словами она ушла. Ведь если бы она отказалась, ей бы не поверили, — поэтому, мне думается, она и пообещала Мелите исполнить ее просьбу. Мелита же от одной только надежды повеселела, — ведь упование на счастье, пусть его и нет еще, радует тоже.

XXIII

Я ничего не знал об этом и совершенно пал духом, не в силах придумать способ, как и в грядущую ночь оттолкнуть от себя Мелиту и встретиться с Левкиппой. Думаю, что и Мелита предавалась подобным размышлениям. Чтобы Левкиппа смогла отправиться в поле за волшебной травой и к вечеру возвратиться, она снарядила для нее колесницу.

Мы же снова пошли пировать. Едва мы возлегли, как на мужской половине дома послышался сильный шум и началась беготня. Вдруг вбегает один из слуг и, еле переводя дыхание, сообщает:

— Ферсандр вернулся живой!

Ферсандр был мужем Мелиты, который, как она считала, погиб в море. Дело в том, что, когда корабль, на котором плыл Ферсандр, перевернулся, некоторые из его рабов спаслись, но, решив, что Ферсандр утонул, по возвращении в Эфес сообщили об этом Мелите. Раб еще не успел кончить говорить, как по его пятам ворвался сам Ферсандр. По дороге он успел все узнать обо мне и теперь спешил схватить меня. Пораженная неожиданностью происходящего, Мелита вскочила с места и

попыталась обнять мужа, но он оттолкнул ее прочь, а при виде меня завопил: "Вот где этот прелюбодей!" — набросился на меня и в ярости дал мне сильнейшую пощечину. Потом он схватил меня за волосы, швырнул на пол и стал нещадно избивать. Я же, словно во время мистерий, никак не мог взять в толк, что же происходит: кто этот человек, за что он колотит меня. Я решил, что это какой-то сумасшедший, и хотя мог обороняться, не стал, сочтя это опасным. Наконец оба мы устали, — он избивать меня, а я философски относиться к его побоям. Тогда я встал и говорю ему:

— Кто ты такой? За что ты так покалечил меня?

Он же, услышав мои слова, впал в еще большее неистовство, опять нанес мне удар и потребовал, чтобы принесли цепи и оковы. Меня схватили и отвели в темницу.

XXIV

Во всей этой суете я не заметил, что потерял письмо Левкиппы: оно было спрятано у меня под хитоном, привязанное шнурками. Мелита потихоньку подобрала его. Она боялась, что это одна из ее записок ко мне. Оставшись одна, она тотчас стала читать письмо и, найдя в нем имя Левкиппы, почувствовала себя уязвленной в самое сердце: ведь она и представить себе не могла, что Левкиппа жива, после того как я столько раз твердил ей, что она умерла. Когда же она стала читать дальше все, что там написано, правда открылась перед ней и душу ее захватили одновременно стыд, гнев, любовь и ревность. Она стыдилась мужа, гневалась на письмо, любовь гасила гнев, а ревность разжигала любовь, и наконец любовь победила.

XXV

Наступил вечер, и Ферсандр, опомнившись после первого приступа ярости, ушел к одному из своих друзей, чей дом был поблизости. Мелита тотчас переговорила со стражем, которому было поручено охранять меня, и втайне ото всех пробралась ко мне, приставив к дверям двух слуг. Она застала меня лежащим на земле. Мелита встала рядом со мной, охваченная желанием высказать мне сразу все, что мучило ее. Все обуревавшие ее чувства были написаны на ее лице.

— О, я несчастная! На горе себе увидела я тебя, понапрасну полюбила тебя как безумная с первого взгляда! Ненавидимая тобой, я люблю тебя, ненавистника моего, мучимая тобой, я люблю тебя, моего мучителя, и даже бесчувственность твоя не убивает мою любовь. О, чета злонамеренных чародеев, мужчина и женщина! Один уже столько времени издевается надо мной, а другая ушла, чтобы принести мне зелье. А я и не знала, что выпрашиваю любовное зелье против самой

себя у самых заклятых своих врагов.

И с этими словами она швырнула мне письмо Левкиппы. Увидев его и узнав, я вздрогнул и устался в землю, уличенный в обмане. Она же начала сызнова плакаться:

— Горе мне, несчастной! И мужа моего потеряла я из-за тебя, и ты уже никогда не станешь моим, даже глаза мои не будут обладать тобой, а ты мог принадлежать мне весь. Я знаю, что муж меня возненавидел, а тебя обвинил в прелюбодеянии, прелюбодеянии бесплодном, лишенном радостей любви, принесшем мне лишь поругание. Другие женщины в награду за свой позор получают хотя бы наслаждение, которое утоляет их страсть, а я, злополучная, навлекла на себя один только позор, а наслаждения не извела никакого. Неверный! Варвар! Ты осмелился оттолкнуть женщину, которая тебя любит, и после этого ты дерзаешь еще называть себя рабом Эрота? Видно, не пугает тебя его гнев. Разве не страшит тебя его огонь? Не благоговеешь ты перед его таинствами? Не проняли тебя и эти очи, залитые слезами! О самый свирепый из разбойников! Ничто не заставило тебя послужить Афродите, хотя бы только один раз, ни мольбы, ни время, ни сплетение наших тел, — нет, и вот это самое оскорбительное для меня: ты прикасался ко мне, ты целовал меня, а потом вставал так, как будто сам был женщиной. Какой-то тенью брака был наш союз. И ведь не со старухой ты спал, не с женщиной, которая избегала твоих объятий, но с женщиной юной и любящей тебя, прекрасной, как сказали бы другие. Евнух! Мизогин⁹! Ненавистник красоты! Проклинаю тебя самым справедливым проклятьем! Пусть так же обойдется с тобой Эрот и в твоей любви! — так говорила она, обливаясь слезами.

XXVI

Я все молчал, потупив глаза, она же спустя некоторое время заговорила уже по-другому:

— Все, что я тебе сейчас говорила, любимый, продиктовали гнев и горе. А то, что я скажу тебе теперь, подсказывает мне любовь. Когда я гневаюсь, я горю, когда же чувствую себя оскорбленной, люблю. Давай же заключим мир, и сжалься надо мной. Я уже не прошу у тебя долгих дней супружества, о котором я, несчастная, так мечтала. Достаточно мне и одного-единственного объятия, которое станет столь слабым лекарством от столь тяжелой болезни. Хоть немного потуши пламя. Если же я опрометчиво оскорбила тебя чем-нибудь, то будь снисходительным ко мне, любимый мой. Ведь несчастная любовь приводит в неистовство. Я знаю, что не должна так поступать, но, говоря о таинствах Эрота, я не чувствую никакого стыда. Ведь я говорю об этом с человеком, который посвящен в них. Ты-то понимаешь, что я испытываю. Для других людей стрелы этого бога остаются невидимыми. Никто не

может показать стрел, которые нанесли рану, — одни влюбленные знают, насколько они мучительны. Всего один день остался у меня, и я хочу, чтобы ты исполнил свое обещание. Вспомни храм Изиды, вспомни клятвы, которые были там произнесены. Если бы ты захотел жить со мной, как ты поклялся, я бы не обратила внимания на тысячи Ферсандров. Но теперь, когда ты вновь обрел Левкиппу, брак с другой женщиной для тебя невозможен, я понимаю и принимаю это, я признаю себя побежденной. Я не прошу у тебя большего, чем могу получить, потому что всё против меня, даже мертвые встали из своих гробов. Море! Ты пощадило меня, когда несло на своих волнах, но зачем ты спасло меня? Ведь, оставив меня живой, ты погубило меня, извергнув из своей пучины двух мертвецов!

Ты не удовольствовалось тем, что оживило Левкиппу (пусть она живет, чтобы никогда больше не горевал Клитифонт), но воскресило и злого Ферсандра, который теперь явился к нам.

Тебя колотили у меня на глазах, и я, несчастная, даже не могла помочь тебе. На это лицо, о боги, сыпались удары! Я думаю, что Ферсандр ослеп. Но я умоляю тебя, Клитифонт, повелитель мой, ведь ты повелитель моей души, стань моим сегодня в первый и в последний раз. Для меня же это краткое мгновение обратится в многие дни. Не умрет от этого Левкиппа, даже мнимой смертью. Не презирай моей любви, ставшей для тебя величайшим счастьем, ведь она вернула тебе Левкиппу: если бы я не полюбила тебя и не привезла сюда, она все еще была бы для тебя мертвой. Судьба, Клитифонт, иногда посылает нам подарки, и тот, кому посчастливилось найти сокровище, почитает место, где он нашел его, воздвигает алтарь, приносит жертву, увенчивает землю цветами. Ты же благодаря мне нашел сокровище любви, но не хочешь воздать благодарность за это. Пойми, это Эрот говорит тебе моими устами: "Клитифонт, сделай это ради меня, твоего учителя. Не уходи, оставив Мелиту непосвященной. Ее огонь — это мой огонь".

Узнай же, как я намереваюсь поступить с тобой. Ты будешь освобожден от оков, даже если это не угодно Ферсандру. Ты проведешь столько времени, сколько захочешь, у моей молочной сестры. А на заре жди Левкиппу. Ведь она просила, чтобы ее отпустили на всю ночь собирать травы при свете луны, — так она посмеялась надо мной. Я просила у нее зелье против тебя, потому что приняла ее за фессалиянку. Мне ведь ничего больше не оставалось, как собирать разные травы. Уповать на всяческие снадобья — это последнее убежище несчастных влюбленных. А насчет Ферсандра не беспокойся: он вне себя от ярости выскочил из моего дома и помчался к своему приятелю. Мне кажется, что какой-то бог надоумил его уйти из дома, чтобы я могла получить от тебя последнюю милость. Отдайся же мне.

Так мудро она рассуждала, — ведь Эрот научает и словам, — потом сняла с меня оковы, стала покрывать поцелуями мои руки, подносила их к своим глазам и сердцу

и говорила:

— Ты чувствуешь, как колотится мое сердце, как удары его полны тоски и надежды, пусть же забьется оно и от радости, ведь, трепеща, оно молит тебя о наслаждении.

Когда она освободила меня от оков и, рыдая, обняла, я испытал то же, что испытал бы на моем месте любой другой человек: я действительно почувствовал страх перед Эротом, не желая навлечь на себя его гнев, особенно после того, как он вернул мне Левкиппу. В дальнейшем же я намеревался избавиться от Мелиты; да и брак наш вовсе не был браком, а лишь лекарством для исстрадавшейся души.

Поэтому я разрешил ей обнять меня и не противился, когда она обвивалась вокруг меня своим телом, — и случилось то, чего желал Эрот, и не понадобилось нам ни ложе, ни прочие ухищрения Афродиты, потому что Эрот сам делает свое дело, он мудрый изобретатель и может совершить свое таинство в любом месте. А в делах Афродиты безыскусность слаще многочисленных уловок, она одна приносит истинное наслаждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга пятая

1. *Серapis* (Сарапис) — египетское и эллинское божество усопших душ. К Сарапису взывали об исцелении, так как считалось, что он имеет власть над жизнью и смертью. Отождествлялся с Озирисом, Зевсом, Плутоном и Асклепием. Культ его имел много приверженцев.

2. *Пеплос* — женская одежда или покрывало.

3. *Эринии* — греческие богини мести, обитательницы Аида; неотступно преследуют убийц, клятвопреступников и т.п.; римляне отождествляли эриний с фуриями.

4. *Гименеи* — песни в честь бога брачных уз Гименея.

5. *Эфес* — один из двенадцати значительных ионийских городов. В нем находился храм Артемиды, считавшийся одним из семи чудес света.

6. *Изида* — первоначально египетская богиня, олицетворение плодородия Нильской долины. Затем культ ее распространился в других странах, и она стала соединять в себе черты многих богов. Со временем Изида становится в глазах своих почитателей верховной богиней.

7. *Амфитрита* — владычица морей, супруга Посейдона.

8. *Фессалия* — считалась одной из тех областей Греции, где в особенности процветала черная магия. Обычно колдовство было направлено на то, чтобы приворожить мужчину или вернуть изменника к прежней любви.

9. *Мизогин* — женоненавистник.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга шестая

I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII XIV XV XVI XVII XVIII XIX XX XXI XXII

I

Облегчив страдания Мелиты, я сказал ей:

— А теперь устрой мне побег и исполни свое обещание относительно Левкиппы.

— Можешь не беспокоиться, — ответила мне Мелита, — считай, что она уже твоя. Ты же надень мою одежду и скрой лицо под пеплосом. Путь к дверям покажет тебе Меланто, а там тебя будет поджидать юноша, которому я приказала проводить тебя в дом, где ты найдешь не только Клиния и Сатира, но и Левкиппу.

Мелита говорила, одновременно надевала на меня свою одежду и целовала.

— Ты стал еще красивее в этой одежде, — сказала она. — Таким я когда-то видела на картине Ахилла. Спасайся, мой возлюбленный, а одеяние мое сохрани себе на память. Мне же оставь свою одежду, чтобы, надевая ее, я оказывалась как бы в твоих объятиях.

Она дала мне сто золотых и позвала свою верную служанку Меланто, которая сторожила нас за дверьми. Мелита объяснила ей, что надо было делать, и приказала вернуться, как только я выйду из ворот.

II

Переодетый в платье Мелиты, я вышел, и сторож пропустил меня, приняв за свою госпожу — Меланто кивком головы подала ему знак. Я миновал нежилую часть дома и наконец подошел к какой-то двери, где по приказанию Мелиты меня встретил юноша. Это был вольноотпущенник¹, из числа тех, кто плыл с нами на корабле, — еще с тех пор он проникся ко мне дружественным отношением.

Когда Меланто возвратилась, она заставила сторожа, только что запершего темницу, немедленно снова открыть ее. Сторож отворил двери, и она, пройдя мимо него, сообщила Мелите, что я вышел, а затем позвала сторожа. Тот вошел и от неожиданности онемел. Мелита сказала ему:

— Не потому я воспользовалась обманом, что сомневалась в твоём желании выпустить Клитопонта. Мне понадобился этот обман для того, чтобы ты смог оправдаться перед Ферсандром, — ведь теперь ты совершенно ни при чем. Вот тебе десять золотых, — это дар Клитопонта, если ты захочешь остаться здесь, если же ты решишься бежать, то это деньги тебе на дорогу.

Пасион (так звали сторожа) ответил:

— Я сделаю все, госпожа, как ты прикажешь.

Мелита решила, что Пасиону надо скрыться где-нибудь до той поры, пока она уговорит мужа сменить гнев на милость. Тогда можно будет и Пасиону вернуться. Он так и сделал.

III

Что касается меня, то судьба снова принялась вытворять со мной свои обычные шутки: на этот раз она заставила меня столкнуться с возвращающимся Ферсандром. Друг, к которому он ушел, уговорил его вернуться ночевать домой, и вот, пообедав, Ферсандр направился к себе. В это время происходил праздник Артемиды, кругом было полно пьяных, и площадь всю ночь была запружена толпами народа. Я полагал, что только этого мне и следовало опасаться, не подозревая о более серьезной опасности, надвигавшейся на меня. Дело в том, что тот самый Сосфен, который в свое время купил Левкиппу и по приказанию Мелиты должен был оставить должность управляющего имением, узнав о возвращении Ферсандра, не выполнил приказа госпожи и задумал ей отомстить. Прежде всего этот доносчик поспешил оклеветать меня перед Ферсандром, а потом он завел с ним разговор о Левкиппе, сочинив вполне правдоподобную историю. Так как ему самому пришлось отказаться от мысли овладеть ею, он стал сводничать, соблазняя Левкиппой Ферсандра, с тем чтобы отдалить его от Мелиты.

— Господин мой, — начал Сосфен, — я купил девушку неопиcуемой красоты, — поверь моим словам о ней, как будто ты сам ее видел. Я приберег ее для тебя: я ведь слышал о том, что ты жив, и верил этому, потому что хотел, чтобы так было. Но я хранил свои мысли про себя, чтобы ты сумел застать госпожу на месте преступления и не дал насмеяться над тобой бесчестному прелюбодею из чужой страны. Вчера госпожа отняла у меня девушку и намеревалась отослать ее, но судьба сохранила ее для тебя, так что ты сможешь овладеть этой красотой. Она сейчас в поле, — госпожа послала ее туда, сам не знаю зачем. Если хочешь, я запру ее раньше, чем она успеет вернуться в город, и она станет твоей.

IV

Ферсандр похвалил Сосфена и приказал ему действовать. Сосфен помчался в поле и, осмотрев хижину, в которой Левкиппа намеревалась провести ночь, нашел двух работников, которым приказал отвлечь приставленных к Левкиппе служанок, как можно дольше занимая их разговорами. Двух других он захватил с собой. Дождавшись момента, когда Левкиппа осталась одна, он набросился на нее, заткнул ей рот, схватил ее и побежал в сторону, противоположную той, куда направились служанки. Он добежал со своей ношей до какого-то стоявшего в уединении домика, там опустил ее на землю и сказал:

— Я засыплю тебя несметными милостями, но, достигнув высшего счастья, не забывай и обо мне. Не опасайся этого похищения и не думай, что оно станет для тебя злом. Напротив, знай, что из-за него ты станешь любовницей моего господина.

Левкиппа, потрясенная несчастьем, молчала, а Сосфен бросился искать Ферсандра, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло. Он застал Ферсандра возвращающимся домой. Сосфен сообщил ему, где сейчас находится Левкиппа, и с таким жаром расписал Ферсандру ее красоту, что тот, сгорая от нетерпения скорее увидеть этот поистине прекрасный образ, уже существующий в его воображении, приказал тотчас указать дорогу к ней и собрался было в путь. Праздник продолжался, а до поля надо было пройти четыре стадия.

V

Тут-то я и попался ему на глаза в одежде Мелиты. Сосфен, первым узнав меня, говорит:

— Смотри, а вот и наш прелюбодей шествует навстречу в праздничном настроении и в одежде твоей жены.

Сопровождавший меня юноша заметил их уже издали и в панике бросился бежать,

не подумав предупредить меня об опасности. Они, конечно, тотчас схватили меня. Ферсандр поднял крик, и на него сбежалась толпа ночных гуляк. Ферсандр еще пуще запричитал, осыпая меня разными ругательствами, называл меня прелюбодеем и вором. Затем он повел меня в тюрьму и передал в руки стражи, предъявив мне обвинение в прелюбодеянии. Но ничто не огорчало меня — ни оскорбительное прикосновение оков, ни словесное истязание. Я совершенно не сомневался в том, что сумею доказать в своей речи, что я не прелюбодей, так как вступил в брак с Мелитой открыто. Меня мучил страх за Левкиппу, потому что она все еще не была со мной. Если надвигается беда, то душа обыкновенно полна предчувствий, но счастья она не предчувствует. Я не мог утешить себя никакими успокоительными выдумками, все казалось мне подозрительным и внушало ужас. Только о Левкиппе скорбела моя душа.

VI

Упрятав меня в тюрьму, Ферсандр ринулся к Левкиппе. Достигнув хижины, он нашел Левкиппу лежащей на земле. Ум ее повергли в размышления слова Сосфена, и на лице ее отражались одновременно печаль и страх. Неправыми кажутся мне те, кто утверждает, что мысли совершенно неуловимы. Они отражаются на лице, как в зеркале. Охваченный восторгом, ум зажигает в глазах отсвет радости; стесненный тоской, он наполняет взор печалью.

Когда Левкиппа услышала, что отворяются двери, она на мгновение подняла голову и тут же снова опустила ее. В хижине горел светильник, и в свете его перед Ферсандром, как вспышка молнии, мелькнула ее красота, — ведь глаза — это главное прибежище красоты, — и душа Ферсандра сразу устремилась к девушке. Он застыл на месте, пригвожденный к земле прекрасным зрелищем, в ожидании, когда девушка вновь поднимет на него глаза. Не дождавшись, он сказал:

— Почему ты смотришь вниз, женщина? Для чего краса твоих очей стекает в землю? Пусть устремится она к моим очам.

VII

Когда Левкиппа услышала эти слова, она залилась слезами, а слезы придавали ей особую прелесть. Налившиеся слезами глаза становятся более выпуклыми. Если глаза безобразные и тусклые, то слезы увеличивают их безобразие, если же они нежны, с черными зрачками, окруженными белыми венчиками, то, увлажненные, они напоминают набухшую грудь потока. Когда из очей струится соленая влага, то белки становятся светлее, а зрачки багровеют, так что уподобляются фиалке и нарциссу. Слезы же, переливаясь, сверкают в глазах. Такими были слезы Левкиппы, даже печаль обращающие в красоту. Если бы, падая, они сгущались, земля

получила бы новый янтарь.

Пораженный видом красавицы, Ферсандр был смущен ее горем и сам заплакал. Ведь для того природа и создала слезы, чтобы вызывать жалость у тех, кто их видит, в особенности же вызывают сострадание женские слезы. Чем больше они текут, тем больше жалости влекут. Если же плачущая женщина прекрасна, а тот, кто смотрит на нее, влюблен, то и его глаза не остаются безучастными, — они подражают глазам возлюбленной. Ведь красота прекрасных людей — в их глазах, и, струясь оттуда в очи того, кто поглощен ее созерцанием, она находит в них упоение и увлекает за собой слезы. Влюбленный, и тем и другим насыщаясь, красоту любимой укрывает в своей душе, а слезы на своих глазах старается сохранить. Он молит о том, чтобы его слезы были замечены, и не утирает их, хотя и мог бы. Он бережет свои слезы, не желая, чтобы они выкатились из глаз преждевременно. Даже самое движение глаз он сдерживает, чтобы слеза не упала раньше, чем возлюбленная увидит ее. Ведь не сыщешь лучшего доказательства любви к ней, чем слезы.

Все это в полной мере относилось и к Ферсандру. Он испытывал те же чувства, которые испытывал бы на его месте любой другой человек, а Левкиппе хотел показать, что плачет под влиянием ее слез. Наклонившись к Сосфену, он шепнул ему:

— Утешь ее. Ты ведь видишь, как она страдает. А я пока уйду, чтобы не быть назойливым, хотя мне и не хочется уходить. Когда она успокоится, я поговорю с ней.

Затем, обратясь к Левкиппе, он сказал:

— А ты, женщина, доверься мне. Скоро ты перестанешь плакать.

И, уже на пороге, снова говорит Сосфену:

— Поговори с ней обо мне как подобает. А на рассвете, когда все уладится, приходи ко мне.

С этими словами он ушел.

VIII

Пока разворачивались все эти события, Мелита, удовлетворенная нашим свиданием, послала за Левкиппой юношу, потому что уже не нуждалась в зелье. Юноша пришел в поле и нашел там служанок Левкиппы, которые в сильной тревоге разыскивали ее. Так как Левкиппы нигде не оказалось, он поспешил обратно и

рассказал Мелите о случившемся. Узнав сперва о том, что меня бросили в тюрьму, а затем и об исчезновении Левкиппы, Мелита почувствовала, что над ней сгустились злые тучи. Она не могла сразу доискаться до истины, но заподозрила во всех кознях Сосфена. Прежде всего Мелита решила заставить Ферсандра в открытую предпринять поиски Левкиппы, и с этой целью она сочинила целую речь, в которой истина хитро переплеталась с обманом.

IX

Не успел Ферсандр переступить порог своего дома, как снова принялся кричать:

— Ты выкрала прелюбодея, ты сняла с него оковы, ты вывела его из дома, — все это дело твоих рук. Чего же ты сама не бросилась вслед за ним? Зачем ты осталась здесь? Почему ты не бежишь к своему возлюбленному, чтобы насладиться видом самых крепких оков, которыми он скован?

— Какого прелюбодея? — говорит Мелита. — Что с тобой? Если ты опомнишься и захочешь выслушать меня, то легко узнаешь истину. Я только об одном тебя прошу, будь справедливым судьей, не внемли клевете, выброси из сердца гнев, призови в качестве судьи один лишь разум свой и выслушай меня.

Этот юноша не был мне ни любовником, ни мужем. Родом он финикиец, ни в чем не уступающий любому тирийцу. Несчастье постигло его в плавании, а груз его стал добычей моря. Услышав о беде, в которую он попал, я пожалела его и, помня о тебе, дала ему приют. Может быть, думала я, и Ферсандр мой так же скитается где-нибудь, может быть, и его приютила какая-нибудь женщина. Если же молва не ошибается и он действительно погиб, то воздадим почести кораблекрушению. Сколько других людей, потерпевших кораблекрушение, я кормила! Сколько убитых морем людей я хоронила! Если море выбрасывало на землю какую-нибудь доску от затонувшего корабля и я находила ее, я всегда говорила: "Быть может, Ферсандр плыл на этом корабле". И этот юноша — всего лишь один из тех, кого я спасла от моря, причем спасла во имя тебя. Ведь он, как и ты, пустился в плавание, — я почтила несчастье, подобное твоему, любимый мой. Почему же я привезла его сюда? Я открою тебе всю правду. Он горевал о своей жене, которая пропала. Кто-то сказал ему, что она жива и находится здесь, у нас, у одного из наших управляющих, — он назвал Сосфена. Так оно и оказалось на самом деле. Когда мы приехали сюда, мы нашли эту женщину. Только из-за этого он последовал за мной. Сосфен у тебя, а женщина в поле. Ты можешь проверить каждое мое слово. Если хоть что-нибудь из того, что я тебе сказала, окажется ложью, ты можешь считать, что я действительно изменила тебе.

X

Так говорила Мелита, делая вид, что не знает об исчезновении Левкиппы. Ведь если Ферсандр захочет узнать истину, думала она про себя, то придется позвать служанок, которые сопровождали девушку в поле, — служанки же, в том случае если Левкиппа не вернется к утру, вынуждены будут сказать, что она пропала, и тогда Мелита открыто начнет поиски девушки, к которым должен будет присоединиться и Ферсандр. Убедительно смешав в своем рассказе истину с ложью, она продолжала:

— Верь мне, муж мой. Мы прожили с тобой, мой любимый, немало лет, и я ни разу не давала тебе повода заподозрить меня в измене. Не поддавайся подозрениям и теперь. Все эти слухи распространились из-за того внимания, которое я оказывала юноше, но никто не понимал истинных причин нашей дружбы. Если доверять молве, то надо было считать, что ты умер. Молва и клевета — это два бедствия, которые состоят в кровном родстве между собой. Молва — дочь клеветы. Клевета острее, чем меч, неистовее, чем огонь, убедительнее, чем сирена. Молва же быстротечное волны, стремительнее ветра, быстрее птиц. Пущенное клеветой слово летит, как стрела из лука, и ранит намеченную жертву, даже если она далеко. Только коснется слово клеветы чьего-нибудь уха, как мгновенно ему верят, начинают пылать гневом и разъяряются на раненого. Волны молвы, порожденные стрелами клеветы, обильными потоками затопляют уши слушателей, они с легкостью преодолевают огромные пространства, бушуют в вихре речей и мчатся на крыльях сплетен. Объединившись, и та и другая обрушились на меня. Они захватили мою душу и заперли твои уши от моих слов.

XI

С этими словами Мелита взяла Ферсандра за руку и хотела поцеловать его. Правдоподобный рассказ жены несколько умерил гнев Ферсандра. Поскольку слова ее о Левкиппе звучали в согласии с теми сведениями, которые Ферсандр получил от Сосфена, недоверие его несколько уменьшилось. Однако он был еще далек от того, чтобы окончательно поверить Мелите. Уж если ревность хоть раз закралась в душу, нелегко изгнать ее оттуда. Помимо всего прочего, Ферсандр разволновался, узнав о том, что Левкиппа — моя жена, и возненавидел меня сильнее, чем прежде. Мелите он заявил, что проверит все, что она сказала ему, и отправился спать в одиночестве. Мелита же страдала в душе, что не сумела выполнить данного мне обещания.

Сосфен, проводив Ферсандра и пообещав ему уладить дело с Левкиппой, снова возвратился к ней и, изобразив на своем лице восторг, сказал:

— Лакэна, все устроилось. Ферсандр до того обезумел от любви к тебе, что готов сделать тебя чуть ли не своей женой. Это все благодаря мне. Я столько всего

наговорил ему про твою красоту, что ты завладела всей его душой. Чего же ты плачешь? Встань и принеси Афродите благодарственную жертву. Но и меня не забывай.

XII

— Пусть у тебя будет такое счастье, какое ты сулишь мне, — ответила Сосфену Левкиппа.

Тот не понял ее насмешки и, приняв слова девушки за чистую монету, ласково продолжал:

— Я хочу поподробнее рассказать тебе о Ферсандре, чтобы ты получила полное представление о том, каков он на самом деле, и обрадовалась еще больше. Он — муж Мелиты, — ее ты видела в поместье. По знатности своего происхождения он первый из ионийцев. Что касается богатства, то оно превосходит даже его знатность. А благородство превосходит и богатство его. О его возрасте ты могла судить сама. Он молод, он прекрасен, — он все, чего только может желать женщина.

Этих слов Левкиппа не могла уже вынести.

— Свирепое чудовище! — прервала она Сосфена. — До каких же пор ты собираешься оскорблять мой слух? Что у меня может быть общего с Ферсандром? Пусть он будет прекрасен для Мелиты и богат во славу города, пусть он будет благороден по отношению к тем, кто нуждается в его благородстве. Но мне-то все это не нужно, будь он хотя бы знатнее Кодра² и богаче Креза³. Зачем рассыпаешь ты предо мной всю эту кучу несообразных похвал? Только в том случае я сочту Ферсандра прекрасным человеком, если он оставит в покое чужих жен.

XIII

— Ты шутишь, — поспешно прервал ее Сосфен.

— Это я-то шучу? — воскликнула Левкиппа. — Оставь меня, пожалуйста, пусть распоряжается мной судьба и злое божество. Я прекрасно понимаю, что попала в разбойничий вертеп.

— На тебя, мне кажется, напало безумие, причем неизлечимое, — разозлился Сосфен. — Что ты называешь вертепом: богатство, брак и роскошь? Даже мужа послала тебе судьба, мужа, настолько любимого богами, что они вырвали его из самых врат смерти.

Затем Сосфен стал рассказывать о кораблекрушении, причем обрисовал все так, словно Ферсандра спасли боги, и напридумывал больше чудес, чем приписывают дельфину Ариона⁴. Поскольку Левкиппа осталась равнодушной к его рассказам, он сказал:

— Подумай хорошенько, что для тебя лучше, и не говори Ферсандру ничего такого, что может рассердить этого благородного человека. В гневе он страшен. Ведь доброта, встречая благодарность, умножается, но, сталкиваясь с поруганием, вспыхивает гневом. Чрезмерное добродушие может обратиться чрезмерной яростью для наказания.

Вот что было с Левкиппой.

XIV

Когда Клиний и Сатир узнали от Мелиты о том, что я заключен в тюрьму, они с наступлением ночи прибежали ко мне в тюрьму. Друзья хотели остаться со мной, но начальник тюрьмы запретил им это и велел поскорее убираться прочь.

Так, вопреки желанию, им пришлось покинуть меня. Я же попросил их прийти ко мне на заре, если вернется Левкиппа, и рассказал им об обещании Мелиты. Моя душа лежала на весах страха и надежды, — я боялся, надеясь, и надеялся, боясь.

XV

С первыми лучами солнца Сосфен поспешил к Ферсандру, а Клиний и Сатир ко мне. Не успел Ферсандр увидеть Сосфена, как стал допытываться у него, как обстоит дело с девушкой, удалось ли склонить ее на его домогательства. Сосфен не решился сказать правду и в ответ стал лгать, но весьма убедительно:

— Пока что она отказывается, но я думаю, что она просто хитрит: должно быть, девушка боится, что ты насладишься с ней один раз и бросишь ее, а она будет опозорена.

— Пусть она не беспокоится об этом, — возразил Ферсандр. — Моя любовь к ней такова, что не умрет никогда. Одного я только боюсь: как бы она действительно не оказалась женой того юноши, как говорила мне Мелита.

Так за разговорами они пришли к хижине Левкиппы. Подойдя к самым дверям, они услышали ее горькие стенания и, стараясь не шуметь, стали подслушивать.

XVI

— Горе мне, Клитофонт, — без конца повторяла она. — Ты не знаешь, где я, что со мной, а я не знаю, как поступила с тобой судьба, — оба мы страдаем от неведения. Только бы Ферсандр не застал тебя в своем доме! Только бы он не заставил тебя переносить оскорбления! Сколько раз мне хотелось расспросить о тебе Сосфена, но я не знаю, как спросить его. Ведь если я стану спрашивать о тебе как о муже, то могу принести тебе вред и навлечь на тебя гнев Ферсандра. Если же я сделаю вид, что ты мне чужой, и начну проявлять интерес к незнакомцу, то это покажется подозрительным, — как женщина может спрашивать о том, что ее не касается? Я пыталась заставить себя заговорить о тебе, но язык мой мне не повиновался. Только одно могу я повторять: "О мой Клитофонт, муж мой единственный, одной Левкиппе ты принадлежал, верный и постоянный". Не склонила тебя к измене другая женщина, хотя она спала с тобой. Я же, черствая, поверила слухам и, увидя тебя в поле после столь долгой разлуки, не покрыла тебя поцелуями! Что мне сказать Ферсандру, когда он придет? Может быть, настало время прекратить притворство и открыть ему всю правду? Знай, Ферсандр, что я не рабыня. Я дочь византийского стратега, жена первого из тирийцев. Я не фессалиянка, и имя мне не Лакэна, — такую кличку придумали для меня пираты, ведь они похитили у меня даже имя. Мой муж Клитофонт, родина — Византий, отец мой — Сострат, а мать — Панфия. Но ведь ты не поверишь моим словам. А если даже ты и поверишь тому, что я скажу о Клитофонте, то как бы мне такой неуместной смелостью не погубить моего возлюбленного. Лучше уж буду играть свою роль до конца, лучше останусь Лакэной.

XVII

Когда Ферсандр услышал все это, он отошел в сторону и говорит Сосфену:

— Ты слышал эти невероятные речи, исполненные любви? Как она говорила, как она стонала, как она себя обвиняла! Этот прелюбодей везде одерживает надо мной верх. Наверное, он не только разбойник, но и волшебник. Мелита его любит, Левкиппа его любит. О Зевс, сделай меня Клитофонтом!

— Не надо отчаиваться, — сказал Сосфен, — надо идти к девушке, мой господин. Даже если она сейчас и без ума от этого проклятого прелюбодея, то всего лишь до той поры, пока одного его знает и ни с кем другим не имела дела. Если же ты достигнешь того же, что он, — а ты, несомненно, достигнешь этого, потому что намного превосходишь его красотой, — она тотчас выбросит его из сердца. Ведь новая любовь легко вытесняет старую. А женщина в состоянии любить только того, кто рядом с ней, если же человек отсутствует, то она помнит о нем ровно столько времени, сколько ей нужно, чтобы найти другого. Как только она найдет другого, первый исчезнет из ее души.

Услышав эти слова, Ферсандр несколько приободрился. Ведь так легко веришь словам, если в них кроется надежда на успех в любви. Любовная жажда, обретая желанного союзника, пробуждает надежды.

XVIII

Когда Левкиппа перестала разговаривать сама с собой, Ферсандр помедлил немного у дверей, чтобы ей не пришло в голову, будто он подслушивал, и вошел, придав своему лицу выражение, которое он счел наиболее подходящим. Лишь только он увидел Левкиппу, как в душе его вспыхнуло пламя, девушка показалась ему еще прекраснее, чем прежде. Всю ночь, находясь вдали от нее, Ферсандр подкармливал огонь, а теперь вид ее подействовал на пламя, как самые горючие вещества, и оно запылало с новой силой. Наклонившись, Ферсандр слегка обнял Левкиппу, но потом овладел собой, сел и понес любовную околесицу. Таковы все влюбленные: когда они беседуют со своими возлюбленными, душа их устремлена к ним, но речь обыкновенно лишена смысла, язык выпаливает слова без всякого участия своего кормчего — разума. Во время разговора Ферсандр обнял Левкиппу за шею и хотел поцеловать ее. Она же, словно предвидя дальнейшее движение его руки, поникла и склонила голову на грудь. Но он, не выпуская ее из своих объятий, насильно старался поднять голову девушки. Защищаясь, она наклонялась все ниже и противилась его поцелуям. Когда же наступило время действовать руками, Ферсандр почувствовал, как его захватил любовный азарт. Лево́й рукой он держал лицо девушки за подбородок и поднимал его, а правой — за волосы тянул ее лицо назад. Когда же он прекратил борьбу, то ли получив то, чего хотел, то ли нет, а может статься, просто утомившись, Левкиппа сказала ему:

— Ты поступаешь не так, как человек свободный и благородного происхождения. Ты действуешь так же, как Сосфен. Раб достоин своего господина. Но больше тебе ничего не удастся, оставь надежду на успех, разве только ты превратишься в Клитопонта.

XIX

Услышав мое имя, Ферсандр окончательно вышел из себя. Он и любил и гневался. Любовь и гнев — два факела. Ведь и у гнева есть свой огонь, противоположный по своей природе огню любви, но равный ему по силе. Один зажигает ненависть, другой заставляет любить. Близко один к другому расположены источники каждого из этих огней. Один прячется в печени⁵, другой горит в сердце. Когда оба они объемлют человека, душа его становится весами, на каждой чаше которых взвешивается огонь. Они борются, стремясь перевесить. И чаще побеждает огонь любви, особенно если страсть завершается успехом. Если же любовью пренебрегают, то она сама вызывает на помощь гнев. Сосед повинуется, и оба они

зажигают огонь. Но бывает, что гнев завладевает любовью и в своей непримиримости оберегает ее от страсти не как друг, но как хозяин, — он повелевает страстью, как рабыней, связав ее по рукам и ногам, и не дает ей примириться с тем, к кому она зажглась, если даже этого хочет сама любовь. Затопленная волнами гнева, любовь теряет свою свободу, она тонет, вынужденная ненавидеть любимое. Но, утомленный, выплеснувшись через край, гнев наконец утихает, и тогда любовь переходит к защите, она вооружает страсть и побеждает уже заснувший гнев. Оглядываясь на оскорбления, которые в ослеплении она нанесла любимой, любовь не знает, как замолить свою вину, как оправдаться, умоляет о свидании и заверяет, что гнев уже укрощен радостью. Добившись успеха, любовь становится милостивой, но, коль скоро ее притязания тщетны, она снова воспламеняется гневом. Гнев, проснувшись, возобновляет борьбу, он верный союзник бесславной любви.

XX

Вначале Ферсандр, надеясь добиться успеха, всецело был рабом Левкиппы, но, обманувшись в своих надеждах, предался гневу. Он стал бить Левкиппу по щекам, говоря при этом:

— Злополучная рабыня, одержимая похотью! Я ведь слышал все твои речи. Тебе неприятно, что я с тобой говорю, ты не считаешь за счастье для себя поцелуи твоего господина. Ты жеманничаешь и прикидываешься безумной. На самом же деле ты просто грязная женщина, и это ясно хотя бы потому, что ты любишь прелюбодея. Но если ты не хочешь повиноваться мне как любовнику, тебе придется повиноваться мне как господину твоему.

— Если ты вздумал мучить меня, я согласна вынести любые пытки, но не насилие.

Заметив Сосфена, она обратилась к нему с такими словами:

— Подтверди и ты мое отношение к таким бесчинствам, ведь ты оскорблял меня еще сильнее.

Уличенный ею и желая скрыть свой собственный позор, Сосфен закричал:

— Эту женщину, господин мой, надо избить плетьюми и пытаться тысячами пыток, чтобы она уяснила себе наконец, как надо уважать своего хозяина.

XXI

— Послушайся же Сосфена, — сказала Левкиппа, — он дает тебе достойный совет.

Начинайте же пытки! Несите колесо! Вот руки, вытягивайте их! Несите и плети, — вот спина — бейте! Разожгите огонь, — вот тело — сжигайте его! Не забудьте и железо, — вот кожа — режьте! Невиданное доселе сражение представится вашим глазам: одна женщина против всех пыток, и она победит. И ты еще называешь прелюбодеем Клитофонта! Когда на самом деле прелюбодей — ты! Скажи мне, у тебя нет страха перед Артемидой? Ты подвергаешь насилию деву в городе девы? О владычица, Артемида! Где твои стрелы?

— Деву?! — засмеялся Ферсандр. — О, наглость! О, издевательство! Дева, которая переночевала с пиратами! Или, может быть, они были евнухами? И ты философствовала с ними? А может быть, они были слепыми?

XXII

— Осталась ли я девой после Сосфена, спроси у него, — ответила Левкиппа. — Он-то действительно обращался со мной как разбойник. А настоящие разбойники вели себя гораздо приличнее, чем вы, и никто из них не был насильником. Если же судить по тому, как ведете себя вы, то здесь настоящий вертеп. И не стыдно вам делать то, на что не решались даже разбойники? Ты сам не замечаешь, что твое бесстыдство еще больше увеличит славу моей добродетели. Ведь если сейчас, обезумев от гнева, ты убьешь меня, то все будут говорить обо мне так: Левкиппа осталась девушкой после разбойников, девушкой после Хэрея, девушкой после Сосфена. Но это еще что! Она осталась девушкой после Ферсандра, — вот что достойно величайшей похвалы, потому что Ферсандр необузданнее любого разбойника. И вот, не сумев овладеть ею, он убил ее.

А теперь вооружайся, неси плети, колесо, огонь, железо. Пусть союзником твоим в борьбе со мной станет твой советчик Сосфен. Я же безоружна, одна, и я женщина. Одно лишь у меня оружие — свобода, и вам не выбить ее из меня плетями, не вырезать железом, не выжечь огнем. Никогда я не откажусь от нее. Если даже начнешь жечь меня, то убедишься, что огонь недостаточно горяч для нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга шестая

1. *Вольноотпущенники* — отпущенные государством (в Древней Греции частным лицам не разрешалось освобождать рабов) на волю граждане, имевшие право поступать на военную службу, но не получавшие полностью гражданских прав.

2. *Кодр* — последний царь Аттики, пожертвовавший жизнью в 1068 г. до н.э. во имя спасения родины от нашествия на Аттику дорян из Пелопоннеса. После его смерти эвпатриды воспользовались спорами его детей о престолонаследии и вообще отменили царскую власть под тем предлогом, что после Кодра никто ее не достоин. [Кодр был потомком Нестора. — Halgar Fenrirrson.]

3. *Крез* — лидийский царь, живший примерно в VI в. до н.э. Крез сделал азиатских греков своими данниками, заключил союз с жителями островов, расширил свое царство к востоку. Имя его стало нарицательным для обозначения богача.

4. *Арион* — замечательный поэт и музыкант из лесбосского города Метимны, жил в VII-VI вв. до н.э. Когда Арион возвращался на корабле в Коринф из путешествия по Сицилии, матросы-коринфяне, желая овладеть богатствами Ариона, решили бросить его в море, но предоставили ему право осуществить свое последнее желание. Арион пожелал спеть перед смертью последнюю песню. И когда, исполнив песню, Арион бросился в море, привлеченный звуками песни дельфин подхватил Ариона на спину и вынес на сушу.

5. *Один прячется в печени...* — По представлению древних, от любви болела печень.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга седьмая

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#) [IX](#) [X](#) [XI](#) [XII](#) [XIII](#) [XIV](#) [XV](#) [XVI](#)

I

Разные чувства овладели Ферсандром после слов Левкиппы: досада, гнев, злонамеренность. Он возмущался, потому что был оскорблен; досадовал, потому что ничего не достиг; строил коварные планы, потому что был влюблен. Раздираемый всеми этими чувствами, он выскочил из хижины Левкиппы, не ответив ей ни слова. Первое время он всецело находился во власти гнева, но, предоставив себе время поразмыслить над всеми этими треволениями и посоветовавшись с Сосфеном, он отправился к начальнику тюрьмы и попросил его отравить меня каким-нибудь зельем. Но тот отказался из страха перед властями города: его предшественник был уличен в отравлении и приговорен к смерти. Тогда Ферсандр обратился к нему с другой просьбой: посадить ко мне в камеру под видом осужденного какого-нибудь человека. Ферсандр объяснил начальнику, что это нужно ему для того, чтобы через этого человека узнать мои намерения. Начальник тюрьмы склонился на его доводы и поместил со мной мнимого узника. Этот человек получил от Ферсандра хитроумные наставления, — при случае он должен был завести разговор о Левкиппе и рассказать мне, что она убита, причем убийство ее подстроено Мелитой. Ферсандр прибег к этой хитрости для того, чтобы в случае моего освобождения я не стал искать Левкиппу, считая ее мертвой. Мелита же выставлялась в качестве виновницы убийства, чтобы я не женился на ней и не остался в Эфесе, но, возненавидев ее за убийство моей возлюбленной, навсегда покинул этот город и предоставил бы возможность Ферсандру совершенно безбоязненно наслаждаться Левкиппой.

II

Не успел этот человек очутиться рядом со мной, как он принялся разыгрывать комедию. Полный коварства, он начал причитать:

— К чему ждать чего-то от жизни? К чему стараться избежать опасностей? Разве достаточно того, чтобы человек вел разумный и справедливый образ жизни? Ведь на каждом шагу нас подстерегают случайности, которые топят нас и опрокидывают все благие намерения. Мне же надо было прежде всего узнать, кем был мой спутник и что он натворил.

В таком духе он беседовал сам с собой, стремясь втянуть меня в разговор и заставить спросить, что же с ним случилось. Но я пропускал мимо ушей все его стенания. Зато кто-то из других узников, — ведь люди, оказавшиеся в беде, обожают выслушивать рассказы о несчастьях своих ближних, находя в них утешение для себя, — спросил его:

— Что же с тобой случилось? Как подшутила над тобой судьба? Ведь, судя по всему, ты не совершил никакого преступления, а впал в немилость у божества. То же самое произошло и со мной.

И он рассказал, каким образом он сам угодил в тюрьму. Я же по-прежнему не обращал ни на кого из них никакого внимания.

III

Закончив рассказ, он в свою очередь попросил соседа поведать о его злоключениях.

— Теперь и ты, — сказал он, — расскажи о том, что произошло с тобой.

— Вчера, — начал тот, — я шел из города, направляясь в Смирну¹. Я проделал уже путь в четыре стадия, как ко мне подошел какой-то юноша из деревни, завел со мной разговор и немного спустя спросил:

— Куда ты держишь путь?

— В Смирну, — ответил я.

— И я тоже иду туда, благодарение судьбе, — сказал он. Мы пошли вместе и разговорились, как это обычно бывает в дороге.

Добравшись до какой-то гостиницы, мы решили вместе позавтракать. Тут же к нам подсели четверо незнакомцев и стали делать вид, что тоже завтракают, но при этом все время косились на нас и кивали друг другу головой. Заметив это, я заподозрил неладное, но не мог понять, что означают их кивки. Что же до моего спутника, то он мгновенно побелел, стал торопиться и задрожал. Стоило тем четверым это заметить, как они вскочили, схватили нас и связали ремнями. Кто-то из них дает пощечину моему спутнику. И одного этого удара хватило для того, чтобы он, словно подвергнувшись тысяче пыток, заговорил, хотя его никто еще и не спрашивал:

— Я убил девушку и получил сто золотых от Мелиты, жены Ферсандра. Ведь это она наняла меня для того, чтобы я совершил убийство. Возьмите эти сто золотых. Так вы и меня освободите, и сами будете в выигрыше.

Едва услышав имена Ферсандра и Мелиты, я пробудился, — слова эти ужалили мою душу, как овод, в то время как раньше я оставался совершенно безучастным к рассказу мнимого узника. Я повернулся к нему и спросил:

— Кто такая эта Мелита?

— Мелита — это первая из эфесских женщин, — ответил он мне. — Она была влюблена в какого-то юношу. Помнится, поговаривали, что он тириец. А у этого юноши была возлюбленная, которую он нашел в доме Мелиты, — ее продали туда. Мелита, обезумев от ревности, обманом завладела девушкой, передала ее в руки того человека, который по велению злого рока оказался моим спутником, и велела ему убить ее. Тот и выполнил ее нечестивое приказание. А я, несчастный, ни словом, ни делом не причастный к убийству, заодно с ним был связан и схвачен как соучастник в преступлении. Но хуже всего то, что эти четверо, отойдя немного от гостиницы, забрали у него сто золотых и отпустили его на свободу, меня же привели к стратегу.

IV

Когда я услышал его рассказ о моем несчастье, я не застонал и не заплакал, у меня не оказалось ни слез, ни голоса. Я задрожал, сердце на мгновение перестало биться, и душа чуть было не покинула моего тела. Очнувшись от оцепенения, в которое повергли меня его слова, я сказал:

— Как же этот наемник убил девушку и что он сделал с ее телом?

Но тот молчал, его дело уже было сделано, и овод терзал мою душу. Я снова обратился к нему с вопросами, и тогда он сказал:

— Мне кажется, ты думаешь, будто я принимал участие в ее убийстве. Я ведь слышал только то, что он убил эту девушку, а где и как, он не сказал.

Тут-то у меня и хлынули слезы, и глаза мои предались отчаянию. Ведь если удар нанесен даже по телу, то и тогда не сразу появляется кровоподтек, а сперва место, по которому ударили, остается бесцветным и потом немного вспухает. Когда кабан поражает человека клыком, не сразу увидишь рану, потому что первое время она скрыта в глубине, и в момент удара порез не виден. Потом внезапно выступает белый след, предвестник крови, и вскоре кровь уже струится обильными потоками. Так и душа. Пронзенная стрелой горя, пущенной словами, она уже ранена, но удар нанесен так внезапно, что рана еще не успевает открыться, и слезы еще далеки от глаз. Ведь слезы — это кровь душевной раны. Когда же жало скорби вопьется в самую глубину сердца, тогда открывается рана, растворяются в глазах двери для слез, и уже ничто не может их удержать. Так случилось и со мной.

Рассказ поначалу пронзил мое сердце стрелой, он лишил меня речи и запер дорогу слезам. И только потом, когда душа немного привыкла к горю, хлынули слезы.

V

Обрел я снова и дар речи:

— Какому злему божеству понадобилось обмануть меня столь преходящей радостью? Кто вздумал показать мне Левкиппу только для того, чтобы еще усилить горе? Не насытились ею глаза мои, хотя только им и было отпущено счастье владеть ею! Недолго же оно продолжалось! Поистине лишь во сне наслаждался я ее видом. Увы, Левкиппа, сколько раз ты умирала для меня! Разве хоть когда-нибудь переставал я тебя оплакивать? Я постоянно скорблю о тебе, а смерти гонятся по пятам друг за другом. Но когда ты раньше умирала, судьба лишь зло шутила надо мной, теперь же твоя смерть уже не игра судьбы. Как же ты погибла в этот раз, моя Левкиппа? Когда мнимая смерть уносила тебя раньше, мне оставалось хотя бы слабое утешение: в первый раз все твое тело было со мной, а во второй раз я думал, что недостает для погребения только твоей головы. Теперь же ты умерла двойной смертью, и тела твоего даже не осталось. Удалось тебе убежать от двух разбойничьих шаек, вертеп Мелиты убил тебя. Я же, нечестивый преступник, часто целовал твою убийцу, сплетался с ней в нечистых объятиях и подарил утехи Афродиты ей, а не тебе.

VI

Рыдающим и застал меня Клиний. Я рассказал ему все и заявил, что на этот раз твердо решил умереть. Он стал возражать мне:

— Кто знает, может быть, она снова жива. Ведь часто казалось, что она умерла, но всякий раз она возвращалась к жизни. Зачем убивать себя столь безрассудно? У тебя еще будет время умереть, когда ты, по крайней мере, узнаешь точно, что она мертва.

— Чепуха, — ответил я. — Что же может быть в этом известии ложного? По-моему, я нашел великолепный способ умереть, так что и проклятая богами Мелита не останется безнаказанной. Вот послушай. Как тебе известно, я готовился защищаться на суде от обвинения в прелюбодеянии. Теперь же я принял решение сделать все наоборот. Я заявлю на суде, что сознаюсь в прелюбодеянии и что мы с Мелитой, влюбленные друг в друга, вместе погубили Левкиппу. Таким образом Мелита будет наказана и я наконец сведу счеты со своей несчастной жизнью.

— Замолчи, — сказал Клиний. — Ты осмеливаешься принять на себя позор убийцы, да еще убийцы Левкиппы?

— Я не вижу ничего позорного в том, что причиняет горе врагу.

Так мы разговаривали с Клинием, а между тем соглядатая Ферсандра, сообщившего ложные сведения об убийстве Левкиппы, потихоньку освободили, — тюремщик увел его под предлогом, что его требует начальник тюрьмы для дачи показаний. Клиний и Сатир всеми силами старались утешить меня и отговорить от осуществления моего замысла, но напрасно. В тот же день они нашли себе какое-то новое пристанище и переселились туда, чтобы не находиться под одной крышей с молочной сестрой Мелиты.

VII

На другой день меня повели в суд. Ферсандр был во всеоружии, он собрал не менее десяти обвинителей, которые должны были выступить против меня. Мелита тоже серьезно подготовилась к защите. Когда ораторы закончили свои выступления, я попросил слова.

— Все эти люди, — сказал я, — несли чушь, и те, кто говорил от имени Ферсандра, и защитники Мелиты. Я же сейчас открою вам всю правду. У меня была возлюбленная, родом из Византия, по имени Левкиппа. В Египте она была похищена разбойниками, и я считал ее мертвой. Потом я встретился с Мелитой, мы стали жить с ней и вместе приехали сюда. И вдруг оказалось, что Левкиппа здесь. Она стала рабыней Сосфена, одного из управляющих поместьями Ферсандра. Каким образом Сосфену удалось сделать свободную женщину своей рабыней и каковы его взаимоотношения с разбойниками, я предоставляю рассудить вам. Едва Мелита узнала, что я нашел свою прежнюю возлюбленную, она испугалась, что я отдам ей

предпочтение, и задумала убить ее. И я согласился на это, — к чему скрывать правду? — потому что Мелита пообещала отдать в мое распоряжение все свое имущество. Я нанял одного человека, чтобы он убил девушку. За убийство я должен был заплатить ему сто золотых. Он сделал свое дело и скрылся. Но любовь мне отомстила. Как только я узнал, что Левкиппа убита, я тотчас раскаялся, зарыдал и вновь почувствовал, что люблю только ее. Я люблю ее и сейчас. Именно поэтому я даю вам показания против себя самого, — я хочу, чтобы вы послали меня вслед за моей возлюбленной. Жизнь не нужна мне теперь. Я стал убийцей и люблю ту, которую сам убил.

VIII

Моя речь, сообщившая делу совершенно неожиданный поворот, повергла всех в крайнее изумление, особенно Мелиту. Защитники Ферсандра, считая себя победителями, завопили от восторга, а защитники Мелиты старались понять, какой же смысл может иметь моя речь. Что касается самой Мелиты, то она, волнуясь, что-то отрицала, что-то подтверждала, торопилась с ответами, но все же из ее слов стало ясно, что она знает о Левкиппе и обо всем остальном, за исключением, впрочем, убийства. Тем самым она поставила в затруднительное положение своих защитников, которые потеряли к ней доверие после того, как она чуть ли не во всем согласилась со мной.

IX

И вот в тот момент, когда в помещении суда царила всеобщая суматоха, поднялся со своего места Клиний.

— Позвольте и мне, — сказал он, — высказаться. Ведь речь идет о жизни человека.

Когда ему дали слово, то с глазами, полными слез, он воскликнул:

— Эфесцы! Не спешите приговорить к смерти того, кто сам к ней стремится, потому что смерть — это естественное прибежище несчастных людей. Клитофонт солгал, когда взял на себя вину за совершенные преступления, он хотел лишь, чтобы его постигла кара. Я коротко расскажу вам, в чем состоит его несчастье. У него действительно была возлюбленная. В этом он не солгал. И все, что он рассказал о ее похищении разбойниками, о Сосфене, обо всем том, что предшествовало убийству, тоже правда. Затем возлюбленная его внезапно исчезла, я не знаю, убита она или похищена и жива. Но одно я знаю — в нее влюбился Сосфен, без конца пытал ее, но ничего не достиг. Кстати, Сосфен состоит в большой дружбе с разбойниками. Клитофонт же уверен в том, что девушка погибла, жизнь ему теперь не нужна, и поэтому он ложно обвинил себя в убийстве. Ведь он сам признался в

том, что из-за тоски по девушке не хочет больше жить. Сами посудите: бывает ли так, чтобы убийца захотел последовать за своей жертвой? Возможно ли, чтобы настоящий преступник от горя жаждал умереть? Видали вы когда-нибудь такого доброго убийцу? Такого щедрого на любовь к предмету своей недавней ненависти? Ради всех богов, молю вас, не верьте ему, не убивайте того, кто более нуждается в сострадании, чем в возмездии. Если Клитофонт говорит, что он виновник убийства Левкиппы, тогда пусть назовет человека, которого нанял на это дело, пусть скажет, где жертва. Какое же может быть убийство без убийцы и жертвы? Где это слышано? "Я, — говорит он, — полюбил Мелиту и из-за нее убил Левкиппу". Разве можно поверить этим словам, когда теперь он свою любимую Мелиту обвиняет вместе с собой в убийстве, а из-за якобы убитой им Левкиппы жаждет умереть? Вот, оказывается, что бывает на свете: можно ненавидеть любимое и любить ненавидимое! Разве не было бы более естественным с его стороны отрицать свою причастность к убийству, чтобы спасти любимую женщину и самому не погибнуть из-за своей жертвы?

Но зачем он оклеветал Мелиту, если она ни в чем не повинна? Сейчас я объясню вам и это, только молю вас, не подумайте, будто я хочу дурно говорить об этой женщине. Нет, я просто хочу объяснить, как все это произошло. Мелита увлеклась Клитофонтом и поговаривала даже о браке с ним, как вдруг ожил Ферсандр, этот возникший из моря мертвец. Клитофонт же был совершенно равнодушен к Мелите и не помышлял о браке с ней. И как раз в это время, как он сам и сказал вам, он нашел у Сосфена свою возлюбленную, которую считал умершей. Тогда он стал еще более чуждаться Мелиты. А Мелита, до тех пор, пока она не знала, что рабыня Сосфена — это возлюбленная Клитофонта, относилась к ней с состраданием, освободила ее от оков, которые надел на нее Сосфен, приняла в свой дом и оказала ей гостеприимство как свободной женщине, ставшей жертвой несчастья. Но, узнав истину, Мелита тотчас отослала ее в деревню и заставила работать на себя. После этого, как говорят, девушка исчезла. Мелита и две служанки, которые сопровождали Левкиппу в поле, могут подтвердить, что я не лгу. Тогда у Клитофонта и возникло подозрение, что Мелита убила его возлюбленную из ревности. Во-вторых, когда он находился в тюрьме, его подозрения, по воле случая, подтвердились, и он окончательно разъярился на Мелиту, да и на самого себя. Один из заключенных, описывая свои злоключения, рассказал, что где-то в пути он столкнулся с человеком, который оказался убийцей: за деньги этот человек убил женщину, причем, когда его схватили, он не замедлил назвать имена, — Мелита якобы подбила его на убийство, а убитую им женщину звали Левкиппой. Так ли это, я не знаю, — докопаться до истины ваш долг. В вашем распоряжении заключенный, есть служанки, есть Сосфен. Пусть Сосфен объяснит, как он заполучил в рабыни Левкиппу. Пусть служанки расскажут, как она исчезла. Пусть Клитофонт предъявит обвинение наемнику. Прежде чем вы не раскроете всех обстоятельств, нечестиво и непозволительно лишать жизни несчастного юношу, поверив его безумным речам. Ведь его повергло в безумие горе.

Х

Многим из присутствующих речь Клиния показалась убедительной, но защитники и друзья Ферсандра подняли крик и требовали казни Клитофонта, если он, по воле провидения, сам сознался в убийстве. Мелита предоставила в распоряжение суда своих служанок и потребовала от Ферсандра, чтобы и Сосфен предстал перед судом. Может статься, именно он и убил Левкиппу. Такое предположение неоднократно высказывали защитники Мелиты. Но Ферсандр, испугавшись, тайно отправил в деревню одного из своих дружков, с тем чтобы тот передал Сосфену приказание немедленно скрыться, пока за ним не пришли. Посланец Ферсандра оседлал коня и изо всей мочи помчался к Сосфену, — он объяснил ему положение дел и предупредил об опасности и о том, что Сосфена поведут на пытку, если он не скроется. Надо сказать, что он застал Сосфена у Левкиппы, пытающимся ее соблазнить. На тревожные крики вестника Сосфен вышел на порог. Услышав от него, как обстоят дела, Сосфен струсил; считая, что с минуты на минуту за ним придут палачи, он поспешно сел на коня и понесся по направлению к Смирне. Гонец же вернулся к Ферсандру.

Видно, правду говорят, что страх отшибает память. Так случилось с Сосфеном, — испугавшись за свою судьбу, он совершенно забыл обо всем остальном. Он настолько потерял рассудок, что не запер дверей дома Левкиппы. Рабская натура в тяжелых обстоятельствах обыкновенно проявляет всю свою трусость.

ХІ

Между тем на суде дела разворачивались следующим образом: раньше чем суд приступил к рассмотрению заявления Мелиты, слово взял Ферсандр.

— Не кажется ли вам, — сказал он, — что пора положить конец нелепым рассказам этого человека, кем бы он ни был. Я поражаюсь вашей бесчувственности и тупоумию: вы поймали на месте преступления убийцу, — ведь признание в совершении преступления значит не меньше, если не больше, — и как ни в чем не бывало сидите здесь и разглагольствуете, вместо того чтобы приказать палачу немедленно казнить его. Вы развесили уши и внимаете этому обманщику, правдоподобно разыгрывающему роль и правдоподобно проливающим перед вами слезы. Думаю, что он тоже причастен к убийству и теперь боится за себя. Я не понимаю, зачем нужны еще какие-нибудь допросы, когда и без того все совершенно ясно. Я даже подозреваю, что они совершили еще одно убийство. Дело в том, что Сосфен, которого требуют привести сюда, уже три дня как исчез. Естественно предположить, что это тоже их рук дело, причем, зная, что в таком случае я не смогу представить его суду, они злонамеренно продолжают требовать этого. О, если бы Сосфен мог сюда прийти! Если бы только он оказался живым! Впрочем,

если бы он даже явился сюда, чем бы он помог нам? Купил ли он какую-то девушку? Допустим, что да. Взяла ли ее к себе Мелита? Моими устами она говорит, что да, взяла. Сосфен подтвердил бы все это, и его бы отпустили.

А теперь позвольте мне обратиться к Мелите и Клитофону. Что вы сделали с моей рабыней? Ведь, не правда ли, она принадлежала мне, раз ее купил Сосфен? И если бы эти убийцы не сделали ее своей жертвой, а пощадили бы ее, то она и по сей день была бы моей рабыней.

Эти слова Ферсандр произнес не зря: преисполненный коварных замыслов, он рассчитывал заполучить Левкиппу обратно к себе в том случае, если она окажется жива.

— Клитофон, — продолжал он, — сознался в содеянном преступлении и попал в руки правосудия. Мелита же отрицает все. Прежде чем выслушать ее, необходимо допросить служанок. Если они скажут, что девушку поручила им Мелита, то пусть объяснят, почему они не привели ее обратно и что с ней случилось? Вообще, что же произошло на самом деле? И с кем? Разве не всем ясно, что преступники подбили кого-то на совершение убийства? Служанки же, конечно, не знали этих людей, — ведь чем меньше свидетелей, тем меньше опасность быть пойманным. Служанки оставили девушку как раз в том месте, где была устроена засада, — естественно, что в таком случае они не видели, как было совершено преступление. Клитофон нес здесь какую-то околесицу об узнике, якобы сообщившем ему об убийстве. Что за странный узник? Стратегу он ни словом не обмолвился об этом преступлении, а Клитофону ни с того ни с сего раскрыл все тайны. Этому можно было бы поверить только в том случае, если бы узник признал в Клитофоне своего сообщника. Прекратите же заниматься пустыми домыслами, не превращайте в детскую игру серьезные дела. Ведь не думаете же вы, что Клитофон обвинил себя без божьей на то воли.

XII

В то время как Ферсандр произносил свою речь и клялся, что понятия не имеет о том, куда девался Сосфен, проэдр² уже вынес решение. Он принадлежал к царскому роду, и на его суд предоставляли решение уголовных дел, причем в качестве советчиков он обыкновенно привлекал старейшин, которые понаторели в знании законов. Итак, посоветовавшись с заседателями, он присудил меня к смертной казни, согласно закону, по которому следует казнить тех, кто сам обвиняет себя в убийстве. Дело Мелиты решили рассмотреть после того, как будут допрошены служанки. Ферсандру ведено было принести письменную клятву в том, что он действительно не знает, где Сосфен. А меня, так как я уже был приговорен, решили подвергнуть пыткам, чтобы добиться от меня сведений о соучастии Мелиты в

убийстве.

Меня заковали, сорвали с тела одежду, надели на шею петлю. Палачи принесли плети, колесо и развели огонь. Клиний испустил горестный вопль и стал призывать на помощь богов, как вдруг перед взорами всех возник увенчанный лавром жрец Артемиды. Его появление обозначает, что приближается теория³ в честь богини. В таких случаях принято откладывать казнь до той поры, пока все участники торжественного шествия не принесут жертвоприношений. Меня на время оставили в покое. Шествие возглавлял Сострат, отец Левкиппы: византияне одержали победу над фракийцами, и было совершенно очевидно, что в войне Артемида встала на их сторону, поэтому они считали необходимым почтить богиню жертвоприношениями в благодарность за дарованную им победу. Но, кроме этого, богиня ночью явилась к самому Сострату. Такой сон означал, что Сострат найдет в Эфесе свою дочь и сына своего брата.

XIII

Примерно в это же время Левкиппа обнаружила, что Сосфен забыл запереть двери ее дома, — она выглянула, чтобы посмотреть, не стоит ли он за дверью. Убедившись в том, что его нет поблизости, она снова воспрянула духом, и в ней проснулась надежда на спасение. Сознание того, что она уже не раз, вопреки всем ожиданиям, выходила живой из самых опасных переделок, сообщало Левкиппе уверенность в том, что и на сей раз ей удастся избежать гибели. Поэтому она не замедлила воспользоваться удобным случаем. Близ деревни находился храм Артемиды. Левкиппа добежала до этого храма и укрылась в нем. Издревле заведено, что доступ в него открыт только мужчинам и девушкам, но свободным женщинам запрещено ступать на его порог. Если женщина осмеливалась проникнуть в святилище Артемиды, ей грозила смерть, — только рабыне дозволялось приходить в храм, чтобы пожаловаться на своего господина. Ей предоставлялось право обратиться со своими мольбами к богине, а архонты⁴ должны были рассудить ее с господином. Если выяснялось, что господин не нанес рабыне никакой обиды, он получал свою служанку обратно, причем приносил клятву никогда не поминать злом ее побег. Если же признавали, что рабыня права в своих жалобах, то ее оставляли в храме служительницей богини.

Не успел Сострат вместе с жрецом выйти из храма, чтобы прекратить судопроизводство, как туда вбежала Левкиппа, — еще немного, и она встретилась бы со своим отцом.

XIV

Когда меня освободили от пытки и прекратили суд, тотчас вокруг собралась шумная

толпа; одни сочувствовали мне, другие призывали богов, третьи расспрашивали меня. Сострат, подойдя ко мне поближе и взглядевшись, узнал меня. В начале своего рассказа я упоминал о том, что Сострат некогда провел в Тире немало времени, присутствуя на празднествах Геракла, — правда, это было задолго до нашего побега. Сострат без труда узнал меня, — тем более что из-за своего сновидения он ожидал встречи со мной.

— Вот и Клитофонт, — сказал он, подойдя ко мне, — а где же Левкиппа?

Когда я понял, что передо мной Сострат, я упал на землю, а все присутствующие стали наперебой рассказывать ему, в чем я себя обвинял. Сострат завопил, стал бить себя по голове и топтать меня, причем чуть не выбил мне глаза. Я не сопротивлялся и подставлял свое лицо ударам. Но Клиний воспротивился оскорблениям, которые наносил мне Сострат, и, пытаясь утешить его, сказал:

— Что ты делаешь, человек? Зачем ты изливаешь свой гнев на юношу, который любит Левкиппу сильнее, чем ты? Ведь он решился умереть только оттого, что считал твою дочь погибшей.

Много еще говорил Клиний, успокаивая несчастного отца. Но Сострат со стонами зывал к Артемиде:

— Для этого ли, о владычица, ты меня сюда привела? Неужели таков смысл моего сновидения? А я-то поверил твоему прорицанию и надеялся найти у тебя мою дочь. Прекрасный дар преподнесла ты мне! Ты послала мне убийцу моей дочери.

Клиний же, как только услышал о том, что Артемида в сновидении явилась Сострату, воскликнул:

— Соберись с духом, отец! Артемида не обманула тебя. Жива твоя Левкиппа, поверь моим вещим словам. Разве невдомек тебе, что Артемида спасла и Клитофонта, когда он уже висел на дыбе?

XV

Не успел он закончить, как вбегает, запыхавшись, храмовый служитель, направляется напрямиком к жрецу и во всеуслышание объявляет:

— Какая-то девушка, чужестранка, укрылась в храме Артемиды.

Услышав эти слова, я почувствовал, что надежда вновь окрылила меня, я поднял глаза к небу и понемногу стал возвращаться к жизни. Обернувшись к Сострату,

Клиний воскликнул:

— Вещими оказались мои слова, отец! — Затем, обращаясь к вестнику, он спросил его:

— Девушка красива?

— Я другой такой и не видел никогда, — одной Артемиде она уступает, — ответил вестник. Я вскакиваю и кричу:

— Ты говоришь о Левкиппе!

— Вот именно, — ответил он, — она сказала мне, что ее зовут Левкиппа, что родом она из Византия, а отец ее Сострат.

Клиний от радости всплеснул руками, издавая восторженные крики. Сострат от радости упал без чувств, а я, несмотря на оковы, взвился в воздух, словно пущенная стрела, и полетел к храму. С криками: "Держи его!" — стража бросилась за мной вдогонку, по-видимому сочтя, что я решил сбежать. Но в тот миг ноги несли меня, словно крылья. Им едва удалось догнать меня. Они было накинулись на меня с побоями, но теперь я уже храбро оборонялся. Тем не менее они поволокли меня в тюрьму.

XVI

Тут подоспели Клиний и Сострат.

— Куда вы тащите этого человека? — закричал Клиний. — Он не совершил убийства, за которое осужден.

Сострат тоже встал на мою защиту и, подтверждая слова Клиния, говорил, что он и есть отец той девушки, которую считали убитой. Присутствующие, узнав, как обстоит дело, принялись славословить Артемиду, окружили меня и помешали страже увести меня в темницу. Но эти блюстители порядка настаивали на том, что не имеют права отпустить человека, осужденного на смертную казнь. Наконец по просьбе Сострата жрец поручился за меня и обещал немедленно предоставить меня в распоряжение властей, если это потребуется. Освободившись, я ринулся к храму. Сострат устремился вслед за мной, — не знаю, можно ли было сравнить его радость с моей. Но как бы скоро ни бежал человек, молва все равно опередит его в своем полете. Так случилось и на этот раз: извещенная молвой о Сострате и обо мне, Левкиппа выбежала из храма навстречу нам и бросилась на шею к отцу, однако взоры ее были устремлены на меня. Я же остановился, сдерживая, из почтения к

Сострату, свое неистовое желание обнять Левкиппу, и лишь не отводил глаз от ее лица. Так мы ласкали друг друга глазами.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга седьмая

1. *Смирна* — один из крупнейших и богатых городов Малой Азии, расположенный в Лидии.
2. *Проздр* — председательствующий в суде.
3. *Теория* — торжественное посольство, отправлявшееся из какой-нибудь местности к соплеменникам, живущим в другой стране. Посольство должно было принести богу жертвы от имени своего государства, а также попросить оракул. Нередко такое посольство сопровождали лица, называемые теорами (см. примеч. 31); они присоединялись к посольству или просто из желания участвовать в нем, или с торговыми и политическими целями.
4. *Архонты* — высшие должностные лица в государстве.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

Книга восьмая

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#) [IX](#) [X](#) [XI](#) [XII](#) [XIII](#) [XIV](#) [XV](#) [XVI](#) [XVII](#) [XVIII](#) [XIX](#)

I

Только мы хотели сесть и подробно поговорить обо всем, что с нами случилось, как влетает Ферсандр в сопровождении нескольких свидетелей, направляется с большой поспешностью к храму и, обращаясь к жрецу, во весь голос говорит:

— Я при свидетелях заявляю, что ты не имеешь права освобождать от оков и смерти человека, который по закону должен умереть. Кроме того, ты укрываешь у себя мою рабыню, похотливую безумицу. Изволь вернуть мне ее.

Слова "рабыня" и "похотливая безумица" так глубоко ранили мою душу, что я перебил его:

— Ты сам трижды раб, ты сам похотливый безумец. А она свободна, девственна и достойна божества.

— Ах, так ты еще бранишься, — завопил Ферсандр, — это ты-то, колодник, которому место в тюрьме!

С этими словами он изо всех сил ударил меня по лицу, потом еще; из носа у меня хлынула кровь, — видно, весь гнев свой он вложил в эти удары. Он наносил мне уже третий удар, когда по неосторожности расшиб свою руку о мои зубы, поранив при этом пальцы. С воем он тотчас отдернул руку. Так мои зубы отомстили за оскорбленный нос. Ведь они разодрали пальцы, наносящие удар, без всякого моего

участия, так что рука оскорбителя была наказана за свои деяния. Итак, Ферсандр закричал и с неудовольствием прекратил свои побои, я же сделал вид, что не заметил нанесенного ему увечья, и на весь храм принялся причитать, жалуясь на этого тирана и насильника:

II

— Где же еще нам искать убежища от насильников? Куда бежать? К какой богине обратиться мольбы, если не к Артемиде? Ведь нас избивают в самом храме! Колотят в обители неприкосновенности! Такое может происходить только в пустыне, где не найдешь ни одного свидетеля! Ты же насильничаешь на глазах самих богов! В храме оказываются в безопасности даже преступники, а меня, не совершившего ничего дурного, молящего помощи у Артемиды, бьют перед самым алтарем, в присутствии самой богини. Твои удары сыплются на самое Артемиду. И, бесчинствуя, ты не ограничиваешься побоями, ты наносишь раны в лицо, словно во время войны или сражения, и пол оскверняется человеческой кровью. Хороши возлияния в честь богини! Не варвары ли здесь, не тавры ли¹, не скифская² ли Артемиде? Ведь у них принято обагрять святилища кровью! В Скифию ты превратил Ионию, в Эфесе льешь кровь, словно в стране тавров. Возьми уж тогда и меч. Хотя зачем тебе железо? Все, что совершает меч, сделала твоя рука. Рука мужеубийцы, запятнанная кровью, способная на убийство!

III

На мои крики сбежался народ, присутствовавший в храме, и все стали поносить Ферсандра, и сам жрец стал стыдить его за то, что он позволяет себе открыто бесчинствовать в храме. Я же приободрился и сказал:

— Вот что пришлось вытерпеть мне, свободному человеку, выходцу из не последнего города, приговоренному к смерти, но спасенному Артемидой, которая доказала ясно, что человек этот клеветник. А теперь мне нужно выйти из храма и умыться. Да не случится мне сделать это в храме, чтобы не осквернить пролитой кровью святую воду.

С большим трудом Ферсандра удалось оттащить и вывести из храма. Уже с порога он заявил:

— Но ты все равно уже осужден и не избежишь казни, а мнимую девственность этой гетеры³ покарает сиринга⁴.

IV

Наконец он убрался, а я вышел из храма и умылся. Между тем наступило время обеда, и мы были в высшей степени радушно приняты жрецом. Я не решался смотреть в глаза Сострату, сознавая, что разгневал его, да и сам Сострат избегал встречаться со мной взглядом, так как его смущал вид свежих царапин, которые были делом его рук. Левкиппа тоже все больше смотрела в землю. Так что обед превратился в сплошные взаимные укоры. Когда же Дионис понемногу развязал нам языки, — ведь он отец свободы, — то жрец первым обратился к Сострату:

— Почему, дорогой гость, ты не расскажешь нам о себе? Я не сомневаюсь в том, что твой рассказ будет изобиловать любопытнейшими приключениями. За чашей вина особенно приятно слушать подобные повествования.

Сострат охотно воспользовался предложением жреца и сказал:

— Мой рассказ очень прост: имя мое Сострат, родом я из Византия, Клитофону я дядя, а Левкиппе отец. Об остальном, не стеснясь, расскажи ты, дитя мое, Клитофонт. Если и выпала на мою долю какая-нибудь печаль, то, видно, не ты в этом виноват, а злое божество. Думаю, что рассказ о горестях, которые уже позади, будет тебе скорее приятен, чем тяжел, — в рассказах о прошедших несчастьях всегда кроется утешение.

V

И я начинаю рассказ обо всех наших приключениях с того дня, как мы покинули Тир, — о плавании, о кораблекрушении, о Египте, о разбойниках, о том, как они схватили Левкиппу, о ее искусно сделанном чреве у жертвенника, о хитрости Менелая, о любви к ней стратега, о зелье Хэрея, о разбойничьем похищении, о ране, которую нанесли мне в бедро, причем я показал шрам. Когда же я дошел до Мелиты, я со всей возможной скромностью описал все, что было, но ни разу не солгал: не утаивая того, что Мелита влюбилась в меня, я рассказал о моем благоразумии, о том, как долго она молила меня, как все ее мольбы оставались тщетными, как она обещала, как она горевала. Потом я рассказал о том, как мы сели на корабль и поплыли в Эфес, как мы с ней спали вместе и как она, клянусь в том Артемидой, вставала с постели, словно провела ночь с женщиной. Все это я поведал им без утайки, умолчав лишь о том, как в последний раз все-таки пожалел Мелиту. Потом я рассказал об обеде, о том, как я сам себя оклеветал, и дошел до самой теории.

— Но все, что происходило со мной, — сказал я, — даже сравниться не может с тем, что вынесла Левкиппа. Она была продана, она превратилась в рабыню, она копала землю, голова ее лишилась своей красоты, ты ведь видишь, что она острижена.

И я рассказал все по порядку. А дойдя до Сосфена и Ферсандра, я обрисовал страдания Левкиппы более подробно, чем свои собственные, — мне хотелось в присутствии ее отца показать, как я люблю ее. Я рассказал, что Левкиппа перенесла бесчисленные муки и истязания, кроме одного, и, чтобы не подвергнуться насилию, вынесла все остальное.

— И до сегодняшнего дня, отец, она осталась такой же, какой ты отпустил ее из Византия. Если и по сей день мне не удалось добиться от нее того, ради чего мы бежали, то хвалить за это надо не меня, а ее. Она сохранила девственность в разбойничьем стане и одержала победу над самым опасным разбойником, — я имею в виду Ферсандра, этого бесстыдного насильника. Мы решились бежать, отец, потому что нас гнала любовь, это было бегство возлюбленного и возлюбленной, но все время, что мы провели вместе, мы оставались братом и сестрой. Если только можно сказать про мужчину, что он девствен, то таков я в отношении Левкиппы. Всею душой она предана Артемиде. Владычица Афродита, не сочти себя оскорбленной нами: не хотелось нам стать мужем и женой без благословения отца. Но теперь он с нами, — приди же и ты. Будь милостива к нам.

Жрец не пропустил ни одного слова из моего рассказа, не переставая удивляться, а Сострат даже всплакнул в том месте, где я описывал страдания Левкиппы.

Заканчивая свое повествование, я сказал:

— Теперь вы знаете о нас все. Но и мне бы хотелось, жрец, узнать у тебя одну вещь: что это за сиринга, которой Ферсандр, уходя, пригрозил Левкиппе?

— Хорошо, что ты спросил об этом, — ответил мне жрец. — Раз мы знаем, что это такое, то наш долг рассказать об этом всем присутствующим. Своим рассказом я вознагражу тебя за твой.

VI

— Ты видишь ту священную рощу, что позади храма? В ней находится пещера, в которую нет доступа женщинам, одни лишь чистые девы могут войти в эту пещеру. Вблизи входа висит в этой пещере сиринга. Если у вас в Византии есть такой инструмент, то вы знаете, о чем я говорю. Если же не все вы достаточно хорошо знакомы с ним, я охотно расскажу вам о сиринге, а заодно и о Пане⁵.

Сиринга состоит из нескольких трубок, каждая трубка — это тростник. Все вместе тростники звучат, как одна флейта. Расположенные в ряд, они прикреплены друг к другу. Спереди сиринга точно такая же, как сзади. Причем так как один тростник длиннее другого, то надо иметь в виду, что с одного конца первый тростник

настолько длиннее второго, насколько второй длиннее третьего, и так далее, а с противоположной стороны все тростники равны; средний тростник ровно вполовину короче самого длинного. Не случайно сиринга устроена именно таким образом, этого требуют законы гармонии. Самый длинный тростник издает самый высокий звук, а самый короткий звучит ниже всех. Так поделили между собой тоны крайние тростники, а те, что находятся между ними, служат переходом от высоких тонов к басам. Благодаря им звучание сиринги распределено равномерно. Так же, как под пальцами Афины заливается флейта, так в устах Пана поет сиринга. Но если флейтой управляют пальцы, то сиринга подчиняется движениям рта мастера, подражающего пальцам. Флейтист, прикрыв пальцами прочие отверстия, оставляет открытым одно, через которое льется его дыхание, играющий же на сиринге оставляет свободными все тростники, кроме одного, который он прикладывает к губам для того, чтобы он зазвучал, — он переносит свое дыхание с одного тростника на другой, как подсказывает ему гармония, заставляющая его губы совершать пляску на инструменте.

Но когда-то давно сиринга была не флейтой и не тростниками, она была прекрасной девушкой. Влюбленный Пан преследовал ее в любовном беге, но густой лес укрыл уносящуюся от него прочь девушку. Пан уже было настиг ее и простер вперед руку. Он думал, что догнал ее и держит за волосы, — оказалось же, что он схватил не волосы красавицы, а листву тростников. Говорят, что дева скрыла в себе земля, а вместо нее родила тростник. От гнева и обиды Пан срезал тростник, который, как он думал, спрятал его возлюбленную. Но и после этого он не смог ее найти. Тогда он подумал, что девушка превратилась в тростник, и очень опечалился оттого, что сам убил ее, когда срезал тростник. Он собрал все срезанные тростинки, как части ее тела, соединил их вместе, взял их в руки и стал целовать свежие срезы, словно раны девушки; приложив к ним уста, он издавал любовные стоны, и вместе с поцелуями касалось тростников его дыхание. Заполняя отверстия, дыхание его проникало сквозь отверстия в тростинки, и сиринга зазвучала. Говорят, что Пан освятил эту сирингу, поместил ее в пещеру, часто ходил туда и привык играть на ней. Прошло время, и он подарил это место Артемиде под непременно условием, чтобы ни одна женщина не проникала в его пещеру.

С тех пор и повелось, что если девушку обвиняют в том, что она потеряла невинность, то народ провожает ее к пещере Пана и отдает на суд сиринге. Девушка, облаченная в соответствующую одежду, входит в пещеру, и кто-нибудь затворяет за ней двери. Если она оказывается девой, то из пещеры доносится певучая божественная мелодия, — то ли дыхание самой этой местности наполняет сирингу, то ли сам Пан наигрывает на ней. Немного погодя двери пещеры сами растворяются, и девушка выходит из пещеры, убранная сосновыми ветвями. Если же, объявляя себя девственной, она лжет, то из пещеры доносятся стоны вместо музыки, народ тотчас расходится и оставляет обманщицу в пещере. Только на третий день туда входит жрица этих мест и обнаруживает, что сиринга лежит на

земле, а девушка исчезла.

Приготовьтесь к этому испытанию и будьте осторожны. Если Левкиппа действительно девушка, как я бы хотел того, то радуйтесь: сиринга будет милостива к вам, — никогда еще она не погрешила против истины в своем суде. Если же то, что говорит Левкиппа, неправда, — ведь вы сами знаете, в каких переделках ей случилось побывать, то...

VII

Перебив жреца, Левкиппа с жаром сказала:

— Тут не о чем и говорить: я готова тотчас, не дожидаясь вызова, войти в эту пещеру и затвориться в ней.

— Прекрасны твои слова, — сказал жрец, — я рад твоей скромности и счастью.

Наступил вечер, и мы отправились спать в покои, приготовленные для каждого из нас жрецом. Клиний не обедал с нами, не желая обременять хозяина лишними заботами. Он провел этот день там же, где был накануне.

Я чувствовал, что Сострат несколько обеспокоен рассказом о сиринге, — он боялся, что, стыдясь перед ним, мы не открыли всей правды. Я незаметно кивнул Левкиппе, чтобы она по мере возможности успокоила отца, ведь кому же, если не ей, полагалось знать, как это сделать наилучшим образом. Она, верно, тоже заметила состояние Сострата, потому что сразу поняла меня. Прежде чем я кивнул ей, она уже и сама думала о том, как бы поосторожнее рассеять страхи отца. Перед тем как лечь спать, она подошла к отцу и тихонько шепнула ему:

— Не беспокойся, отец, и верь всему, что я сказала. Клянусь тебе Артемидой, в наших рассказах не было ни слова лжи.

Весь следующий день Сострат и жрец занимались теорией, жертвы были уже приготовлены, прибыли и члены совета, чтобы принять участие в совершении обряда. Много раз призывали к славословию богини. Ферсандр же, который тоже присутствовал на богослужении, подошел к проэдру и сказал ему:

— Назначь суд на завтра, потому что осужденного кто-то вчера освободил, а Сосфена между тем нигде нет.

Итак, суд был назначен на следующий день, и мы готовились к нему со всей серьезностью.

Настал решительный день, и Ферсандр произнес такую речь:

— Не знаю даже, с чего начать, кого обвинить первым, кого вторым. Много преступлений совершено, и много людей в них замешано, и ни одно из них не уступает другому в тяжести. Трудно объединить их, так как они не связаны между собой. Настолько не дают покоя моей душе некоторые из преступлений, что я боюсь, как бы моя речь не затянулась до бесконечности. Ведь говоря об одних, я не удержусь от того, чтобы не вспомнить о прочих. И, спеша высказать сразу все, опережая в словах самого себя, я боюсь лишиться свою речь цельности. Ведь когда прелюбодеи убивают чужих слуг, убийцы прелюбодействуют с чужими женами, а развратники нарушают теории, когда блудницы оскверняют своим присутствием священнодействия, когда у господ коварно похищают рабынь, что же тогда можно сделать? Все смешалось в одну кучу — беззаконие, разврат, бесчестье и убийство. Вы присудили человека к смерти, не важно за что, осудили, связали и отправили в тюрьму, чтобы он пробыл там до совершения казни. А он, вот он, стоит среди нас как ни в чем не бывало, и, вместо оков, на нем белая одежда. Среди свободных стоит преступник. А скоро он, чего доброго, и заговорит и станет поносить меня, и не столько меня, сколько вас и ваш приговор.

Прочтите же постановление проэдра и его советников. Вы слышите, что сказано в вашем решении в ответ на выдвинутое мною обвинение? Клитофонт должен умереть. Где же палач? Ведь ему надлежит взять с собой Клитофонта. Дайте ему яд! Он уже мертв по закону. Срок приговора уже прошел. Что ж ты скажешь на это, благочестивейший и скромнейший жрец? В каких божественных законах записано, что дозволяется ставить себя выше проэдров и судов, спасая от наказания людей, осужденных советом и пританами⁶ на смертную казнь и закованных в цепи? Проэдр, встань со своего места, уступи ему свою власть и право творить суд. Ты здесь больше не хозяин. Ты уже не можешь выносить приговор преступникам. Сегодня твои решения отменяются. Что же ты, жрец, стоишь среди нас, как равный среди равных? Поднимись, займи трон проэдра и стань впредь нашим судьей, веди себя как настоящий тиран⁷; огради себя от знания законов, воздержись от чтения судебных постановлений. Да и не причисляй себя к роду смертных людей, ты ведь уже ожидаешь поклонения вместе с Артемидой, — и ее права ты похитил. Насколько я знаю, одной только Артемиде дозволено спасать людей, которые прибежали к ней в поисках защиты, и то если приговор еще не объявлен. Но и сама богиня еще ни разу не освободила от цепей узника и не избавила от смерти ни одного человека, приговоренного к ней. Алтари существуют не для преступников, а для тех, кто попал в беду. Ты же освобождаешь от оков и смерти именно преступников. Не иначе как твоя власть превзошла власть Артемиды! Кто поселился

в храме, в то время как место ему в тюрьме? Убийца и прелюбодей под крылышком у чистой девы! Увы, развратник рядом с девственницей! А вместе с ним и распутная девка, сбежавшая от своего господина. Ведь и ее, насколько нам известно, ты приютил, с ними обоими ты разделил свою трапезу, предоставив им место у своего очага. Уж не спал ли и ты с ней, жрец, сделав из святого храма дом терпимости? Храм Артемиды превратился в спальню прелюбодеев и публичной женщины! Впрочем, даже не во всяком притоне такое увидишь. Эта моя речь направлена против двоих: одного я требую наказать за превышение власти, другого же, согласно приговору, следует снова посадить в тюрьму.

Второе мое обвинение — в адрес Мелиты, которая должна понести наказание за прелюбодейство. Я не собираюсь распространяться на эту тему, потому что дознание должно быть произведено с применением пыток, которым подвергнут служанок. Я настаиваю на том, чтобы их пытали. Если под пыткой они покажут, что этот обвиняемый долгое время жил в моем доме, жил с моей женой, но не в качестве любовника, а в качестве мужа, я сниму с Мелиты свое обвинение. Если же они покажут противное, то она по закону должна предоставить в мое распоряжение свое приданое, а ему, как всякому прелюбодее, надлежит умереть. Таким образом, получается, что, как бы он ни умер, прелюбодеем ли или убийцей, он не понесет достаточного наказания, потому что по закону ему положено умереть дважды.

И наконец, мое третье обвинение направлено в адрес моей рабыни и этого якобы почтенного человека, прикидывающегося ее отцом. Но насчет них потом. Сначала разберитесь с этими двумя.

На этом он закончил свое выступление.

IX

Тогда вышел жрец. Надо сказать, что его нельзя было упрекнуть в недостатке красноречия, причем многие свои приемы он заимствовал у Аристофана. С блеском комедийного героя начал он свою речь, остроумно обличая Ферсандра в распутстве:

— Никогда честный человек не осмелился бы перед лицом богини бранить невинных людей, да еще в столь непристойных выражениях. Что касается этого человека, то его язык повсюду только и делает, что богохульствует. Всю свою молодость он провел в обществе самых достойных людей. Он напустил на себя благолепный вид, прикидывался большим разумником и, делая вид, что мечтает об образовании, всячески заискивал перед своими учителями, стараясь во всем им подражать. Оставив отчий дом, он снял себе где-то комнатку и поселился в ней, получив таким образом возможность принимать у себя всех, кто нужен был ему для того, чтобы предаваться разврату. Все думали, что он закаляет свой дух, а он таким

путем держал в тайне от всех свою порочность. Да и в гимназии⁸ мы не раз видели, как он умащивал свое тело разными притираниями, какими пользовался приемами, когда в борьбе сплетал свое тело с телами юношей из тех, что были похрабрее других. Так-то он разминал свое тело. Вот каков он был в молодости. Когда же к нему пришла зрелость, открылось все, что до той поры он скрывал. Тело его отцвело, и, не будучи в состоянии пользоваться им для того, чтобы продолжать развратный образ жизни, он предался злословию, воспользовавшись единственным, что у него осталось, — языком. С тех пор он постоянно занимается тем, что клеветает на всех окружающих с бесстыдством, присущим его языку. Наглость написана у него на лице. Ему ничего не стоило оболгать перед вами человека, которого вы сами почтили жреческим саном. Если бы я жил не среди вас, а в каком-нибудь другом месте, то он вынудил бы меня своей клеветой рассказать вам о моей жизни. Но так как, к счастью, вам хорошо известно, насколько все, что он рассказал обо мне, не соответствует действительности, разрешите мне остановиться на его обвинениях в мой адрес. Итак, он говорит: "Ты освободил приговоренного к смерти", — на это он больше всего жалуется, называет меня тираном и поливает меня грязью. Но не тот тиран, кто приходит на помощь оклеветанным людям, а тот, кто в любой момент без суда и приговора совета и народа готов упрятать в тюрьму ни в чем не повинных людей. Ответь мне, какие законы позволили тебе посадить в тюрьму этого юношу-чужеземца? Кто из проэдров постановил это? Какой суд вынес постановление заковать его? Пусть даже он виновен во всем, что ты ему приписываешь, но и в этом случае он прежде всего должен быть предан суду и изобличен им, причем во время суда ему предоставят слово. Один лишь закон, которому мы все равно подчиняемся, властен над ним. Пока не совершился суд, мы все равноправны.

Так запри же суды, разгони совет, лиши власти стратегов! Ведь все, с чем ты обрушился на проэдра, может быть с гораздо большими основаниями отнесено к тебе. Встань же перед Ферсандром, проэдр! Ты ведь только называешься проэдром. Вот кто, оказывается, выполняет твои обязанности и даже превосходит тебя в своих правах. Ведь у тебя есть советники, и ты не можешь ничего сделать без их ведома. Более того, ты не выносишь решений, не заняв этого кресла, а в своем доме ты никогда не смел приказать, чтобы на человека надели оковы. Этот же почтеннейший заменил собой всех — и народ, и совет, и проэдра, и стратега. Он и дома карает, выносит приговоры, приказывает вязать людей, а вечер считает самым удобным моментом, чтобы творить суд. Хорош же ночной судья! А сейчас он не переставая оглушает всех своими воплями: "Ты освободил осужденного, приговоренного к смерти!" К какой же смерти? Какого осужденного? Скажи мне тогда, за что решились предать его смерти? "Он осужден за убийство", — ответит Ферсандр. Да разве он убивал кого-нибудь? Тогда скажи мне: кого! Ту, которую он, по твоим словам, убил, ты видишь живой. Так что же дает тебе право осмелиться назвать его убийцей? Ведь вряд ли перед тобой привидение! Аид не посылал против тебя убитую.

Итак, не кто иной, как ты, являешься убийцей, посягнувшим на две жизни: ее ты убил словом, а его ты хотел убить по-настоящему, — впрочем, и ее тоже, — насчет твоих походов в деревне мы слышали. Но великая Артемида спасла их обоих. Девушку она вырвала из рук Сосфена, а юношу из твоих. Сосфена же ты сам спрятал, чтобы тебя не уличили. И не стыдно тебе, что перед двумя чужеземцами ты оказался сикофантом?⁹

Таков мой ответ на хулу, возведенную на меня Ферсандром. Чужестранцы же пусть сами ответят за себя.

Х

Следующим должен был говорить довольно известный оратор, член совета, который взял на себя защиту меня и Мелиты. Однако его выступление предупредил другой оратор, по имени Сопатр, один из единомышленников Ферсандра, нанятый им.

— Милейший Никострат (так звали нашего оратора), — сказал он, обращаясь к защитнику, — сперва я выскажусь против этой распутной пары, а потом наступит и твоя очередь говорить. Ведь Ферсандр в своей речи коснулся главным образом поведения жреца и лишь вскользь упомянул истинного преступника. Поэтому я сейчас докажу собравшимся, что он прямой виновник двух смертей, а затем уж и ты получишь слово.

Заморочив всем головы этой чушью, он с важным видом потер свой лоб и начал:

— Мы были зрителями комедии, которую разыграл перед нами только что жрец, позволивший себе незаслуженно и бессовестно обижать Ферсандра. В начале своей речи жрец накинулся на Ферсандра за то, что тот рассказал о нем. Но разве было в речах Ферсандра хоть слово лжи? Ведь он действительно освободил узника, укрыл у себя блудницу и простил прелюбодея. Но где уж наш жрец дал полную волю своей разнузданной клевете, так это там, где описывал жизнь Ферсандра. Между нами говоря, жрецу следовало бы удерживать свой язык от подобного рода дерзких речей, — я обращаю против него его же собственное оружие. Едва закончив ломать перед вами комедию, он без всякого перехода принялся играть трагедию, оглашая зал суда стенаниями по поводу того, что мы связали прелюбодея; и тут я задумался: что же заставляет его так усердствовать? Нетрудно догадаться об истинной причине. Ведь он видел лица этих распутников, гетеры и прелюбодея. И что же? Она молода и прекрасна. Мальчишка тоже красив, и лицо его еще не успело огрубеть, так что он вполне может служить для утех нашего священнослужителя. Кто же из них пришелся тебе более по вкусу? Ведь вы вместе

спали, вместе пили, и ни один человек не был свидетелем того, как вы провели ночь. У меня возникают опасения, не превратили ли вы святилище Артемиды в храм Афродиты? Не придется ли нам решать вопрос о том, достоин ли ты жреческого сана?

Что касается Ферсандра, то всем доподлинно известно, сколь достойный и скромный образ жизни он вел с самого детства. Известно также, что, достигнув положенного возраста, он вступил в законный брак, — к несчастью, он обманулся в той, кого избрал себе в жены, не оправдались его надежды, когда он полагался на ее происхождение и богатство. Похоже на то, что она и прежде не раз позволяла себе грешить, но честный ее муж ни о чем не подозревал. И лишь последние события раскрыли преисполненное бесстыдства позорное ее поведение. Стоило мужу отправиться в дальнее путешествие, как она, обрадовавшись тому, что может безбоязненно предаваться разврату, выискала себе блудливого юношу (мерзость ее поведения увеличивается еще и выбором возлюбленного, который с женщинами подражает мужчинам, а с мужчинами становится женщиной) и не удовлетворилась тем, что у всех на виду жила с ним в чужих краях, — нет, этого ей оказалось мало! Она приволокла его за собой сюда, и за время долгого путешествия не пропустила ни одной ночи, чтобы не спать с ним, короче, распутничала с ним на корабле на глазах у всех. О, прелюбодеяние, разделенное между землей и морем! О, прелюбодеяние, растянувшееся от Египта до самой Ионии!¹⁰ Бывает, конечно, что кто-нибудь согрешит, но один раз. А уж если такое случится во второй раз, то каждый постарается скрыть случившееся и скроется сам. Эта же не только сама, но и через вестника раструбила по всему свету о своем прелюбодеянии. Весь Эфес знает ее любовника. Она не постеснялась привезти с собой этого податливого красавчика, не стыдно было ей, словно товар, погрузить на судно прелюбодея. "Но я думала, — повторяет она, — что мой муж умер". Да, если бы он умер, никто не обвинял бы тебя. Если случается так, что жена теряет мужа, о прелюбодеянии нет и речи, оно не может осквернить брака, когда нет мужа. Но коли брак не расторгнут и муж жив, то истинным разбойником можно назвать того, кто обольстил его жену. Вопрос совершенно ясен: если есть муж, есть и прелюбодей, если нет мужа, нет и прелюбодея.

XI

Выступление Сопатра, не дав ему договорить, прервал Ферсандр.

— Довольно слов, — заявил он, — я настаиваю на том, чтобы Мелиту и эту другую женщину, которая прикидывается дочерью теора, а на самом деле моя рабыня, подвергли двум испытаниям. — И он прочитал, в чем они заключаются: — Ферсандр вызывает Мелиту и Левкиппу (как будто бы так, я слышал, зовут эту распутницу). Если Мелита не предавалась утехам Афродиты с этим чужеземцем, в то время как я

находился вдали от дома, пусть она вступит в священные воды Стикса¹¹ и, поклявшись в своей невинности, снимет с себя обвинение. Другая же, если она женщина, то ей положено остаться моей рабыней, потому что известно, что из женщин в храм Артемиды дозволено входить только рабыням. А раз она называет себя девушкой, то пусть ее запрут в пещере сиринги.

Мы, конечно, приняли вызов Ферсандра, — бояться-то нам было нечего. Мелита тоже приободрилась, — ведь во время отсутствия Ферсандра она не нарушала супружеской верности, разве что в разговорах. Осмелев, она сказала:

— Я тоже принимаю твой вызов, но хочу к нему кое-что добавить. Самое главное заключается в том, что за все то время, о котором ты говоришь, я ни разу не имела дела ни с кем, и в том числе с этим чужестранцем. Как прикажешь поступить с тобой, когда будет доказано, что ты клеветник?

— Как решат судьи, — ответил Ферсандр. На этом заседание было прервано, а испытания решили провести на следующий день.

XII

С водами Стикса связано такое предание. Жила когда-то девушка по имени Родопида. Она была очень хороша собой и любила охотиться с собаками и без них. У нее были быстрые ноги, меткие руки, коротко, по-мужски остриженные волосы. Она носила митру¹² и подвязанный до колен хитон. Однажды ее увидела Артемида, похвалила девушку, подозвала и пригласила охотиться вместе с собой. С тех пор они стали охотиться вместе. И Родопида поклялась Артемиде оставаться девой, избегать мужчин и не потерпеть оскорбления от Афродиты. Такую клятву принесла Родопида, а Афродита ее услышала. Разгневалась богиня и задумала наказать девушку за то, что она решилась презреть богиню любви. В Эфесе жил юноша, столь же прекрасный среди юношей, сколь Родопида среди девушек. Звали его Эвтиник. Подобно Родопиде, он предпочитал всему охоту и так же, как и она, не хотел знаться с Афродитой. К ним обоим явилась богиня и послала их на охоту в одно и то же место. До сей поры они ни разу друг друга не видали. Артемида в это время отсутствовала. Афродита призвала себе на помощь своего сына-стрелка и сказала ему:

— Сын мой, ты видишь эту пару, чуждающуюся любви, враждебную нам и нашим мистериям. Девушка даже осмелилась принести против меня дерзкую клятву. Ты видишь, как они оба преследуют лань. Начни же и ты свою охоту, накажи деву за ее гордыню. Ведь ты, во всяком случае, более метко стреляешь, чем она.

Оба, Эрот и Родопида, одновременно натягивают тетиву своих луков, она метится в

лань, а он в девушку: оба попадают в цель, — так сама охотница послужила мишенью. Ее стрела попала в бедро лани, а стрела Эрота попала девушке прямо в сердце. И стрелой этой оказалась любовь к Эвтиннику. Второй стрелой Эрот поразил Эвтинника. И увидели друг друга Родопида и Эвтиник, в первый раз подняли они очи свои друг на друга и уже не смогли их оторвать. А раны их болели все сильнее и сильнее, так что Эрот легко увлек их в ту пещеру, где теперь течет Стикс. В этой пещере они нарушили свои клятвы.

Артемиде увидела, что Афродита смеется, и сразу поняла, что произошло. И тогда она распустила девушку в той же воде, в которой та распустила свой пояс девственности¹³.

Если женщину обвиняют в прелюбодеянии, она должна войти в источник и омыться в нем. Сам источник мелкий, лишь до середины голени доходит вода в нем. И вот как он вершит свой суд: женщина пишет клятву на дощечке, обвязывает ее тесьмой и вешает на шею; если истинна ее клятва, вода остается на своем месте; если же она солгала, то вода в гневе поднимается до самой шеи клятвopреступницы и закрывает дощечку.

В разговорах мы не заметили, как наступил вечер и пришло время ложиться спать. Мы разошлись по своим спальням.

XIII

На следующий день под предводительством Ферсандра собрался весь народ. Ферсандр, в предвкушении своего торжества, с усмешкой то и дело поглядывал на нас.

Левкиппа была облачена в священную одежду: длинный полотняный хитон с поясом, на голове пурпурная повязка. Босиком она скромно вошла в пещеру. Объятый трепетом, я наблюдал за ней и говорил сам себе:

— Я несколько не сомневаюсь в том, что ты девушка, Левкиппа. Но побаиваюсь я Пана, моя возлюбленная. С его-то любовью к девам как бы тебе не стать второй сирингой. Но ей удалось убежать от Пана, потому что он гнался за ней по широкой равнине, ты же заперта, как в крепости, так что, если вздумается ему преследовать тебя, тебе некуда будет скрыться от него. Владыка Пан, будь же благоразумен и не преступай закона этого места: мы ведь послушны ему. Пусть выйдет к нам Левкиппа девушкой. Не забудь, что ты договорился с Артемидой. Не обмани же девственную богиню.

XIV

Так я сам себя успокаивал, когда слышалась чудная музыка, и говорят, что никогда не звучала она так дивно, как тогда, — в тот же миг мы увидели, что двери пещеры растворяются. Когда же из дверей выбежала Левкиппа, весь народ встретил ее восторженными криками, а на Ферсандра посыпалась брань. Со мной же началось такое, что я даже описать этого не могу. Одержав эту прекраснейшую из побед, мы ушли оттуда и поспешили на второй суд, к Стиксу. И там собрался народ поглядеть на редкостное зрелище, и все свершилось. Мелита повесила на шею дощечку. Источник был мелководен и вода прозрачна. С радостным лицом Мелита вошла в него. Вода осталась на месте, нисколько не поднявшись выше своего обычного уровня. Когда истекло время, которое Мелита должна была провести в воде, проэдр взял ее за руку и вывел из источника.

Так Ферсандр потерпел два поражения. Ему грозило уже и третье, но он успел убежать домой, в страхе, что народ побьет его камнями. Дело в том, что четверо юношей, двое из которых были родственниками Мелиты, а двое — слугами, уже волокли Сосфена, которого она велела им разыскать. Ферсандр, предвидя, что, подвергнутый пыткам, Сосфен во всем признается, ночью скрылся из города.

Когда архонтам стало известно, что Ферсандр бежал, они приказали Сосфена бросить в тюрьму.

Тогда мы удалились, сильные своей победой и гордые всеобщим восхвалением.

XV

На следующий день те, кому это было доверено, повели Сосфена к архонтам. Видя, что его собираются подвергнуть пыткам, Сосфен откровенно рассказал обо всем, что творил Ферсандр, требуя от него содействия. Он не утаил и того разговора, который они с Ферсандром вели о Левкиппе у дверей ее хижины. В результате своих показаний Сосфен снова был брошен в тюрьму, где должен был отбыть положенный до наказания срок. Ферсандра же заочно приговорили к изгнанию.

Мы снова отправились к жрецу, который принял нас с обычным радушием. Во время обеда мы вновь говорили о наших приключениях, припоминая и те из них, о которых забыли рассказать накануне. Левкиппа, доказав всем, что она девушка, не смущалась более перед своим отцом и с удовольствием рассказывала о случившемся с нами. Когда она дошла в своем рассказе до Фароса, я сказал:

— Не расскажешь ли ты нам о фаросских разбойниках, о загадке с отрубленной головой, — ведь и отец твой не знает об этом. Когда ты раскроешь нам эту тайну, станет известно все, что мы пережили.

XVI

— Эти разбойники, — начала Левкиппа, — обманули несчастную женщину, одну из тех, кто за деньги продает утеху Афродиты, и держали ее на корабле, якобы для того, чтобы она сожительствовала с одним из хозяев корабля. Она не подозревала об истинной причине своего пребывания на корабле и спокойно распивала вино с одним из пиратов. На словах этот разбойник был ее любовником. Похитив меня, они, как ты видел, посадили меня на корабль и стали удирать, окрылив его веслами. Когда разбойники заметили, что посланный за ними вдогонку корабль вот-вот их настигнет, они сняли с несчастной женщины ее одежду и украшения и надели их на меня, а мое платье на нее. Затем они поставили ее на корме так, чтобы вы ее могли видеть, и отрубили ей голову; ты, наверное, заметил, что тело они бросили в море, а голову до времени оставили на корабле. Они выбросили голову только тогда, когда убедились в том, что погоня за ними прекратилась. Я до сих пор не поняла, для чего они держали эту женщину, то ли для этого, то ли для того, чтобы продать ее в рабство, как они впоследствии поступили со мной. Испугавшись погони, они убили вместо меня эту несчастную женщину, потому что рассчитывали продать меня дороже, чем ее. Это происшествие послужило причиной тому, что и Хэрей понес достойное его поступка наказание, свидетельницей которого я была. Ведь именно Хэрей настаивал на том, чтобы женщину убили и бросили в море вместо меня.

После того как женщина была убита, члены шайки стали протестовать против того, чтобы я досталась одному Хэрею: тебе, говорили они, уже принесли в жертву другую женщину, за которую мы могли бы получить деньги. Разбойники требовали, чтобы меня продали и таким образом сделали общим достоянием. Хэрей стал возражать, отрицать свою вину и доказывать им, что похитил меня не для продажи, а для того, чтобы я стала его возлюбленной. В запальчивости он позволил себе дерзость, и тотчас один из разбойников, который стоял позади него, снес ему голову. Поделом Хэрею, собственной жизнью заплатил он за похищение. Разбойники сбросили его в море, а меня через два дня привезли сама не знаю куда и продали кому-то из своих знакомых купцов, а тот уже Сосфену.

XVII

В застольной беседе Левкиппу сменил Сострат:

— Теперь, дети мои, когда вы описали все ваши приключения, послушайте и о том, что случилось дома с твоей, Клитофонт, сестрой Каллигоной, — мне ведь тоже не пристало совсем не участвовать в вашей беседе.

Услыхав имя моей сестры, я весь стал внимание и сказал:

— Пожалуйста, рассказывай, отец, только смотри рассказывай о живой.

Он начал свое повествование с того, о чем я уже говорил, то есть с Каллисфена, предсказания, теории и похищения Каллигоны.

— Хотя, — продолжал он, — в плавании Каллисфен узнал о том, что Каллигона не моя дочь и что он ошибся, приняв ее за Левкиппу, он полюбил ее, и очень сильно. "Владычица моя, — сказал он, припав к ее коленям, — не считай меня разбойником и злодеем. Родом я из Византия и никому не уступлю в знатности своего происхождения. Любовь превратила меня в разбойника и заставила сыграть с тобой такую шутку. С этого дня считай меня своим рабом. Я отдаю тебе в приданое, помимо самого себя, такое богатство, какого не смог бы дать тебе даже твой отец. Я сохраню твою девственность столько времени, сколько ты пожелаешь". Подобными словами, а он говорил ей больше, чем я передаю вам, Каллисфен добился благосклонности Каллигоны. Ведь он был очень красив, обладал даром красноречия и сумел убедить девушку. Когда они прибыли в Византий, он на деле доказал, что может дать ей солидное приданое, приготовил ей драгоценные уборы, одежду, золото — словом, все, что служит украшением богатых женщин; Каллисфен сдержал и другое свое обещание — он не посягал на девственность Каллигоны, неустанно заботился о ней и в конце концов совершенно пленил девушку.

Но и во всем остальном он также выказал себя как человек необыкновенно скромный, добрый и разумный, — поистине разительная перемена произошла в нем. В присутствии старших он вставал, а встретившись со знакомым, старался поздороваться первым. Прежнее мотовство и легкомысленное расточительство сменилось разумным отношением к своему богатству: он проявлял великодушную щедрость лишь к тем, кто по бедности своей нуждался в помощи, — все буквально диву давались, настолько он изменился, — все плохое в его поведении обернулось хорошим. Я же пленился им даже больше, чем прочие. Сильно полюбив его, я пришел к заключению, что прежнее его мотовство вытекало скорее из удивительно широкой натуры Каллисфена, чем из склонности его к распутному образу жизни. На память мне пришел и Фемистокл¹⁴: ведь, будучи юношей, он прослыл человеком крайне невоздержным, а впоследствии превзошел всех афинян мудростью и отвагой. Я чувствовал раскаяние, что в свое время отказал Каллисфену, когда он попросил руки Левкиппы. Меня он искренне почитал, называл отцом, сопровождал на площадь. Каллисфен не пренебрегал и воинскими упражнениями, он усердно занимался верховой ездой и преуспел в этом деле. Надо сказать, что он увлекался верховой ездой еще в годы своего мотовства, но тогда он смотрел на это занятие как на прихоть. Тем не менее кое-какой опыт он уже тогда приобрел, а храбрость была заложена в его натуре. Он выработал в себе также умение с величайшим смирением переносить различные тяготы военного ремесла. Большие деньги Каллисфен пожертвовал в пользу государства. Вместе со мной он был выбран в

стратегии; с той поры он еще больше ко мне привязался и во всем повиновался мне.

XVIII

Когда же, благодаря вмешательству богов, мы победили в войне и возвратились в Византий, нас выбрали теорами. Я должен был ехать сюда, чтобы принести благодарность Артемиде, а он в Тир — чтобы почтить жертвой Геракла. И вот он взял меня за руку и рассказал мне сначала о том, как поступил с Каллигоной. "Когда я действовал таким образом, отец, — сказал он, — мною руководило сперва свойственное природе юного возраста стремление к насилию, но затем его сменила добрая воля. Я сохранил ее девственность, отец, до сих пор, и это во время войн, когда не принято откладывать радости любви. Теперь я хочу взять ее с собой и отвезти в Тир к отцу, чтобы он разрешил мне сделать ее своей законной женой. Если он ответит мне согласием, я приму ее с благословения судьбы, если же он откажет, то дочь вернется к нему девушкой. Что касается меня, то я с радостью вступил бы с ней в брак и дал бы ей немалое приданое".

— А теперь, Клитофонт, — продолжал Сострат, — я прочитаю тебе то, что я написал о Каллисфене еще до моего отплытия; желая, чтобы Каллигона стала его женой, я подробно написал о его происхождении, описал все его заслуги и воинские подвиги. Такие у нас дела. Теперь скажу тебе о том, что я решил: ведь Ферсандр обжаловал приговор, — так вот, если решение суда будет в нашу пользу, то я поплыву сначала в Византий, а потом уже в Тир.

На этом наш разговор кончился, и мы отправились спать, каждый на свое обычное место.

XIX

На другое утро примчался Клиний и сообщил, что Ферсандр ночью скрылся. Он обжаловал вынесенный ему приговор не потому, что рассчитывал на успех, но желая таким путем отсрочить разоблачение проступков, которые совершил. Мы выждали положенные три дня и явились к проэдру. Сославшись на закон, согласно которому дело Ферсандра уже не существовало, мы сели на корабль и, подгоняемые ветром, прибыли в Византий.

Там мы наконец сыграли свадьбу, которой так долго ждали. После этого мы отправились в Тир. Прибыв туда двумя днями позже, чем Каллисфен, мы застали отца готовящимся на следующий день принести жертвы и отпраздновать свадьбу моей сестры.

Мы с Левкиппой тоже пришли на эту свадьбу — принять участие в

жертвоприношении и испросить у богов, чтобы наш и их брак был благополучным.

Провести зиму мы решили в Тире, а затем возвратиться в Византий.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ. Книга восьмая

1. *Тавры* — жители нынешнего Крыма. Тавры делились на кочующие племена и оседлые; последние занимались земледелием и обладали сравнительно более высокой культурой. Они поклонялись девственной богине Орсилохе, которую греки отождествляли с Артемидой и называли Таурополос. Тавры приносили ей в жертву людей, пострадавших от кораблекрушения, или чужеземцев, попавших в их руки.

2. *Скифы* — собирательное название кочевых племен по нижнему течению Дуная и к северу от Черного и Каспийского морей.

3. *Гетера*. — Гетерами назывались у греков женщины, которые вели свободный образ жизни; впервые они появились в Коринфе в связи с культом Афродиты, но затем проникли и в Афины. Как правило, гетеры отличались изяществом манер и тонким вкусом, и вокруг них собиралось обычно самое изысканное мужское общество.

4. *Сиринга* — свирель из девяти или семи трубок. Миф о сиринге рассказывается Ахиллом Татием в гл. VI восьмой книги. Он связан с греческим названием свирели — "сюринкс". Свирель — излюбленный музыкальный инструмент пастухов, символ пастушеской жизни; свирели бывали из 5, 7, 9 и 11 трубок. Феокриту приписывается так называемое "фигурное" стихотворение "Свирель", состоящее из 11 постепенно уменьшающихся двустиший.

5. *Пан* — сын Гермеса и Пенелопы [Есть много других вариантов. — Halgar Fenrirrson.], бог лесов и пастбищ, покровитель пастухов; его обычно изображали в виде бородатого мужчины с козлиными ногами и рожками. Пан изобрел свирель. Статуи Пана встречались возле пастбищ в рощах, и местное население приносило ему бескровные жертвы, чаще всего молоко, мед, фрукты.

6. *Притан*. — Этот термин означает начальника, старшину, председателя коллегии. Можно сравнить с афинскими архонтами.

7. *Тиран*. — В данном случае термин употреблен в значении "насильственный узурпатор", "захватчик царской власти" (в отличие от законного наследственного царя), "тиран", "самодержец".

8. *Гимнасий* — сооружение для гимнастических упражнений, представляющее собой большой двор, окруженный портиками и включающий в себя бани,

бассейны, колоннады. Молодежь очень любила проводить время в гимназиях. Готовясь к гимнастическим упражнениям, юноши раздевались и натирались маслом, чтобы во время борьбы легче было выскользнуть из рук противника.

9. *Сикофант* — По самой этимологии слово обозначает человека, который доносил на тех, кто, вопреки запрещению, вывозил из Аттики смоквы. В дальнейшем термин совершенно отошел от своего первоначального значения. В Афинах сикофантами назывались люди, шантажировавшие граждан, особенно греческих купцов, которые из-за незнания законов иногда нарушали местные установления. Заметив то или иное нарушение закона, сикофанты угрожали гражданину доносом, отступить от которого соглашались лишь за взятку. Со временем сикофантия превратилась в серьезное общественное зло, против которого даже существовали специальные законы, которые, впрочем, сикофанты умели обходить.

10. *Иония* — область на малоазийском берегу Эгейского моря, с прилегающими островами Хиос и Самос. Двенадцать городов Ионии представляли собой так называемый Ионийский Союз. Иония — важнейший культурный и торговый центр Греции.

11. *Стикс* — река в Аркадии, протекающая в дикой местности и падающая с отвесной горной стены в глубокий бассейн, находящийся между скалами. Древние рассказывали, что воды этой реки до такой степени ядовиты, что разъедают все, кроме лошадиных копыт. Вероятно, именно поэтому так была названа река подземного царства. Клятва водой Стикса священна для богов и людей. Бог, ложно давший эту клятву, на год погружался в сон, а затем в течение девяти лет не участвовал в совете бессмертных.

12. *Митра*. — В отличие от пояса вокруг талии, так назывался пояс, который женщины завязывали под грудью.

13. *Пояс девственности*. — Женщины носили его вокруг талии; распустить пояс значило потерять девственность или выйти замуж.

14. *Фемистокл* — крупнейший афинский государственный деятель эпохи греко-персидских войн. Более всего известен тем, что основал порт Пирей. Фемистокл явился инициатором бурного роста афинского флота, основал общегреческий союз тридцати пяти городов-государств, нанес персам знаменитое поражение при Саламине (480 г. до н.э.).
